О. Д. ГОЛУБЕВА, А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

НА ПОЛКАХ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Почитаю себя учеником и воспитанником Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и бесконечно ее всегда славлю, гордый сознанием, что и я когда-то служил здесь науке. Спасибо большое ей!

И. Л. Андроников

Библиотека — это не только книга. Это прежде всего колоссальный концентрат спрессованного времени, как бы сопряжение тысячелетий человеческой мысли, перенесенной на пергамент, папирус, бумагу...

М. С. Шагинян

О.Д.ГОЛУБЕВА, А.Л.ГОЛЬДБЕРГ

НА ПОЛКАХ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Издание второе,
исправленное и дополненное

МОСКВА
«КНИГА»
1983

ББК 78.33
Г 62

О. Д. Голубевой написаны очерки: Депо манускриптов, «Из искры возгорится пламя», Книги — борцы за народное счастье, «В союзе звуков, чувств и дум...», Галерея мирового искусства, О чем говорят автографы, Над страницами газет, Золотые россыпи альманахов, Всемирный географический атлас, В Доме Плеханова, Главное событие XX века, Книги-малютки, Коллекция «Ленинград в Великой Отечественной войне», Что будет завтра.

А. Л. Гольдбергом написаны очерки: Главный Книжный Дом, Сто семьдесят лет, В мире первых изданий, Отсвет пламени Парижской коммуны, Вторая жизнь библиотеки Вольтера, Окно из Европы, Один день.

Г $\frac{4403040000-087}{002(01)-83}$ Без объявл.

Мир книг необъятен, и у каждой своя судьба: одни, сыграв свою роль, сошли со сцены, другие вошли в бессмертие.

Еще Лессинг сказал: «То, что однажды напечатано, становится достоянием всего мира на вечные времена» [1]. Хранилищем этого достояния служат для человечества библиотеки.

В библиотеках постигают многообразие накопленных человечеством знаний, начинают выбор своего собственного пути. В библиотеки обращаются люди разных профессий, стремясь как можно лучше овладеть своим делом и узнать о новейших достижениях науки и техники. Сколько замечательных открытий родилось в тишине библиотечных залов! И сколько великих деяний прошлого, бессмертных творений литературы и искусства вернулись к нам из минувших веков благодаря поискам и находкам, осуществленным в библиотеках.

Когда свершилась Октябрьская социалистическая революция, глава первого в мире правительства рабочих и крестьян В. И. Ленин в следующую после взятия Зимнего ночь советовал только что назначенному комиссару по просвещению: «Постарайтесь обратить в первую очередь внимание на библиотеки» [2].

Ленинский завет воплощен в жизнь в нашей стране — советские библиотеки стали одной из важнейших ячеек социалистической культуры.

В наши дни перед советскими библиотеками поставлены новые важные задачи. Они определены решениями партийных съездов и постановлением ЦК КПСС по библиотечному делу (1974), в котором подчеркивается, что главная задача библиотек состоит в активной пропаган-

де политики Коммунистической партии и Советского государства, в более полном использовании огромных книжных богатств для образования и воспитания нового человека, ускорения научно-технического прогресса. Выполнение этих указаний еще более увеличит значение деятельности библиотек в развитом социалистическом обществе.

ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ ДОМ

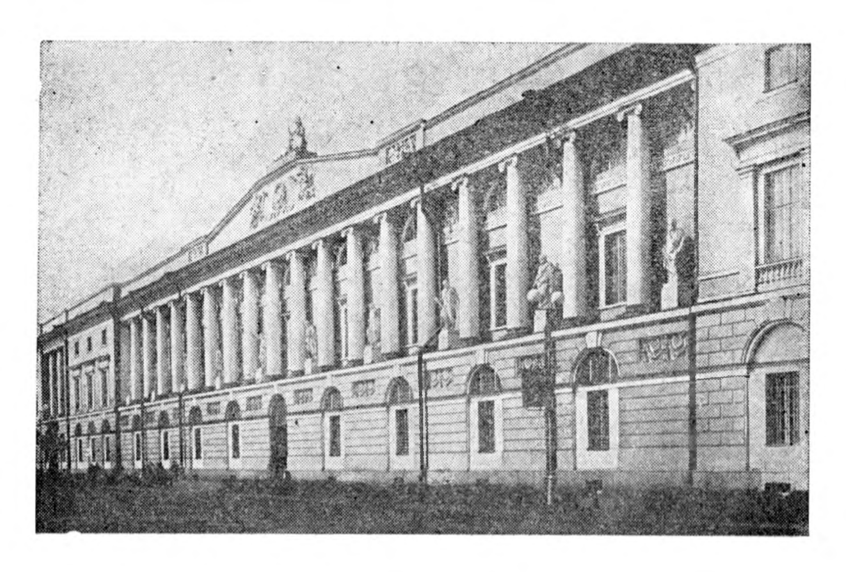
Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский,
Весь Летний сад — Онегина глава,
О Блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский.
С. Маршак

Среди сотен тысяч библиотек Советского Союза выделяются, как маяки, крупнейшие общегосударственные хранилища. Деятельность их обширна и многообразна; она воплощает в себе стремление сберечь для потомков книжные богатства и обеспечить интересы каждого поколения современников. Почетное место среди этих библиотек принадлежит ленинградской Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Наверно, многим читателям этой книги доводилось обращаться в Публичную библиотеку, посещать ее залы или получать по межбиблиотечному абонементу книги, журналы и микрофильмы, присланные в городскую или областную библиотеку из фондов ленинградской «Публички». Фонды эти представляют собой национальное достояние советского народа.

О книжных богатствах, хранящихся в этих фондах, о некоторых замечательных книгах и их необычной судьбе, о том, как пополняются книжные собрания в наши дни, об одном рабочем дне и о будущем Публичной библиотеки будет рассказано в очерках, составляющих эту книгу. Читателю, стремящемуся получить более полное представление об истории Публичной библиотеки и ее современной деятельности, мы рекомендуем обратиться к ранее вышедшим изданиям. Список их приведен в конце нашей книги.

Среди геометрически четкой сети ленинградских улиц и проспектов стоят Книжные Дома. В одних рождались и рождаются книги, из других они расходятся по всей стране, в третьих их собирают и бережно хранят. Вслед за древней Москвой Петербург — Петроград — Ленин-

Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

град стал великим книжным городом и не утратил этой славы до наших дней.

...Не прошло и четверти века со дня основания города, а уже стало известно, что в новой столице находится типография, имеющая переводчиков со всех языков, и те переводят лучшие книги, выходящие в Европе. Прекрасное здание Академии наук, увенчанное золоченой небесной сферой, вместило в себя и кабинеты академиков, и библиотеку, и первый русский музей — Кунсткамеру. Ныне академическая библиотека находится на новом месте, но ее прежняя обитель, отражающаяся в широких водах Невы, сохранила за собой славу первого Книжного Дома Петербурга.

Шли десятилетия, и с каждым годом умножалось число книг, издаваемых на невских берегах. В академической типографии на Васильевском острове набирали и печатали ученые трактаты Михаила Васильевича Ломоносова, из домашней книгопечатни везли в Гостиный двор первые оттиски радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». Один за другим выходили в свет и разбирались читающей публикой томики «Истории государства Российского» Карамзина. У Синего моста на

Мойке, а потом у собора Петра и Павла на Невском проспекте собирались в книжной лавке Смирдина писатели и поэты, и гостеприимный хозяин почтительно кланялся сановитому Жуковскому, грузному Крылову и тому, чья курчавая гордая голова над стремительным плащом и по сей день возникает перед нами на невских набережных и аллеях Летнего сада.

Сколько в Ленинграде пушкинских домов? И дом в Коломне, где сложились строки «Руслана и Людмилы», и дом на Мойке, где в февральский мороз сто сорок шесть лет назад затихшая толпа старалась уловить последнее дыхание поэта, и тот Пушкинский Дом, где берегут все, что вышло из-под великого пера. Сохранилась и библиотека Пушкина, служившая рабочей лабораторией первого в России профессионального писателя и предметом его собирательской гордости.

Любимое детище книгоиздателя Пушкина — журнал «Современник» — через десять лет после смерти поэта оказался в надежных руках Некрасова, включившего в поэму «О погоде» беседу с типографским рассыльным Минаем о питерской книжности:

— А какие ты носишь издания? —
Пропасть их — перечесть мудрено.
Я Записки носил с основания,
С Современником нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Все ношу к Николай Алексеичу —
На Литейной живет [3].

Дом Некрасова на углу Литейного и Бассейной невелик и неказист, но это один из самых славных Книжных Домов Ленинграда, таких как дом Достоевского на Кузнечном, дом Блока на Пряжке, дом Горького на Кронверкском проспекте.

А в полузамерзших комнатах бывшего барского дома на Моховой возникло издательство «Всемирная литература», призванное, по замыслу Горького, дать в руки революционного народа все лучшее, что было создано писателями всех стран. Благодаря заботам Горького в старинном доме на Невском между Морской и Мойкой нашли приют петроградские литераторы той поры. Александр Грин и Ольга Форш, Всеволод Рождественский и Мариэтта Шагинян и множество их собратьев создавали свои первые послеоктябрьские рассказы, по-

вести и стихи под этим славным кровом, называвшимся в те дни Домом искусств и тоже вошедшим в почетную когорту ленинградских Книжных Домов.

Революция отдала в руки народа типографии, издательства, библиотеки. Большинство ленинградских издательств и редакций разместилось в огромном доме со стеклянным глобусом над высокой башней. Серую махину, построенную для немецкой фирмы на углу Невского и канала Грибоедова, стали вскоре называть Домом книги, и это название сохранилось и по сей день.

Каждый этаж этого огромного дома вошел в историю советской литературы десятками задуманных и выпущенных в свет книг. Здесь можно было услышать голоса Алексея Толстого и Тынянова, Маяковского и Есенина. В тесных комнатушках Детгиза Маршак и его ближайшие соратники — Житков, Заболоцкий, Евгений Шварц, Хармс яростно изгоняли из детской литературы назидательное сюсюкание и серость прописных истин.

В дни блокады Дом книги опустел, мешки с песком прикрыли зеркальные витрины книжных магазинов, сократились тиражи книг и журналов, а газеты стали печатать на маленьких листках бумаги. Но ленинградская книжность не угасла, она сражалась в одном ряду со всеми горожанами и выстояла вместе с ними. Книжными Домами стали в ту пору темные и холодные квартиры. Чаще всего литераторы блокадного Ленинграда вспоминают одну из таких квартир — в старом доме на Зверинской улице Петроградской стороны. За плотными светомаскировочными шторами, у мерцающей коптилки ленинградский поэт Николай Семенович Тихонов читал друзьям строки своей новой поэмы. И вслед за ним читали Берггольц и Дудин, Гитович и Лихарев, Инбер и Саянов, Шефнер и Прокофьев, и грохот близких разрывов заглушал их охрипшие от ледяной стужи голоса.

Победа вернула старым Книжным Домам Ленинграда их былое назначение. В магазине Дома книги всегда полным-полно охотников за новинками. Из цехов «Печатного двора» выезжают машины, груженные томами, еще пахнущими типографской краской. Встал над Фонтанкой новый Дом прессы, заполненный снизу доверху шумными редакциями. И в центре этого книжного мира стоит Главный Книжный Дом Ленинграда — Публичная библиотека.

Она действительно находится почти в географичес-

ком центре города и уж, во всяком случае, на самом людном перекрестке, там, где Невский проспект пересекает Садовая улица. Одной стороной Библиотека выходит на площадь Островского, другой — в переулок Крылова, сравнительно недалеко от нее улицы Герцена, Гоголя, Ломоносова, Белинского.

В зданиях Библиотеки — и в самом старом, соколовском, и в других, огромных, но теперь уже тесных постройках,— скрещиваются пути книг, рожденных на невских берегах и пришедших сюда со всех концов света. Пути эти начались сто семьдесят лет назад и продолжаются до наших дней.

СТО СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ

Публичная библиотека получила свое имя задолго до основания. С середины XVIII века в просвещенных кругах русского общества все настойчивее велись разговоры о том, что столице недостаточно иметь академическую библиотеку, предназначенную для узкого круга ученых, и потому необходимо создать в Петербурге библиотеку общедоступную, или, как тогда говорили, публичную. Выдвигались различные проекты, но дело по разным причинам не ладилось и сдвинулось с места, когда в Петербурге появилось огромное собрание замечательных книг. Оно было доставлено в 1795 году из Варшавы и некогда принадлежало крупнейшим коллекционерам, польским меценатам братьям Андрею-Станиславу и Иосифу-Андрею Залусским. Положенное в основу будущей библиотеки, это собрание явилось ее начальным ядром, которое вскоре стало обрастать все более значительными книжными богатствами, постепенно растворяясь в них и сливаясь с ними в единое целое.

Двадцать лет ушло на то, чтобы построить прекрасное здание, разобрать и расставить имеющиеся книги, но судьба создаваемой библиотеки еще долго висела на волоске: все зависело от воли царских вельмож, ведавших библиотекой,— ведь она была названа не просто публичной, а Императорской публичной,— и долгое время находилась в ведении царского двора. Собственно, все первое столетие существования библиотеки — это чередование периодов ее подъема и упадка, связанных с общим направлением царской политики и с курсом, избранным библиотечной администрацией.

Подготовкой к открытию библиотеки руководил ее тогдашний директор — ученый, писатель и любитель ис-

кусств Алексей Николаевич Оленин, который был назначен ее директором в 1811 году и был им до конца своих дней (1843).

Вечером 14 (2) января 1814 года в круглом зале второго этажа библиотечного здания, построенного архитектором Е. Т. Соколовым, состоялось торжественное открытие Публичной библиотеки. Рядом с директором Олениным находились его ближайшие сотрудники: В. С. Сопиков, прозванный впоследствии «отцом русской библиографии», поэт и переводчик Н. И. Гнедич, баснописец И. А. Крылов.

Это им пришлось распределять книги по фондам, составлять первые каталоги, принимать в читальных залах первых, еще немногочисленных посетителей. Особенно важным они считали «употреблять все меры к скорейшему составлению собрания российских книг, доселе из печати вышедших» [4]. Сотрудники Библиотеки разыскивали книги, напечатанные в России за предыдущие два с половиной века, скупали их у петербургских книготорговцев, приобретали в разных городах России, добывали из дублетных фондов Академии наук, университетов и других учреждений. Особенно много старопечатных книг и изданий XVIII века поступило в библиотеку в составе богатых коллекций, купленных у известных в то время собирателей. Книги времен Ивана Грозного и Петра Первого, реляции о походах Румянцева и Суворова, русские сатирические журналы, потайные раскольничьи издания, сохранившиеся в сундуках купеческих горниц, на пыльных чердаках или в резных шкафах коллекционеров, перебирались на еще недавно пустовавшие полки Русского отделения Публичной библиотеки.

Необходимо было также обеспечить доставку обязательного экземпляра всех выходивших в стране изданий, а поскольку многие книгоиздатели не соблюдали этого правила, Сопикову и Крылову приходилось по всем возможным источникам следить за новой книжной продукцией и добиваться ее поступления в Библиотеку. 2000 книг было в русском фонде библиотеки, когда в 1812 году Иван Андреевич Крылов вступил в заведование этим отделением, а ко времени его ухода из Библиотеки (1841) в ней насчитывалось уже более 20 тысяч русских книг. К середине XIX века здесь было сосредоточено более 90% изданий, вышедших в России с начала

книгопечатания. Как отмечали современники, «библиотека могла гордиться, что напечатанного на русском и церковнославянском языках в ней неизмеримо более, чем есть где-нибудь, и при том множество такого, чего нигде нет» [5].

В иностранном фонде Библиотеки к моменту ее открытия находились книги преимущественно на латинском, французском, польском, немецком языках, изданные до середины XVIII века, причем преобладали среди них богословские и исторические сочинения, а также издания античных классиков. Предстояло существенно обновить этот фонд, а главное — привести его в соответствие с требованиями времени и потребностями читателей.

Пришедшие в Библиотеку во второй четверти XIX века В. И. Собольщиков, Р. И. Минцлов, помощник директора — писатель и композитор В. Ф. Одоевский отдавали комплектованию иностранного фонда очень много сил. Их поддерживал и тогдашний директор библиотеки, лицейский однокашник Пушкина — М. А. Корф. Лукавый царедворец и консервативный политик, Корф, однако, уловил требования эпохи, необходимость распространения нужных знаний среди капиталистов, промышленников, художников, учащихся. Он выдвинул задачу привести богатое древностями книгохранилище в совершенный уровень с современною наукою. Поэтому особое внимание уделялось покупке книг по физике, химии, математике, медицине. В связи с ростом железнодорожного строительства Библиотека собирала все выходившие в свет книги о паровозах и рельсовых путях. Значительно пополнились фонды книг по сельскому хозяйству, экономике, банковскому делу.

Не забывались при этом и гуманитарные науки: тщательно собирались издания исторических источников — от публикаций египетских иероглифов до летучих листков французской революции 1789 года, от многотомной серии описаний путешествий, выпускаемой лондонским Хэклейтским обществом *, до материалов археологиче-

---

* Хэклейтское общество (Hakluyt Society) в Лондоне создано при Британском Музее в 1846 г. для публикации редких старинных записок и описаний путешествий и других материалов по географии. Названо по имени знаменитого английского географа-путешественника Ричарда Хэклейта, начавшего с 1582 г. систематически печатать географические документы. Существует и в настоящий момент.

ских раскопок в странах Африки, Азии и Америки. У одного только библиофила П. К. Сухтелена было куплено 27 тысяч книг, а всего к середине XIX века было приобретено свыше 170 тысяч изданий, и по составу своего иностранного фонда (около 350 тысяч книг) Публичная библиотека вышла в ряды крупнейших библиотек мира.

Уже давно книги перестали вмещаться в старое — соколовское — здание, уже поднялось рядом с ним торжественное строение Карло Росси и А. Ф. Щедрина, увенчанное богиней мудрости — Минервой, а богатства Публичной библиотеки продолжали возрастать.

Во второй половине века особенно большой размах приняли дары, поступавшие в Библиотеку от ее многочисленных читателей и почитателей. Литераторы и ученые дарили свои собственные произведения и специально подобранные коллекции по различным отраслям знаний. В числе дарителей были: врач Н. И. Пирогов, астроном В. Я. Струве, математик М. В. Остроградский, врач и лингвист В. И. Даль, историки Н. И. Костомаров, М. П. Погодин и многие другие. Вспоминая об этом времени, В. В. Стасов писал: «Со всех сторон сыпались приношения книгами, рукописями, гравюрами, всякими типографическими редкостями и драгоценностями. Все наперерыв старались отыскать у себя в старых шкафах, в забытых углах, здесь или в провинции, что-нибудь такое, что можно было бы подарить Библиотеке, прибавить к ее все более и более разраставшимся коллекциям» [6].

Высоко оценивая этот поток даров, Н. Г. Чернышевский видел в нем свидетельство усилившегося сочувствия русского общества Публичной библиотеке, а собранные фонды именовал «драгоценным умственным капиталом, который библиотека должна постоянно умножать» [7].

Умножению этого капитала содействовали и зарубежные друзья Публичной библиотеки. Ценные книги были получены от чеха Ф. Миклошича, серба В. Караджича, француза П. Мериме, от многих писателей и ученых Англии, Германии, США, Дании, Голландии, Италии. Даже из далекой Батавии (нынешней Джакарты) стали регулярно приходить посылки с книгами от тамошнего Общества наук и искусств.

Большой размах приняла покупка книг через зарубежных комиссионеров, ни один крупный аукцион не

проходил без участия агентов Публичной библиотеки, приобретавших редкие старинные издания. Не менее энергично шло комплектование новинками книжного рынка. Вслед за «Происхождением видов» Чарлза Дарвина Библиотека приобрела и все последующие его труды; вслед за сочинениями социалистов-утопистов Сен-Симона, Оуэна, Кабе в Библиотеку поступили первые издания основоположников научного коммунизма — К. Маркса и Ф. Энгельса. Правда, говоря о порядках в Библиотеке в начале 1890-х годов, ее старая читательница Н. К. Крупская вспоминала, что «Маркса тогда не выдавали».

Впрочем, можно ли было ожидать иного: ведь, как мы уже упоминали, Библиотека была не только публичной, но и Императорской, и этим определялись установленные в ней порядки. В первые десятилетия ее существования это сказывалось и на составе ее читателей; хотя она, будучи бесплатной, являлась доступной для сравнительно широкого круга лиц, однако «нижние военные чины», «слуги в ливреях» и другие «непристойно одетые особы» в нее попасть не могли. Лишь постепенно сходили на нет сословные ограничения.

Если в первый год после открытия Библиотеки в ней занималось всего 969 читателей, получивших для чтения 1341 книгу, то через пятьдесят лет число читателей превысило 6000 и книговыдача 200 тысяч, а к началу XX века эти цифры более чем удвоились.

Росло и число читальных залов: в 1862 году был пристроен Собольщиковский корпус, а в 1901 году — Воротиловский, и Библиотека занимала уже целый квартал — от Невского проспекта до Толмазова переулка.

Осенью 1893 года в Собольщиковском зале появился молодой читатель, подолгу засиживавшийся за книгами по экономике, статистике, философии. Владимир Ильич Ленин более двух лет регулярно посещал Публичную библиотеку, и в память об этом читальный зал, в котором он занимался, именуется теперь Ленинским залом.

Каждый раз, приезжая в Петербург, посещал Библиотеку Лев Николаевич Толстой, неизменно прибегая к помощи своего давнего друга Владимира Васильевича Стасова, прослужившего в Библиотеке долгие годы. Впрочем, не только Лев Николаевич пользовался его советами — круг знакомых Стасова был поистине не-

объятен. Маршак, будучи гимназистом, часто сиживал за стеллажом возле стасовского уголка и впоследствии так вспоминал об этом:

Публичная библиотека.
Щитами огорожен стол
Перед окном. Почти полвека
Владимир Стасов здесь провел.
<. . . . .>
Вокруг стола стоит ограда
Щиты с портретами Петра.
Но за ограду без доклада
Народ является с утра [8].

Шаляпин и Римский-Корсаков, Репин и Глазунов и десятки других композиторов, артистов, писателей, художников побывали в уголке у Стасова.

Расположенная в центре города трех революций, Публичная библиотека каждый раз оказывалась в центре революционных бурь. Так было в январе 1905 года, когда в тишину читальных залов ворвались отзвуки залпов расстрела мирной демонстрации, а через час на импровизированную трибуну из столов и стульев того же читального зала поднялся А. М. Горький, призывая на борьбу с деспотизмом. В июле 1917 года все газеты мира обошли фотографии с изображением расстрела мирной демонстрации под окнами библиотечного здания. А в октябре того же года прибывший в Петроград американский журналист Джон Рид увидел, как в руках бронзовой Екатерины II, стоящей против входа в Библиотеку, развевался воткнутый каким-то озорным красногвардейцем красный флаг.

Не так-то просто было установить новые порядки в стенах бывшей Императорской публичной... В первый же день восстания петроградский Военно-революционный комитет приказал своим комиссарам взять ее под особую охрану, но консервативно настроенная дирекция Библиотеки распорядилась прекратить работу и запереть двери читальных залов. Большевистская «Правда» два дня подряд с возмущением писала об этом и, наконец, на третий день, когда сопротивление саботажников было сломлено, радостно объявила своим читателям: «Публичная библиотека, закрывшаяся ввиду последних событий, вновь открывается с понедельника, 18 ноября» [9].

В самые первые месяцы после победы Октября В. И. Ленин, возглавивший измученное войной и голодом огромное государство, нашел время для составления

записки «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде». Публичная библиотека должна была, по мысли Ленина, стать одним из помощников партии в борьбе за обучение и просвещение народа, за развитие науки и культуры. Владимир Ильич наметил конкретные меры для укрепления Библиотеки и перестройки ее с тем, чтобы она стала доступной для всех трудящихся.

В годы гражданской войны старый порядок комплектования Библиотеки был нарушен: книжные магазины закрылись, фронты и блокада отрезали Советскую Россию от зарубежных стран. Однако в Библиотеку продолжали поступать книжные богатства из недоступных ранее источников. По указанию Советского правительства сюда были переданы огромные собрания, накопившиеся в бывших царских учреждениях, Государственном Совете, Государственной Думе. Тщательно учитывались и направлялись в Библиотеку книжные коллекции, принадлежавшие аристократам и миллионерам, сбежавшим за границу. Ветераны Библиотеки любили вспоминать о том, как в 1919 году у дверей дирекции остановилась тачанка одной из дивизий Петроградского фронта, доставившая брошенную бывшим владельцем коллекцию инкунабул. А когда В. И. Ленин ознакомился с докладной запиской о тяжелом состоянии петроградского книгохранилища, то по его поручению было дано указание Секретариату Совнаркома: «Добиться спасения библиотеки от дальнейшего разрушения и обеспечения ей возможности вести нормальную работу» [10].

Все, что надо было для нормальной работы в Библиотеке, было сделано. Восстановились ее связи с книжным рынком в стране и за рубежом. Возглавлявший Библиотеку академик Н. Я. Марр и его ближайшие сотрудники — Н. С. Державин, И. И. Яковкин, М. Л. Лозинский, А. И. Браудо и многие другие обеспечили поступление в фонды новых книжных богатств. Интерес к этим богатствам все более возрастал, и рядом со старыми посетителями «Публички» в читальных залах появилась новая публика. Необычность читательской аудитории была отмечена посетившим Библиотеку американским писателем Т. Драйзером, который занес в свои заметки слова о том, что «теперь здесь читают русские пролетарии, которых прежде арестовывали за тягу к знаниям» [11].

Библиотека стремилась как можно больше приблизиться к своим читателям: открывались ее филиалы в

фабричных районах, сельской местности, в Петроградском Дворце пионеров; устраивались многочисленные выставки. Первая выездная выставка, посвященная истории книгопечатания и типографского искусства, была организована в 1926 году в одной из крупнейших в Ленинграде типографий.

Страна строилась, пятилетки возводили каркас здания социализма, и в этот великий труд Библиотека вносила свой немалый вклад. На Сталинградский тракторный завод и к металлургам Магнитки, на Днепрострой и на Кузнецкий комбинат шли книги и необходимые справки, подготовленные библиотекарями и библиографами ленинградской Публичной библиотеки. И когда Библиотека в 1939 году была награждена орденом Трудового Красного Знамени, то каждый из ее сотрудников мог повторить слова Маяковского:

Радуюсь я—
это мой труд
Вливается в труд
моей республики.

Именно так оценила деятельность коллектива Публичной библиотеки Н. К. Крупская, приславшая к ее 125-летию привет «ее работникам — и старым, долгие годы работавшим над тем, чтобы превратить ее в настоящую сокровищницу, и работникам новым, которые, продолжая это дело, в то же время работают над тем, чтобы сделать эту сокровищницу знаний одной из опорных точек укрепления социализма»[12].

В годы Великой Отечественной войны Библиотека мужественно разделила судьбу Ленинграда. В первые недели войны часть фондов была перемещена в подвалы, а наиболее ценные книги и рукописи были вывезены в глубь страны. Предосторожности оказались не напрасными — у стен Библиотеки разорвалось несколько снарядов, а на крыши ее попало множество зажигательных бомб. Лишь самоотверженность и героизм бойцов дружины противовоздушной обороны, совмещавших дежурства с библиотечной работой, спасли Библиотеку от серьезных разрушений.

Часть сотрудников ушли на фронт, остальные продолжали работать в непосильных условиях блокады. Город погрузился во тьму, холод хозяйничал в нетопленых зданиях, но Библиотека ни на один день не прекращала работы. И хотя читальным залом служила то столовая, то

с трудом натопленный кабинет директора, люди шли в Библиотеку и получали нужные им книги — о ведении уличных боев и строительстве ледовых дорог, о лечении цинги и гидрологии Ладожского озера, о боевой технике и боевых традициях борьбы за свободу Отчизны.

Библиотека сохранила во время войны все свои фонды. Более того — она значительно пополнила их, спасая книжные собрания, погибающие в разбитых домах и в квартирах, опустевших после смерти их хозяев. Долг перед погибшими согражданами обязывал Библиотеку спасти для потомства собранные ими книги. На маленьких саночках, служивших в блокированном Ленинграде универсальным транспортом, в детских колясках и лишь с весны 1942 года на трамваях доставляли эти книги в Библиотеку, чтобы они заняли достойное место на ее полках. Свыше 100 тысяч томов из личных библиотек ленинградцев, в том числе множество ценнейших изданий, было сохранено Библиотекой.

Книги, издававшиеся за пределами блокадного кольца, в Ленинград не поступали, но экземпляры, предназначенные для Публичной библиотеки, сберегались для нее в Москве. После снятия блокады книги начали приходить в Библиотеку, и когда осенью 1944 года читальный зал вернулся в свое довоенное помещение, на полках его было уже много новой литературы. Впрочем, пробелов в комплектовании за военные годы накопилось немало, но тут пришли на помощь другие библиотеки страны. Издания своих сочинений, вышедшие в военные годы, прислали в Публичную библиотеку выдающиеся ученые — академики В. А. Обручев, С. И. Вавилов, Л. С. Штерн, А. Н. Крылов, Е. В. Тарле, известные писатели и поэты — А. Т. Твардовский, К. М. Симонов, И. Г. Эренбург, С. Я. Маршак, О. Д. Форш, Б. Л. Горбатов и многие другие.

Прошло уже сто семьдесят лет со времени открытия Публичной библиотеки. Бережно сохраняя накопленные книжные богатства, она продолжает умножать их число и знакомить с ними читателей. Некоторые из собранных Библиотекой коллекций не имеют себе подобных в других книгохранилищах мира, и именно об этих уникальных собраниях мы и постараемся в первую очередь рассказать.

ДЕПО МАНУСКРИПТОВ

Врезанные в память письмена
Бегущие столетья не сотрут.

В. Шекспир

Благоговейное чувство испытывает всякий, кто попадает в хранилище рукописей. Торжественна архитектура четырех сводчатых залов: массивные пилоны, обширные арки, полуциркульные окна, глубокие ниши. Перед нами самая старая часть здания. Именно сюда, в бывший читальный зал, приходили первые читатели Библиотеки, здесь же до второй половины XIX века размещались кабинет директора и канцелярия. В одном из залов наше внимание привлекает деревянный ларец, украшенный бронзовыми крылатыми грифонами. В ларце — указ императора Александра I об образовании первой в России Публичной библиотеки. Со стен смотрят на нас безмолвные свидетели былого: залы Отдела рукописей украшены портретами выдающихся государственных деятелей, писателей, композиторов, деятелей науки и просвещения. На низких шкафах, некогда привезенных из Эрмитажа, бюсты первых директоров Библиотеки — А. Н. Оленина и М. А. Корфа, а также известного ее сотрудника В. В. Стасова.

Скульптура и живопись помогают нам зримо представить себе лица людей, чьи мысли и чувства запечатлены в различных памятниках письменности, хранящихся за дверцами многочисленных высоких ясеневых шкафов.

Под стеклом выставочных витрин папирус, пальмовые листья, слоновые бивни, пергамен, береста, металлические пластинки, деревянные дощечки, покрытые воском, и изготовленная в разных странах и в разные века бумага, с нанесенными на них буквами, знаками, иероглифами. В буквах и знаках — минувшие тысячелетия и наш сегодняшний день.

Стоят на старинных полках сотни тысяч немых, но красноречивых свидетелей былого. Они сейчас верно служат людям и будут служить нашим далеким потомкам.

Щемящее чувство вызывают слова, начертанные за несколько дней до смерти рукою Г. Р. Державина на грифельной доске, которая стоит в одном из залов отдела. От времени строки уже едва заметны. Вот они, прощальные строки:

Рука времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
И если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

Поэт был не совсем прав — не все предается забвению, и свидетельство этому «Депо манускриптов».

*

Хранилище рукописей было основано на девять лет раньше официального открытия Библиотеки — 27 февраля (по старому стилю) 1805 года. Называлось оно тогда «Депо манускриптов». Первый хранитель манускриптов — Петр Петрович Дубровский. Страстный и знающий коллекционер рукописей, он много лет работал на дипломатической службе — переводчиком и секретарем русского посольства в Париже. Совершал поездки в Вену, Лондон, Мадрид, Лиссабон. И всюду вел ревностный поиск рукописей. За время своей дипломатической работы он приобрел множество рукописей и книг. Особенно много рукописей он сумел приобрести в Париже во время Великой Французской революции 1789—1792 годов, когда на книжном рынке можно было купить ценнейшие материалы.

С момента своего основания фонды бывшего «Депо манускриптов» неизмеримо выросли. Сейчас — это уникальное хранилище документальных источников, написанных более чем на 70 языках народов мира за период более чем трехтысячелетнего развития цивилизации, насчитывает около 400 тысяч рукописей. Каждый год оно пополняется несколькими тысячами единиц хранения. Наиболее полно представлены здесь свидетельства развития русской культуры: рукописная книга, сохранив-

шаяся с XI века (Остромирово евангелие), литературные произведения древних писателей, юридические документы по средневековой русской истории, автографы государственных деятелей, деятелей науки и культуры XVIII века, личные архивы, коллекции и собрания русских ученых, писателей, композиторов, художников, издателей XVIII—XX веков. Кроме реликвий отечественной истории и культуры в рукописном фонде около 20 тысяч рукописей на 40 восточных языках. Древнейшие из них — египетские папирусы X—XI веков до нашей эры. Здесь также хранятся более 75 тысяч рукописных книг и подлинных документов на всех европейских языках. Хронологический их охват — от V до XX века.

Все девять муз — покровительниц поэзии, искусства и науки — нашли приют в шкафах рукописного фонда.

Ученые со всех концов нашей страны, многочисленные зарубежные гости приезжают в Ленинград, чтобы познакомиться с этими сокровищами.

У нас нет возможности подробно рассказать об огромном рукописном наследии. Попытаемся охарактеризовать лишь некоторые наиболее ценные рукописи, представляющие интерес для культуры.

ТЫСЯЧЕЛЕТНЯЯ КЛАДОВАЯ МУДРОСТИ

Никакие провалы истории и глухие пространства времени не в состоянии уничтожить человеческую мысль, закрепленную в сотнях, тысячах и миллионах рукописей и книг.

К. Г. Паустовский

История русской письменности и книжности тесно связана с историей русского народа и русского государства. До середины XVI века русская литература была исключительно рукописной. Переписчик или переводчик того или другого памятника был одновременно и его редактором, часто изменявшим текст.

До XIV века на Руси материалом для письма служил пергамен. Это специально обработанная телячья кожа, очищенная от шерсти и вымоченная особым образом.

Чернила для рукописей делались, как правило, из наростов на листьях дуба, чернильных орешков, вишневого клея и смеси кислого и пресного меда. Немало рукописных книг, хранящихся в Публичной библиотеке, на-

писаны чернилами, изготовленными из ольховой коры и кислых щей, приправленных железными опилками и заквашенных пресным медом.

Цвет чернил получался настолько стойким, что не изменялся в течение столетий. Писали рукописные книги особой палочкой — стилом, а затем гусиными, редко павлиньими перьями. Рукопись стоила дорого и писалась медленно, крупным почерком, который назывался уставом.

Перепиской книг занимались монахи, священники, дьяконы и «мирские люди». В богатых монастырях или при княжеских дворах создавали мастерские, в которых переписывались, переводились, иллюстрировались книги. Но часто рукописные книги писались и в монашеских кельях. Иногда на страницах старинных рукописных книг оставались следы ночных монашеских бдений: сальные пятна от свечей. В заглавных буквах (инициалах) рукописных книг XIV—XV веков часто встречаются изображения гусляров, охотников с соколами, писцов, рыбаков с сетями, скоморохов. Нередко пергамен византийских книг окрашивался в пурпурный, черный и синий цвета. На окрашенных листах вместо чернил часто использовали раствор золота или серебра.

Переплеты рукописных книг делались из досок, обтянутых тисненой кожей, шелком и бархатом. Богатые владельцы книг «одевали» их в драгоценные оклады из золота и серебра, инкрустировали драгоценными камнями. Размеры этих книг самые разнообразные — от миниатюрных до огромных фолиантов.

Весьма красноречивы бывают приписки, сделанные на полях книги либо в ее конце владельцами книг, писцами. Они дают богатый материал для изучения истории создания книги, ее распространения в обществе, для изучения истории живого разговорного языка.

«Помоги, господи, рабу своему Кузме: дай бог ему рука крепка, а сердце бы ему весело, а око бы ему быстро, а ум тверезв»,— просит книгописец Минеи * (1407).

Второй писец не преминул отметить свою радость по поводу завершения книги: «Яко же рад заяц, избывши тенета, тако рад писец, допьесав последьняго листа ему».

С присущей ему непосредственностью на одной книге

---

* Минея — книга с текстами церковных служб на каждый день месяца.

писец Мартирий написал: «Увы мне, комары съдоливают мя! Горе тебе, Мартирье, не стяжавшему терпениа». На Минее XI века есть приписка: «Путята пъсал, да че криво, да исправите, а не клъните». В науке эта Минея получила название «Путятина Минея».

Занимательные рисунки можно увидеть в рукописных книгах. Порой даже в инициалах можно рассмотреть бытовые сценки из жизни наших далеких предков. В одной из древнерусских псалтырей заглавную букву «М» изображают два рыбака, держащие опущенный невод с рыбой и спорящие из-за своего улова. На полях рукописи полустертая подпись. «Дурак»,— говорит один. «Сам еси таков»,— отвечает другой.

Такие диалоги далеких читателей, увы, не украсили рукопись. К сожалению, и сейчас нередки случаи порчи библиотечных книг читательскими ремарками, подчеркиваниями и иными «пометами». Наши далекие предки учили бережно относиться к книгам. В одной из рукописных книг второй половины XVII века (книга из библиотеки Соловецкого монастыря) читаем такое наставление молодому монаху: «Аще кто возмет книги да будут чтуще ни капли бы вощные (воска) укапити, ни слиною юже изо уст окропите (не плевать), ни руками окаляти (не грязнить). И не храня их добре — сухо да яст три дни, а поклонов по 300 на день».

Со второй половины XIV века в изготовлении книг на Руси начинают употреблять и бумагу. Письмо стало более беглым — полуустав, вскоре появилась и скоропись.

Опустошительные междоусобные феодальные войны, набеги кочевников и монголо-татарское иго нанесли огромный ущерб русской книжности. Книги погибали во время пожаров и грабежей, рассыпались, когда враги сдирали с них драгоценные оклады, разрушались переплеты. Летописи свидетельствуют о массовом истреблении книг во время войн. Но некоторые из них сохранились до наших времен, позволяя заглянуть в прошлое, представить жизнь далеких предков. Нестору и Никону и многим безымянным древним летописцам мы обязаны тем, что «ведаем земли родной минувшую судьбу». Знакомство с рукописными книгами почти тысячелетней давности раскрывает нам жизнь и культуру Древней Руси.

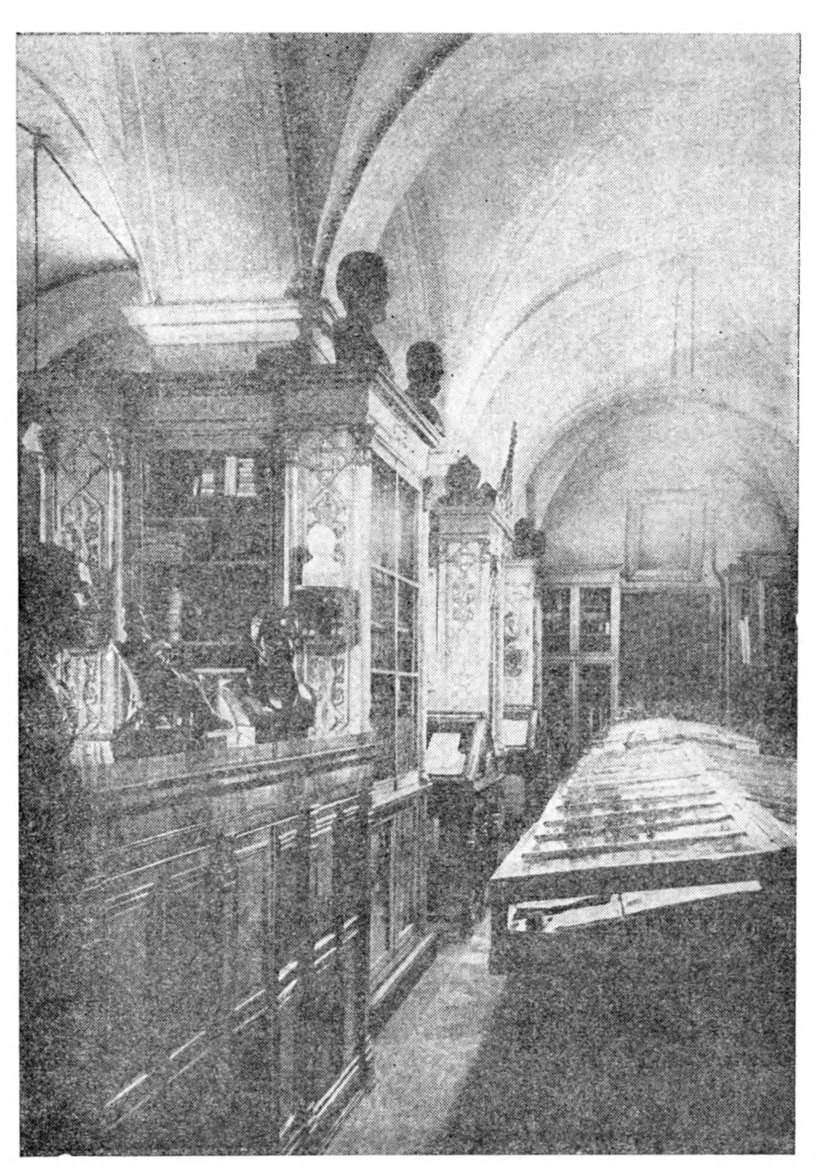
Бесценное рукописное сокровище Публичной библиотеки — Остромирово евангелие. Из приписки, сделанной на последней странице книги, принадлежащей управ-

ляющему новгородскими землями Иосифу-Остромиру, явствует, что она была написана по заказу приближенного сына Ярослава Мудрого Изяслава: «Аз Григорий дьякон написах Евангелие се <...> рабу Божию наречену Иосиф, а мирски Остромир, близку сущу Изяславу князю». Писец отметил, что работа начата 21 октября 1056 года и окончена 12 мая 1057 года. Ему понадобилось семь месяцев, чтобы создать этот фолиант, украшенный тремя портретами-миниатюрами, орнаментальной росписью заставок и инициалов. 294 листа хорошо обработанного белого пергамена заполнены в два столбца рукой искусного мастера величественным уставным почерком.

Все заглавные буквы выполнены искусно, во многих из них изображены человеческие лица, фантастические животные и птицы. На миниатюрах — три евангелиста: Иоанн Богослов, Лука и Марк. На иллюстрации, изображающей евангелиста Луку, мы можем рассмотреть и все, чем в старину писали и рисовали книги: циркуль, цепочку для разметки листа пергамена перед разлиновкой на строчки, ящик с красками и сосуд с растворителем, набор различных по величине палочек. Пера нет, хотя сама эта книга, несомненно, написана пером. Иллюстрация отразила более древний способ письма.

Мы не можем не согласиться с В. В. Стасовым, который сказал о создателе Остромирова евангелия: «Здесь проявляется столько тонкого вкуса, художественного уменья, грации, нежных и деликатных сочетаний, что их невозможно относить к работе простого каллиграфа, либо должно признать, что каллиграфы XI века были в то же время отличные живописцы своего времени»[13]. Творение дьякона Григория до сих пор радует свежестью красок и изысканностью исполнения.

Неизвестна судьба этой книги с момента создания до начала XVIII века. Как предмет богослужебный, она должна была постоянно лежать на престоле, вероятно, новгородского Софийского собора. Но она исчезает. Только в начале XVIII века ее находят в одной из церквей Московского Кремля и вскоре (1720), по распоряжению Петра I, отправляют в Петербург. Далее следы евангелия опять теряются. И лишь вновь оно было случайно найдено среди платьев Екатерины II через 9 лет после ее смерти (1805). В том же году старейшая русская книга, вызволенная из забвения, была передана в

Один из залов Рукописного отдела Библиотеки

Публичную библиотеку и здесь «прописалась» на вечные времена.

Остромирово евангелие — великолепный образец высокой русской культуры древнего письма, графики и миниатюрной живописи — высокого искусства книжников Древней Руси.

Чем дольше существует эта книга, тем тщательнее ее нужно беречь от воздействия света, резких колебаний температуры и чрезмерной влажности воздуха. Драгоценная рукопись хранится в особом сейфе, где поддерживается определенная температура и влажность, в футляре из выдержанного дуба в расплетенном виде, что предохраняет листы от деформации.

Если Остромирово евангелие предназначалось для церковного ритуала, то другая древнейшая русская книга — Изборник (1076) — представляет собой памятник светской книжности. Изборник — это своеобразная библиотека в одной книге, ибо составлена писцом Иоанном «из многих книг княжьих». «Добро ести, братие, почитание книжное»,— так звучит первая фраза Изборника. Он открывается статьей, в которой говорится о пользе книг и даются мудрейшие советы, как их читать: «Когда читаешь книги, не старайся быстро прочесть до следующей главы, но пойми, что говорят книги и слова, в них написанные, хотя для этого пришлось и трижды возвращаться к одной главе».

В Изборнике мы находим ряд произведений назидательного характера: как следует почитать родителей, как наказывать детей, как относиться к жене, некоторые статьи преподают правила хорошего тона: сохранять тайны, «не скоро в смех впадати», «едение и питие без говора с удержанием». В статьях поднимались и вопросы социального неравенства: богатые призывались к оказанию помощи бедным, предостерегались от «гнева» низших классов, а к низшим классам обращены увещевания не вести крамольные разговоры, быть послушными, терпеливыми и трудолюбивыми.

В Библиотеке хранится 18 списков произведения эпохи Ярослава Мудрого «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Написанное торжественно и величаво, оно является замечательным памятником древнерусской публицистики. Настоящий патриот, автор ратует за идею единой Руси, за равноправие всех народов, выступает против идеи вселенского царства под эгидой

Византии. Заканчивается «Слово» молитвой за всю русскую землю: «И донели же стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, ни предай нас в руки чуждыих, да не прозовется град твой плена, и стадо твое пришельци в земли нъ своей».

Особое внимание привлекают летописи. На основе отдельных записей «по летам» составлялись большие летописные своды. В начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором была составлена «Повесть временных лет». В Публичной библиотеке хранится она в составе Лаврентьевского списка. Суздальский монах Лаврентий в 1377 году закончил свой список «Повести временных лет», которая является неисчерпаемым источником изучения истории русского народа, его языка. В этой летописи записана известная и первая в русской литературе похвала книгам: «Велика бо бывает полза от ученья книжного <...> мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных: се бо суть реки напояющи вселенную, се суть исходища мудрости; книгам бо есть неисчетная глубина, сими бо в печали утешаемы есми, си суть узда воздержанью»[14]. Летописец восхваляет книгу не только как источник знания, мудрости, но и как хранительницу духовных ценностей. Менялись поколения, обогащался и обновлялся язык, а мысли о книге, сказанные далекими предками, воспринимаются как необычайно актуальные.

Лаврентьевская летопись была передана графом А. И. Мусиным-Пушкиным в Библиотеку по счастливой случайности за год до пожара Москвы в 1812 году, во время которого погибла его знаменитая библиотека.

К иному периоду истории русского государства относится последний общерусский летописный свод конца XVI века — «Лицевой летописный свод», созданный при Иване Грозном. Это своеобразная энциклопедия по всемирной истории от «сотворения мира» по 1567 год. В ней использованы византийские источники. Но главная задача «Лицевого свода» — прославить дела самого Ивана Грозного и потому его можно считать русским идеологическим документом эпохи. Он остался незавершенным, хотя над созданием грандиозного десятитомного сочинения трудились немало переводчиков, переписчиков, редакторов, художников. Писался «Свод» на особой бумаге, специально привезенной из Франции. На подобной бумаге писали французские короли. Более 16 000 рисун-

ков украшают текст. Ни в одном книгохранилище нет полного собрания «Свода». Из 10 сохранившихся томов в Библиотеке находятся 4 тома, в Библиотеке Академии наук СССР — 3 тома, в Государственном Историческом музее тоже 3 тома.

Другой грандиозный свод «всех книг, чтомых на Руси»,— «Минеи четьи» — составлен из 12 огромных фолиантов. Создавался он для чтения «на каждый день» в течение всего года. В Публичной библиотеке хранятся самые древние тома Миней, составленные Макарием еще в Новгороде, до того, как он стал «митрополитом всея Руси».

В средневековой Руси было положено начало многим литературным жанрам, которые в дальнейшем получили свое развитие. Предки наши были любознательны, и жажда познания звала их в далекие страны. Сохранились описания различных путешествий: «Хождение игумена Даниила» в Палестину, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др. В XVII веке на Руси появилась бытовая повесть, герои которой — простые люди с их радостями и горестями. Особого упоминания заслуживает «Повесть о Горе-злочастии, како Горе-злочастие довело молодца во иноческий чин». Библиотека обладает единственным уцелевшим списком этой повести, написанной народным стихом. Безымянный автор рассказывает о человеке, нарушившем заповеди старины и жестоко за это наказанном.

В рукописных фондах богато представлена и русская демократическая сатира. Достаточно вспомнить «Повесть о Шемякином суде», рассказывающую в комической форме о «неправедном судействе». Повесть настолько была популярна в народе, что в XVIII веке была переложена в стихотворную форму и отразилась в лубочной литературе.

*

Библиотека изначально собирала памятники не только древнерусской, но и древнеславянской письменности, написанные славянскими алфавитами — кириллицей и глаголицей. Здесь хранятся болгарские, сербские, хорватские, боснийские рукописные книги XI—XVII веков, письма и рукописи южнославянских политических деятелей, ученых, писателей. Библиотека обладает знаме-

нитым болгарским Зографским евангелием XI века — вторым по древности из всех известных памятников глаголической письменности, шестнадцатью листами древнеболгарской кириллической Супрасльской рукописи начала XI века (названной так по имени монастыря, где она хранилась), Толковой псалтырью XII века с раскрашенными заставками и инициалами и многими другими памятниками древнеболгарской письменности. Из сербских рукописных книг следует назвать один из самых ранних памятников сербского языка — Вуканово евангелие 1201—1208 годов, один лист знаменитого сербского Мирославова евангелия (около 1180); много отрывков различных хорватских глаголических богослужебных книг XII—XVI веков. К числу наиболее древних чешских рукописных книг относятся «Молитвенник» (XIV в.), а также автографы Яна Гуса, которые находятся в рукописном сборнике начала XV века. В нем — пять проповедей, четыре из которых подписаны: «Ян Гус».

К первым десятилетиям XVII века (до 1626) относится рукописный трактат «О чешской поэзии» Яна Амоса Коменского. Хранятся в Библиотеке многочисленные письма черногорских князей династии Негощей (Николая, Георгия, Даниила и Петра); письма Вука Караджича, Й. Юнгмана, П. Шафарика, В. Ганки, Йозефа Добровского, Любена Каравелова и многих других славянских ученых, политических деятелей. Все это — свидетельство давних и нерушимых дружеских связей славянских народов.

Древние рукописи принесли нам сведения о библиотеках на Руси. Первой русской библиотекой была библиотека киевского князя Ярослава Мудрого, который «к книгам проявлял усердие», собрал у себя «книгописцев множество», которые переводили «с греческого на славянский язык». Книги эти князь положил в Софийский собор. До нас, правда, не дошло ни одной книги из этой библиотеки.

Второй по старшинству библиотекой на Руси, по-видимому, была библиотека Новгородского Софийского собора, основу которой заложил сын Ярослава Мудрого — князь Владимир. 1575 рукописных книг этого собрания хранятся сейчас в Публичной библиотеке. Здесь же находятся почти все сохранившиеся книги Соловецкого монастыря (1482 книги; 20 книг хранятся в Библиотеке Академии наук СССР, 4 — в Пушкинском Доме).

На некоторых книгах Соловецкой библиотеки мы видим рукописные экслибрисы основателя библиотеки монаха Досифея, игумена Иакова, старцев Сергия и Макария. Ученые полагают, что рукописный книжный знак Досифея — первый экслибрис на Руси (конец XV в.). Он представляет собой большую, круглую, почти замкнутую букву С, в которую вписано вязью имя владельца. Это свидетельствует, что книжный знак появился на Руси и в Европе одновременно [15].

В Публичной библиотеке находится также старейшая русская библиотека Кирилло-Белозерского монастыря.

Древнерусские рукописные памятники представляют огромную ценность как исторический источник для изучения социально-экономической, политической и культурной истории нашей Родины.

*

Факты, легенды, истории, изложенные в старых рукописных книгах, послужили впоследствии сюжетами для произведений писателей.

Кто не знает популярной песни «Из-за острова на стрежень...»? Но мало кто знает историю ее создания. А она связана с небольшой рукописной книжечкой, хранящейся в Публичной библиотеке. Это перевод отрывка из воспоминаний голландского купца Стрейса «Три путешествия». Перевод сделан в 1701 году по приказанию Петра I. Одно из своих путешествий Стрейс совершил по Волге летом 1669 года, когда повстречался со Степаном Разиным. Голландец в своей книжке рассказывает о том, как Разин, отплыв от Астрахани, столкнул в воду персидскую княжну, при этом будто бы обратился к Волге с речью, что отдает княжну в подарок великой реке. Ни в одном из русских исторических источников этот эпизод не упоминается. Много позже, в 1883 году, самарский поэт Д. Н. Садовников под впечатлением прочитанного в журнале «Нива» пересказа стрейсовской рукописной книжечки написал стихотворение «Из-за острова на стрежень», которое вскоре стало народной песнею.

Источником для создания книги ленинградской писательницы В. Ф. Пановой «Лики на заре» (М.; Л., 1966)

послужило «Житие Феодосия Печерского», записанное летописцем Нестором в «Повести временных лет».

Так материал старых рукописей приобретает новую жизнь.

МИР РУССКИХ РУКОПИСНЫХ СОКРОВИЩ

Да здравствуют музы, да здравствует разум.

А. С. Пушкин

Прошлое, навечно закрепленное в литературе, рукописях, выходит навстречу не только настоящему, но и будущему. Дошедшие до нас источники помогают более объективно понять жизнь, приоткрыть тайны творчества писателей, композиторов, художников, ученых, соприкоснуться с их мыслями и чувствами. Их личные архивы, содержащие автографы, подлинники, копии творческих и мемуарно-дневниковых произведений, писем, а также документы, рисунки, фотографии с дарственными надписями, по своему содержанию очень разнообразны.

Рассказать сколько-нибудь подробно о сокровищах личных архивов мы не имеем возможности. Ограничимся лишь перечислением некоторых рукописей, наиболее ярко зафиксировавших исторические события прошлого нашей Родины. Нам известны материалы, содержащие подробное описание восстания крестьян под руководством Ивана Болотникова, по истории Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева, по истории рабочего класса, волнующие документы о Великой Отечественной войне.

В архивах частных лиц немало материалов, связанных с событиями Отечественной войны 1812 года. Основные источники, касающиеся войны с Наполеоном, хранятся в Центральном государственном историческом архиве и в областных государственных исторических архивах. Материалы Публичной библиотеки являются важным дополнением к ним. Это главным образом воспоминания участников и современников Отечественной войны 1812 года. Можно извлечь интересные сведения из 20-томной рукописи мемуаров генерал-майора В. И. Левенштерна, старшего адъютанта М. Б. Барклая де Толли, из подборок А. Т. Болотова «Магазин достопримечательных и любопытных бумаг, носившихся в народе», из

«Собрания разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами», написанного рукою А. Н. Оленина, первого директора Публичной библиотеки. Второй директор Библиотеки, Д. П. Бутурлин, непосредственно принимавший участие в сражениях, написал «Записку о войне 1812 г.». Третий том подобранных им «Материалов по истории военных походов России с начала XIX века» посвящен также событиям 1812 года. Дороги для нас строки поэта и партизана, героя Отечественной войны Дениса Давыдова. В архиве военного историка Г. С. Габаева сохраняются выполненные им красочные рисунки форм одежды всех русских и французских родов войск, участвовавших в Бородинском сражении. Выразительно рисует обстановку панического бегства французов из России приписка на одной французской рукописи, принадлежащей Наполеону I: «Отбита под Вильною у Наполеона в его коляске».

Живое дыхание первого «революционного движения против царизма» [16] доносят до нас записки, прокламации, следственные материалы, статьи, планы, схемы, дневники, мемуары, письма, стихотворения, рисунки, сделанные декабристами. По ним исследователи восстанавливают некоторые эпизоды того декабрьского дня, который имел столь великое влияние на дальнейший ход истории России.

«Во весь день 14 декабря, кроме войск, толпилось множество народа на Адмиралтейской и Сенатской площадях, в концах ближайших к ним улиц, на Исааковском мосту, на набережных обеих сторон Невы. Из народа почти никто не участвовал в бунте: большею частью были только зрители»,— так записал свои впечатления один из очевидцев событий [17].

Немало ценных материалов дает нам и архив барона М. А. Корфа (третьего директора Публичной библиотеки); с присущей ему тщательностью и аккуратностью он собирал материалы к биографии императора Николая I и оставил нам около ста листов выписок из дневников и заметок различных лиц.

Рукописные страницы помогают восстановить ряд подробностей в деятельности тайных обществ России в первой четверти XIX века, характеризуют восстание Семеновского и Черниговского полков, выступление войск 14 декабря на Сенатской площади Петербурга, жесто-

кую расправу Николая I с декабристами, их жизнь на каторге и в ссылке.

Среди документов немало свидетельств наступившей после восстания реакции. Вот рескрипт Николая I управляющему министерством внутренних дел В. С. Ланскому от 26 апреля 1826 года о необходимости взять подписку от всех чиновников и служащих дворян о непринадлежности к тайным обществам. Трудно удержаться, чтобы не привести здесь полностью текст расписки: «Я, нижеподписавшийся, объявляю, что я не принадлежу ни к каким ложам масонским или иным тайным обществам внутри Империи или вне ее существовать могущим и что впредь принадлежать оным не буду». Другая официальная бумага не менее красноречива: «Дело о воспрещении обучать крепостных высшим наукам» (1827). Правительство крепко закрыло народу доступ к знаниям.

Дошли до нас списки декабристов, где они были распределены по разрядам виновности; список лиц, связанных с декабристами и не привлеченных к ответственности; список декабристов, возвращенных из Сибири после смерти Николая I. Упомянем еще одну любопытную рукопись — «Записки» правителя дел следственной комиссии А. Д. Боровкова, составленные на основании показаний декабристов на следственной комиссии. Но, разумеется, особую ценность представляют документы, написанные рукою первых русских революционеров. Это, например, автографы семи стихотворений В. К. Кюхельбекера, на двух из них — «Грибоедову» и «Алек. Пет. Ермолову» — карандашные цензурные пометы: «не печатать». Это и заметки М. Н. Фонвизина, сделанные им в Петропавловской крепости в 1826 году. Здесь же, в высоких ясеневых шкафах, находятся некоторые произведения А. А. Бестужева (Марлинского) и его братьев М. А. Бестужева и Н. А. Бестужева, стихи Ф. Н. Глинки, записка И. И. Пущина о встрече с А. С. Пушкиным, статьи Д. И. Завалишина, рисунки В. П. Ивашева, М. А. Бестужева, портрет К. Ф. Рылеева (работы Н. А. Бестужева), значительная часть эпистолярного наследия декабристов. О сочувствии передовых представителей русского общества декабристам свидетельствуют многочисленные списки, сделанные с их произведений и хранящиеся в личных архивах. Среди них многочисленные стихотворения К. Ф. Рылеева («К временщику», «Думы», «Во-

лынский», «Видение», «Войнаровский», «Гражданин»), агитационные песни, сочиненные Рылеевым вместе с А. А. Бестужевым.

Для царских властей настолько страшна была популярность этих песен, ставших народными, что они послужили даже причиной запрета невинных романсов и песенок. Песня

Ах! Тошно мне
И в родной стороне;
Все в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.
Долго ль русский народ,
Будет рухлядью господ,
И людями
Как скотами
Долго ль будут торговать?..

распевалась на мотив известного в те времена романса Ю. А. Нелединского-Мелецкого. Вероятно, популярность этой песни заставила цензуру запретить в 1825 году заодно и сам романс Нелединского-Мелецкого.

Широко известный ответ А. И. Одоевского на послание А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд», пересланное в Сибирь с женою декабриста Н. М. Муравьева, сохранился в виде списка в архиве А. А. Краевского.

Совсем недавно в Публичную библиотеку поступил рукописный дневник В. Ф. Раевского и его замечания на «Донесение следственной комиссии».

Более 150 лет эта реликвия находилась в частной коллекции и могла быть утрачена или испорчена. Теперь рукопись будет вечно храниться в государственном хранилище.

Творчество революционных демократов представлено автографами В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Особенно гордится Публичная библиотека рукописями творений русских классиков.

Нет почти ни одного известного русского писателя, материалы которого не были бы представлены в рукописном хранилище [18].

Среди фондов писателей XVIII века выделяется архив Г. Р. Державина, содержащий 40 томов-переплетов с рукописями произведений поэта, многочисленными письмами.

Двадцать списков «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева — яркое свидетельство популярности этого произведения в русском обществе на рубеже XVIII—XIX веков.

Недавно удалось соединить рукописи двух томов «Путешествия из Петербурга в Москву». Судя по переплету, оба тома изначально принадлежали одному владельцу. Второй том в течение ряда лет находился в рукописном хранилище, когда совершенно случайно приобрели первый том. Трудно определить причины, по которым они разъединились. Но главное — теперь обе части стоят рядом на полке Публичной библиотеки.

В Библиотеке хранится значительное число рукописей стихотворений и басен И. А. Крылова. К сожалению, Крылов не очень дорожил своим архивом, специально не собирал его и не дарил Библиотеке, как делали другие знаменитые служащие Библиотеки (В. Ф. Одоевский, В. В. Стасов). Сохранили архив Крылова и передали его Библиотеке поэт Н. И. Гнедич и академик М. Е. Лобанов (бывшие в разное время библиотекарями). Лобанов нашел рукописи разодранными в куче хлама на чердаке в доме, принадлежащем Библиотеке, где одно время жил Крылов. В фонде хранится графический портрет Крылова, приписываемый А. Н. Оленину. Из материалов Н. И. Гнедича, имеющихся в Библиотеке, несомненный интерес представляет корректурный экземпляр первого в России полного перевода «Илиады» (1829). Этот единственный экземпляр с правкой Гнедича и пометами цензора, принадлежащий некогда Белинскому, был подарен Публичной библиотеке И. С. Тургеневым. Три замечательных русских имени — Гнедич, Белинский, Тургенев — связаны с историей этого издания!

Публичная библиотека обладает богатейшими фондами поэта В. А. Жуковского, писателя и музыкального теоретика В. Ф. Одоевского, служившего в Библиотеке помощником директора (1846—1861).

Последнему мы благодарны еще и за то, что он подарил Библиотеке записную книжку, которую дал М. Ю. Лермонтову перед последней его поездкой на Кавказ. На книжке следующая надпись: «Поэту Лермонтову дается сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне ее сам, и всю исписанную». Поэт не успел всю ее исписать. Книжка заполнена двенадцатью лирическими стихотворениями, написанными поэтом в

последние три месяца его жизни. Нельзя без благоговения смотреть на эти полустертые карандашные строчки. Это национальная святыня. И другие рукописи русского гения, хранящиеся в Библиотеке, представляют для исследователей творчества Лермонтова огромную ценность. По богатству и значительности коллекция автографов Лермонтова в Публичной библиотеке уступает лишь Рукописному отделу Института русской литературы (Пушкинскому Дому) Академии наук СССР.

Большое внимание исследователей привлекает авторизованный список комедии «Горе от ума» с несколькими поправками и надписью А. С. Грибоедова перед его отъездом в Персию: «Горе мое поручаю Булгарину...»

Многие рукописи И. С. Тургенева были переданы Библиотеке знаменитым собирателем картин П. М. Третьяковым.

Сравнительно небольшое количество (140) рукописей великого русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, имя которого носит Библиотека, находится в рукописном хранилище. Основной фонд рукописного наследия великого сатирика хранится в Пушкинском Доме. Письма, записи в альбом, несколько автографов, отрывков из циклов «Благонамеренные речи» и «Убежище Монрепо», автография — вот все, чем обладает Публичная библиотека.

Рукописи Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и многих других русских писателей и поэтов нашли свое почетное место в рукописном хранилище.

Автографы советских писателей — А. С. Серафимовича, В. Я. Шишкова, А. С. Новикова-Прибоя, А. Н. Толстого, О. Д. Форш, Вс. В. Иванова, К. А. Федина, К. Г. Паустовского, В. В. Маяковского, Н. С. Тихонова, С. А. Есенина, В. М. Инбер, С. Я. Маршака, В. А. Рождественского — также представлены в Публичной библиотеке.

Заслуживает внимания дарственная надпись автора на книге С. Михалкова «Басни» (М., 1957): «В большой дом рукописи и книги — Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина, в дом, где работал мой учитель И. Крылов. С уважением С. Михалков. 1957. Москва».

После смерти А. А. Ахматовой (1966) часть ее архива (более 2000 единиц) поступила в Публичную библиотеку. Она состоит из рукописей стихотворений, переводов стихов, работ о жизни и творчестве Пушкина, Лермонтова. Здесь же находятся воспоминания о Блоке, М. Л. Лозинском, А. Модильяни, о грузинских поэтах Т. Ю. Табидзе и П. Д. Яшвили; личная переписка Ахматовой. Одна из ценнейших рукописей — автобиография поэтессы. Кроме того, имеются рукописи воспоминаний об Ахматовой (1957—1963), статьи, рецензии на ее произведения, альбом фотографий. Привлекает внимание читателей подборка стихов, посвященных Ахматовой (1903—1964), составленная самой поэтессой и названная ею «В ста зеркалах». Здесь стихи не только профессиональных русских поэтов А. Блока, Вс. Рождественского, Б. Пастернака, Ф. Сологуба, И. Северянина, М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Хлебникова, П. Яшвили, Н. Поляковой, Б. Ахмадулиной, но и любительские стихи поклонников таланта Ахматовой. Частью это автографы, но есть и переписанные самой поэтессой.

Хотя в записке, предпосланной «Ста зеркалам», говорится, что в них звучат «голоса друзей и врагов», однако справедливее было бы сказать, что здесь собраны высказывания поклонников и почитателей, высоко оценивающих стихи Ахматовой.

В собрании есть стихи на украинском, грузинском, сербском, чешском, польском, английском, немецком языках.

Сравнительно недавно (1982) Библиотека пополнилась рукописями стихотворений крупного советского писателя — Николая Семеновича Тихонова. Многие еще не опубликованы. Большинство из них (1915—1919) написаны под впечатлением революционных событий. Есть и переводы писателя с венгерского языка.

Одно стихотворение, которое, по нашим сведениям, не было опубликовано самостоятельно, а печаталось в качестве сопроводительного текста под плакатом времен Великой Отечественной войны, мы приводим полностью:

Третий крест

За то, что он в ночную тишь
Незащищенный жег Париж,
На клочья рвал детей и женщин,
Крестом железным был увенчан!

На Лондон он летел потом,
Чтоб разрушать за домом дом —
И Гитлер, сам от крови весел,
Тут крест второй ему повесил.

В полет пустился к Ленинграду,
Чтоб третью получить награду,
Но он ошибся, окаянный,—
И третий крест был деревянный.

Сам же плакат из серии «Боевого карандаша» художников Ю. Н. Петрова и Н. Е. Муратова хранится в Отделе эстампов Публичной библиотеки. На первой части рисунка изображен горящий Париж и фигура фашистского летчика с одним железным крестом на груди; на второй — пылающий Лондон и фигура того же фашиста уже с двумя крестами. На последней части рисунка — на фоне Ленинграда, в лесу, могильный холм с деревянным крестом и хвост сбитого фашистского самолета.

Библиотека тщательно собирает материалы, связанные с героической 900-дневной обороной Ленинграда: дневники, воспоминания, рукописи научных трудов, созданных учеными в дни блокады, стихи, рассказы, записные книжки, альбомы, рисунки с изображениями Ленинграда и ленинградцев, тексты выступлений по радио.

«Кольцо блокады исчезло, фронт удалился, — говорил К. А. Федин, выступая по ленинградскому радио после разгрома немецких войск на Ленинградском фронте.— А стены города, как страстная летопись, рассказывают о таком еще близком, непереболевшем прошлом, которое живет в сердце каждого ленинградца... Ни с чем не может быть сравнимо чувство принадлежности к этому городу, любви к нему, любования им, мечты о его назначении в культуре всей страны. Камни его поют о славе. Слава его — в его непокоренном духе, в гордости осанки, в красоте его одежд. Этот город, в котором вечно живут великие дела, который рождает великих граждан, который говорит с человечеством на языке победителей...» [19]

О мужестве и доблести ленинградцев, о братстве советских народов говорил и М. Рыльский, автограф выступления которого по ленинградскому радио также хранится в Публичной библиотеке. «Стойкость ваша, выдержка ваша, героизм ваш поразили мир. Сражаясь — оружием боя и оружием труда — за свой прекрасный,

неповторимо-величавый город, вы тем самым,— подчеркивал Рыльский,— сражались и за наш Киев, и за нашу землю, и за все земли страны Советов, и дети Урала и Кавказа, и сыновья Сибири и Поволжья, и простые мужественные люди Украины. Едины были мы в борьбе с врагом, едиными будем и в великом деле восстановления нашей Родины, в деле творчества и созидания»[20].

В начале 1970-х годов фонды пополнились значительным комплексом документов о театральном и изобразительном искусстве Ленинграда в суровые дни блокады.

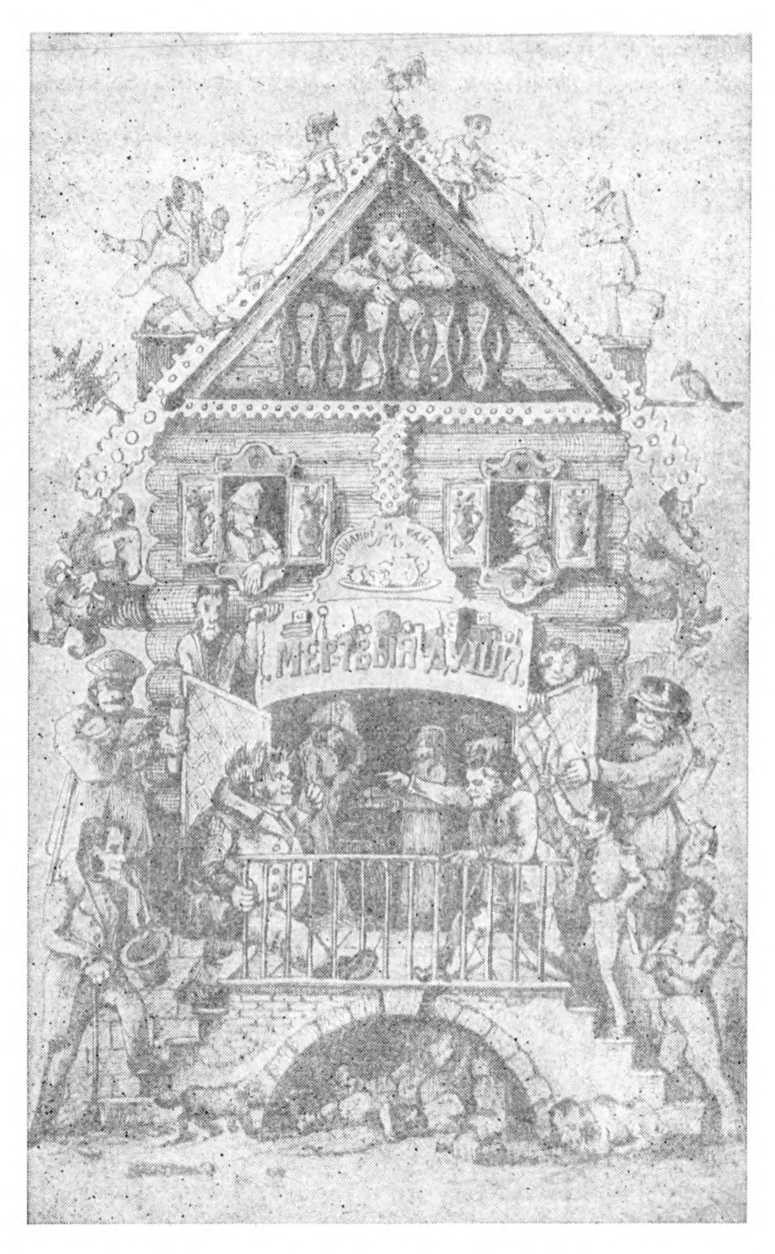
*

Приносят в дар или продают Библиотеке черновые и беловые автографы, различные варианты уже опубликованных произведений или рукописи неопубликованных, письма. Люди понимают, что этот драгоценный материал для объективного понимания творческой личности будет навечно сохранен и будет долго служить науке и человечеству.

В 80-х годах прошлого столетия среди артистов, писателей, офицеров, студентов, журналистов были широко распространены иллюстрированные стихами и рисунками печатные альбомы «Дума за думой», где для каждого дня года отводилась особая страница, сопровождаемая соответствующим стихотворением или отрывком из него. Каждый лист имел свободное место для записей друзьями, знакомыми заметок на память, стихотворных экспромтов, дружеских шаржей. Интересны два подобных альбома: один, принадлежащий профессору консерватории, музыканту К. М. Миклашевскому, а другой — певице Л. Д. Кобеляцкой.

Альбом русской певицы Лидии Дмитриевны Кобеляцкой-Ильиной сохранил более 300 автографов русских и зарубежных деятелей культуры конца XIX — первой половины XX столетия. Он содержит музыкальные строки, письма, различные записи выдающихся композиторов (Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Глазунова, М. А. Балакирева, С. В. Рахманинова, Б. В. Асафьева, С. С. Прокофьева), дирижеров (Артура Никиша, Эдуарда Направника) певцов, музыкальных исполнителей.

В альбоме Миклашевского немало ценных автографов. Среди них — С. В. Рахманинова, Ц. А. Кюи, С. М. Ляпунова, А. К. Глазунова, А. Г. Рубинштейна и

Титульный лист прижизненного издания книги Н. В. Гоголя «Мертвые души». 1842 г.

др. Например, на листке 28 февраля оставил надпись русский танцовщик, принесший русскому балету мировую славу, В. Ф. Нижинский: «Из искусств больше всего люблю танцы. 1908. 13.II». Или вот подпись Ф. И. Шаляпина (1 февраля): «Душа моя мрачна! 6.XI.1904». Артист И. М. Москвин (на листке 19 июня) процитировал строки из пьесы «На дне» М. Горького: «Вовремя человека пожалеть — хорошо бывает. 18/II-1933».

И самое примечательное место этого альбома — страница 258-я, 24 июля — с неизвестным портретом Н. В. Гоголя работы И. Е. Репина, подписанным 27 апреля 1909 года.

Попутно скажем еще об одном приобретении Библиотеки в последнее время для Гоголианы. Это книга Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», изданная в Москве еще при жизни писателя (1842). Она примечательна вплетенными в нее иллюстрациями работы неизвестного художника: несколько шаржированных зарисовок эпизодов из похождений Чичикова, портреты действующих лиц. Цветная акварель, карандаш сочно передают быт, обстановку, костюмы, людей современной Гоголю эпохи. Подписи под рисунками «Дядя Коля» и «Н. В.» наводят на мысль, не сам ли Гоголь является автором этих рисунков. Известно его увлечение живописью.

Слово остается за исследователями творчества Гоголя как рисовальщика.

Многие альбомы содержат ценные и малоизвестные автографы. Весьма интересен альбом врача В. Б. Бертенсона. В нем можно увидеть автографы художников И. К. Айвазовского, А. Н. Бенуа, К. Е. Маковского, И. Е. Репина, композиторов А. К. Глазунова, Э. Ф. Направника, Н. А. Римского-Корсакова, А. Г. Рубинштейна, П. И. Чайковского, писателей Л. Н. Андреева, Н. С. Лескова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова.

В альбомах можно встретить неопубликованные тексты, варианты уже известных. Вот как писатель Всеволод Сергеевич Соловьев (старший сын историка С. М. Соловьева) характеризовал альбом автора исторических романов Г. П. Данилевского, вписав в него: «На страницах этого интересного альбома встречаются имена людей, оставивших по себе яркий и долгий след в русской литературе. Творческая деятельность этих людей относится к тому времени, когда русский писатель высоко

нес свое знамя и твердо знал, к чему обязывает его это знамя...» (1889).

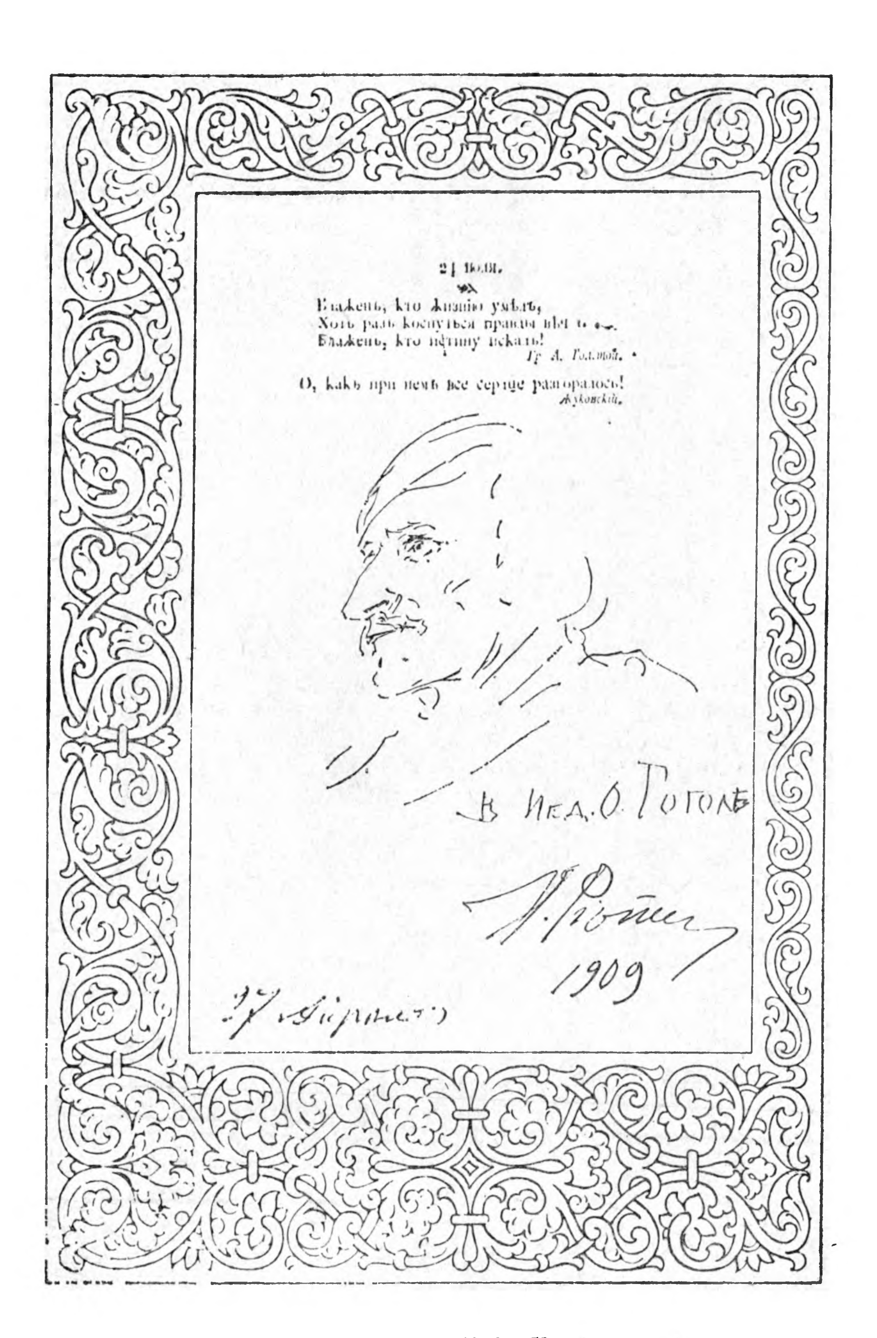
Представить себе журналистский и писательский быт конца XIX и начала XX века помогает «Альбом обеденных благоглупостей российских беллетристов» (1895—1901). Инициатором ежегодных собраний, дружеских встреч писателей был историк и писатель Д. Л. Мордовцев, роман которого «Знамение времени» (1869) пользовался в свое время большой популярностью. Альбом содержит автографы более 50 писателей — участников дружеских обедов, а также шаржированные рисунки, выполненные П. П. Гнедичем, Д. Л. Мордовцевым, Д. С. Стеллецким, В. М. Михеевым. В альбоме — автографы А. В. Амфитеатрова, К. Д. Бальмонта, К. С. Баранцевича, В. П. Буренина, Н. Г. Гарина-Михайловского, П. П. Гнедича, А. А. Коринфского, Н. А. Лейкина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Вас. И. Немировича-Данченко, А. С. Суворина, К. К. Случевского, И. И. Ясинского.

Шуточные протоколы обедов, экспромты, записи стихотворений, телеграммы перемежаются с карикатурами и шаржами. Юмористические портреты некоторых писателей и журналистов даются в изобразительных пародиях на широко известные картины: «Запорожцы» и «Бурлаки» И. Е. Репина, «Медный змий» Ф. Бруни и др. Изображение Л. Н. Толстого в виде гиганта и карабкающихся на него лилипутов — современных писателей дано в композиции «Группа Нила».

Собрание музыкальных автографов великих русских композиторов Библиотеки одно из лучших и наиболее полное в СССР.

В нем немало музыкальных памятников, написанных крюковыми нотами, которые применялись в России до введения западной нотной системы в конце XVII столетия. «Секрет» их прочтения долгое время был утерян. Удалось восстановить звучание крюковых произведений только XVII века, более ранние до сих пор являются загадкой.

В Библиотеке представлен совершенно уникальный по составу и полноте архив композитора М. И. Глинки — все рукописи его музыкальных призведений, его дневники и переписка. В основу создания этого архива был положен дар друга Глинки В. П. Энгельгардта: 13 томов различного формата в кожаных переплетах с

Один из листов альбома К. М. Миклашевского

золотым тиснением на крышках: «Автографы М. И. Глинки, принадлежат В. П. Энгельгардту».

Большое количество музыкальных автографов русских композиторов — А. С. Даргомыжского, А. П. Бородина, М. П. Мусоргского, М. А. Балакирева, Ц. А. Кюи, Н. А. Римского-Корсакова, С. М. Ляпунова, А. К. Лядова, А. К. Глазунова, М. М. Ипполитова-Иванова — создали Публичной библиотеке славу одного из богатейших хранилищ русских музыкальных автографов.

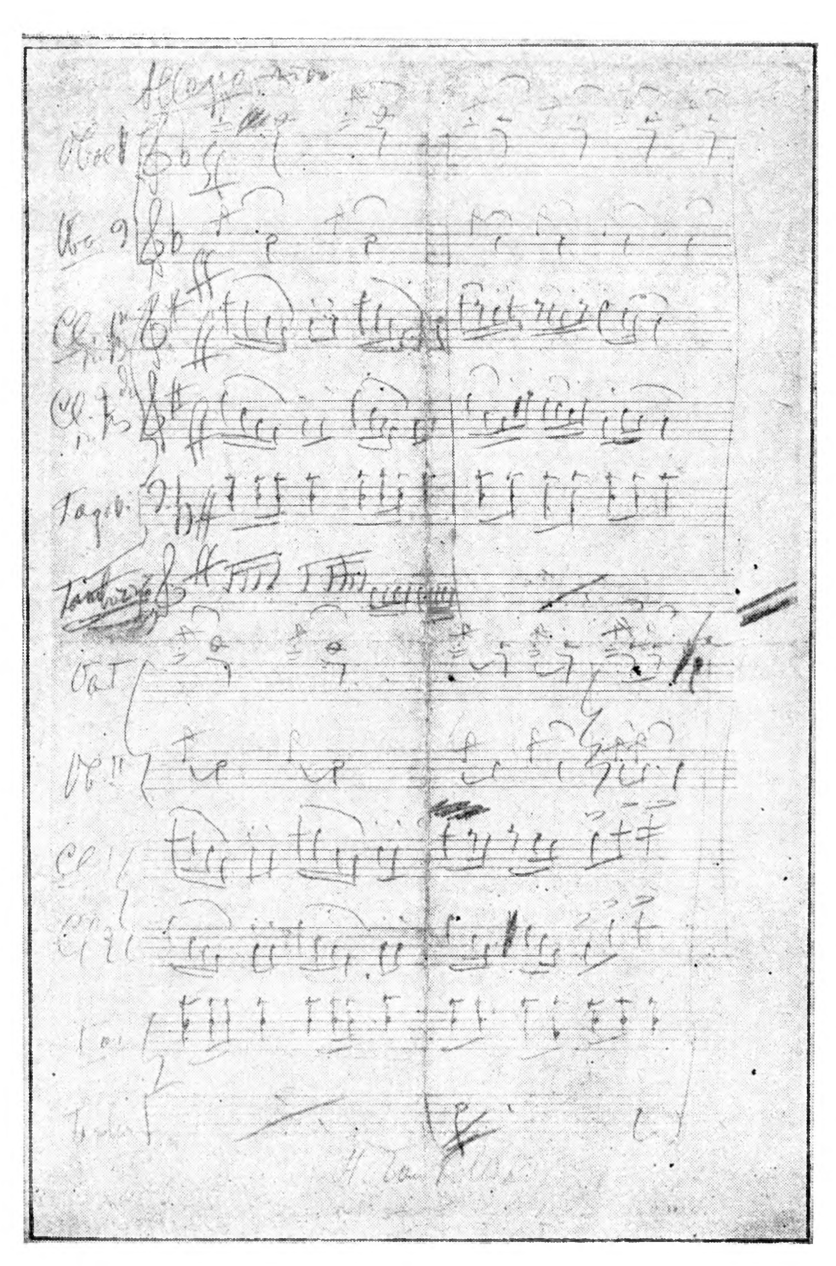
Некоторые из нотных записей не опубликованы или имеют разночтения с известными изданиями. Приведем хотя бы два примера. Неопубликованный набросок чернового автографа Тарантеллы (Allegretto) для фортепиано сделан 16-летним И. Ф. Стравинским в Петербурге, датирован 14 октября 1898 года и посвящен Д. Рудневу.

Рукопись фрагмента партитуры «Гамлета» П. И. Чайковского, датированная самим композитором 8 февраля 1891 года, имеет разночтения с каноническим вариантом.

В Библиотеке можно найти неожиданные музыкальные рукописи — как, например, партитуры юношеских произведений первого советского наркома иностранных дел Г. В. Чичерина.

Часть музыкальных автографов рассыпана по альбомам различных композиторов, артистов и любителей музыки. Для примера назовем альбом композитора Б. А. Фитингофа-Шеля. В его альбоме собраны 156 нотных и текстовых автографов, портреты русских и иностранных композиторов, пианистов, певцов. Объем некоторых рукописей довольно значителен (М. И. Глинка, Д. С. Бортнянский, В. Ф. Одоевский), несколько музыкальных строчек написаны Ц. А. Кюи, Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном, Ф. Листом, Г. Берлиозом. Есть в альбоме и письма А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского, Р. Вагнера, П. Виардо, Ф. Мендельсона. Обилие представленных нотных автографов когда-то дало основание поэтессе Каролине Павловой написать в альбом восьмистишие следующего содержания:

Страницы часть, в альбоме этом,
С трудом решаюсь я занять;
Вступить в него, с своим приветом,
Скажите мне, какая стать?
Здесь в сонме звуков, речи бледной
Стоять неловко, и похож

Автограф партитуры П. И. Чайковского

Близ стройных тонов стих мой бледный
На мещанина средь вельмож.

В альбоме мы найдем также и рисунки — «М. И. Глинка дома» А. А. Шаховского и «Барабанщик» Н. С. Самокиша. Альбом использован для книги «Мировые знаменитости, из воспоминаний Б. А. Фитингофа-Шеля» (Спб., 1899).

Значительное число личных архивов и собраний актеров, режиссеров, драматургов, композиторов, театральных художников могут создать представление о театральной жизни Москвы, Петербурга—Петрограда—Ленинграда и других городов (XVIII—XX вв.).

«Немой музыкой» некогда назвал изобразительное искусство древний греческий поэт Симонид Кеосский.

Значительным количеством рисунков, акварелей и даже работ маслом представлено творчество русских художников XVII—XX веков: М. И. Махаев, С. Ф. Галактионов, Ф. П. Толстой, А. О. Орловский, К. П. Брюллов, Ф. А. Бруни, Г. Г. Гагарин, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. Д. Поленов, Ф. А. Васильев, Г. Г. Мясоедов, К. А. Савицкий, В. В. Верещагин, В. Е. Маковский, А. П. Рябушкин, Б. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере, А. П. Остроумова-Лебедева, И. И. Бородинский, К. С. Петров-Водкин, Г. С. Верейский и многие другие.

Виды городов России, ее крепостей, монастырей, древних изваяний, пейзажи, зарисовки произведений прикладного искусства содержат четыре альбома — «Рисунки и чертежи к путешествию по России по высочайшему повелению статского советника Константина Бороздина», выполненные археологом А. И. Ермолаевым, будущим хранителем «Депо манускриптов», и художником Д. И. Ивановым (1809—1810).

В хранилище есть еще недостаточно изученные акварели, рисунки известнейших русских художников. Искусно сделанный ящик из дуба с украшением из серебра выполнен по особому заказу в мастерской французского столяра Ловитоне. В крышку ящика вделан металлический барельеф с изображением профессора Военно-Медицинской академии В. Л. Грубера. Внутри ящика — художественный альбом, подаренный профессору в 1887 году русскими врачами и художниками по случаю его 40-летней ученой деятельности. На 63 отдельных листах большого формата — список работ Грубера, выполненный художником-каллиграфом фон Беземаном,

заглавные буквы нарисованы им в красках и орнаментированы разнообразными стилевыми росписями. Многие листы украшены рисунками известных русских художников. И. Н. Крамской на своем листе изобразил крестьянина в передней врача, рассматривающего скелеты в шкафах; Н. А. Ярошенко — экзамен курсисток у Грубера, Н. С. Сверчков — юбиляра с супругой, едущих в санях.

Прекрасные пейзажи создали А. Н. Бенуа, А. И. Мещерский, В. Д. Орловский, К. Я. Крыжицкий и др. Вид Кавказа написал К. Я. Крыжицкий; А. К. Беггров — Исаакиевскую площадь; М. С. Ткаченко — улей. М. А. Зичи — изобразил богиню науки, делящую свои дары... Есть рисунки И. Е. Репина, М. П. Клодта, Н. С. Самокиша, К. Е. Маковского, Р. С. Левицкого.

Работы выдающегося карикатуриста середины XIX в. Н. А. Степанова можно обнаружить во многих альбомах его друзей и знакомых. Например, в трех альбомах М. И. Глинки кроме владельца изображены К. П. Брюллов, А. С. Даргомыжский, Ф. Лист, А. Н. Серов и др.

Альбом со стихами Н. Ф. Щербины иллюстрирован выразительными рисунками Ф. П. Толстого.

Рисунки, исполненные пером, цветными и графитными карандашами известным пейзажистом Ф. А. Васильевым, находятся в его альбоме и изображают, главным образом, виды Крыма.

Одиннадцать альбомов художника Б. М. Кустодиева содержат рисунки карандашом, пером и акварелью, сделанные им с 1894 до 1920-х годов. Это зарисовки Петербурга, Старой Ладоги, Астрахани, Ялты, Флоренции; автопортреты, портреты жены и детей; наброски обложек и книжных иллюстраций; эскизы картин — «Праздник II Конгресса Коминтерна на площади Урицкого», «Карусель», «Масленица».

Многие писатели были хорошими рисовальщиками. Известно, что рукописи Пушкина, Лермонтова, Достоевского испещрены рисунками. А у некоторых живопись и поэзия сосуществовали. Так было у Жуковского, у Лермонтова. Лермонтов занимался и станковой живописью, акварелью. До нас дошли его пейзажи, портреты, жанровые сцены, карикатуры. Они рассредоточены по разным хранилищам и музеям, но некоторые интересные работы имеются и в Публичной библиотеке. Прежде всего назовем альбом М. Ю. Лермонтова (1840—1841)

(его еще называют «чеченским»), в котором карандашом и пером сделаны зарисовки кавказских пейзажей и жанровых сцен. Они в значительной мере выполняют роль дневниковых записей. Акварельные рисунки Лермонтова, сделанные с 1825 по 1836 год, содержатся в альбоме его родственницы М. А. Шан-Гирей (ранее он считался альбомом матери поэта).

В Библиотеке хранится рукописный сборник стихотворений Г. Р. Державина, иллюстрированный первым директором Публичной библиотеки А. Н. Олениным.

Писатели «писали» портреты друг друга. Есть у нас портрет Пушкина, сделанный Гоголем, и портрет Гоголя, сделанный Жуковским. Хорошим рисовальщиком был Б. Лавренев. Сохранились его портреты — шаржи на Н. С. Тихонова, М. М. Зощенко и др.

Небольшая, но ценная изобразительная Лениниана собрана в Публичной библиотеке. Здесь — рисунки Н. А. Тырсы, А. И. Харшака, К. И. Рудакова, Р. П. Фитингофа, Ю. Н. Петрова, К. А. Клементьевой и др. Особенно ценны своей достоверностью рисунки И. А. Владимирова, сделанные им с натуры. Мы как бы вместе с художником становимся современниками увиденного. «Масса рабочих приветствует Ленина. У входа в цирк „Модерн"» — надпись художника на листе, изображающем В. И. Ленина с группой товарищей у входа в цирк, где он должен был через несколько минут выступать с сообщением «о текущем моменте». И на следующем листе запечатлено уже само выступление В. И. Ленина 26 ноября 1917 года.

Позднее эти зарисовки послужили основой для создания художником больших полотен. Владимиров сделал карандашный набросок во время приема Лениным бывшего члена Государственного Совета Н. Н. Кутлера. Известно, что Ленин всячески содействовал переходу на сторону советской власти старой интеллигенции и специалистов. Кутлер с 1920 года работал в Наркомате финансов.

Рисунки Владимирова, подаренные художником Библиотеке, привлекают отражением революционных событий 1905 и 1917 годов, а также гражданской войны. Многие зарисовки сделаны с натуры и имеют точную датировку. Под одним из них, например, надпись: «3 часа дня 9 января. Уборка трупов и раненых». События первой русской революции отражены в зарисовках со

2 по 12 января 1905 года, декабрьское московское восстание — с 16 по 20 декабря 1905 года, Февральская революция с 28 февраля по 4 марта 1917 года. Это своеобразный художественный дневник-летопись.

Период Великой Октябрьской социалистической революции запечатлен художником во множестве рисунков: «Обстрел Зимнего дворца с „Авроры"», «Засада матросов с „Авроры" перед Зимним дворцом», «Бой большевиков с керенцами у Зимнего дворца 26 октября 1917 года». Впоследствии зарисовки с натуры помогли Владимирову создать живописные полотна «Долой орла», «Высадка десанта с „Авроры"» и др. Большинство картин И. А. Владимирова находятся в фонде филиала Музея В. И. Ленина в Ленинграде.

*

Библиотека владеет и не совсем обычными, а точнее, непривычными картинами. Вот свиток бумажной ленты шириной в 16 сантиметров, а длиною без малого десять метров. На нем черной и цветной акварелью схематично изображена похоронная процессия Петра I и его малолетней дочери Наталии, которая скончалась почти одновременно с отцом. На картине точно воспроизведен порядок размещения участвующих в похоронах, что свидетельствует о том, что художник был современником событий. Процессию открывали 24 гвардейских офицера с алебардами, построенные в четыре шеренги. За ними шли музыканты, придворные чины, иностранные купцы, представители русских городов. Над процессией развевалось военное знамя и желтый адмиралтейский штандарт. Далее следовали два рыцаря: конный в горящих золотом латах и пеший в черных лентах и с опущенным мечом. За ними несли «печальное знамя» из черной тафты, 7 малых гербов и большой государственный герб, расписанный золотом с серебром. Войска несли ордена покойного, регалии императорской власти — скипетр, державу и корону. В конце траурного шествия ехал катафалк с гробом Петра I. За гробом шли родные и близкие.

Неизвестный художник, по-видимому, делал эскизные зарисовки, надеясь впоследствии использовать их для картины.

Иной сюжет запечатлен на другой картине, длина ее составляет более 700 метров! Это — живописная панора-

ма всей Волги с изображением берегов Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской, Саратовской и Астраханской губерний. Два брата, Григорий и Никанор Чернецовы,— оба художники — в 1838 году в течение шести месяцев плыли по Волге на небольшом суденышке с жилым домиком и мачтой. Сидели они друг к другу спиною и каждый рисовал свой берег. За это время ими было сделано около двух тысяч эскизов, использованных при создании картины, в которой тысяча девятьсот восемьдесят два рисунка (размером двадцать один на тридцать шесть сантиметров). Вся картина, сложенная гармошкой, была склеена в 14 полос и размещена в 7 картонных коробках. Назвали они свою картину «Параллель берегов Волги».

*

Рукописное хранилище — это не усыпальница бесценных реликвий. Ее богатства служат сегодняшнему дню и будут служить и завтрашнему, подчас в чисто практических целях.

Полезные советы, рецептуру из различных трав находят наши врачи в рукописных народных лечебниках, травниках.

Росли в садах царя Алексея Михайловича наливные яблочки. Посмотришь на свет и видишь черные зернышки, спрятанные внутри яблочка. Но шли годы, яблони дичали, и люди утратили, казалось, безвозвратно тайну выращивания наливных яблок. И вот приятная неожиданность: в Публичной библиотеке, в записной книжке орловского помещика, агронома и издателя журналов «Сельский житель» и «Экономический магазин» Андрея Тимофеевича Болотова этот рецепт найден!

Немалую помощь оказывают рукописные материалы градостроителям, реставраторам. Возводили новые дома в Перми, но они давали трещины, оседали, рушились. Помогли наши старые рукописные планы города, из которых пермяки узнали, что в местах новостроек в XVIII веке были шахты, добывалась руда, и в глубине образовались пустоты. Проектировщики генеральных планов исторических городов РСФСР, охраны зон памятников архитектуры, истории и культуры находят материалы по строительству городов в XV—XVII веках в рукописных книгах, планах и картах, посвященных историко-культурным памятникам в различных местностях.

Незнание информационных возможностей рукописных карт, принадлежащих Публичной библиотеке, порой обходится народу и государству весьма дорого. Так было при строительстве станции ленинградского метро «Невский проспект» (находящейся в ближайшем соседстве с Библиотекой). На пути проходчиков совершенно неожиданно вдруг оказался глухой проток — приток реки Кривуши (ныне канал Грибоедова). На старых картах он ясно обозначен. Засыпан он был в 1758 году. Этот «сюрприз» удорожил и удлинил сроки строительства. А «сюрприза» могло бы и не быть, если бы проектировщики изучили старые карты, хранящиеся в фондах Библиотеки. Мы должны пристально вглядываться в прошлое, чтобы воскресить то, что может послужить людям и сегодня и завтра.

Движется время, уходят и приходят поколения, а оставленные ими в рукописном хранилище материалы остались современникам на все времена. То, что про людей,— то с людьми навсегда...

НЕ СЧЕСТЬ АЛМАЗОВ...

И ценней позолоты пергаментных книг
Возвещающий правду о времени Крик.

Надежда Полякова

Тысячи документов первостепенного исторического и художественного значения на всех языках Европы за 15 веков — от V до XX — хранятся в Публичной библиотеке. Из 75 тысяч европейских рукописей более трети — французского происхождения: около 2 тысяч рукописных книг и свыше 20 тысяч документов и писем французских политических деятелей, ученых, писателей, артистов, художников, композиторов.

Не случайно французские исследователи характеризовали ленинградское собрание как «золотые россыпи» по истории Франции.

И это действительно так. Здесь находятся папские буллы, письма почти всех французских королей, государственных и военных деятелей, донесения чиновников судебных учреждений (парламентов), муниципалитетов и провинциальных штатов Франции, а также послов из различных стран Западной Европы. Среди них более 200

писем Карла IX, 350 писем Генриха III, 255 — Екатерины Медичи, около 500 — Генриха IV и т. д.

Основу этому ценному фонду положила коллекция П. П. Дубровского. К этому собранию позднее были присоединены французские рукописи из других коллекций.

Собрание П. П. Дубровского состоит из рукописных комплексов, входивших некогда в монастырские средневековые библиотеки, государственные архивы и частные коллекции. К первым относятся рукописи из монастырей Сен-Жермен-де-Пре и Корби, ко вторым — кодексы из собрания французских королей (Карла V, Людовика XII и др.) и крупнейших вельмож Франции (герцога Бургундского Филиппа Доброго, короля неаполитанского Рене Анжуйского, президента Парижского парламента Ашилля Арле, канцлера Франции Пьера Сегье).

Самой ранней рукописью, представляющей огромную ценность и постоянно привлекающей к себе внимание ученых, является рукопись V века, содержащая произведения Блаженного Августина. Эта пергаменная рукопись писана так называемым унциальным письмом *.

Среди западных рукописей особую группу образуют молитвенники. Их ценность, разумеется, не в тексте, который всегда одинаков, а в художественном оформлении и надписях владельцев, раскрывающих судьбу книги среди людей. В собрании Библиотеки самым знаменитым является Молитвенник Марии Стюарт. На одной из страниц его — владельческая запись на французском языке: «Это книга моя — Марии — королевы». Молитвенник подарил Марии ее дядя герцог Гиз, когда она была еще невестой французского дофина — будущего короля Франциска II. На полях некоторых страниц тем же почерком написаны французские четверостишья. По преданию, именно с этим молитвенником королева взошла на эшафот.

Не менее знаменит молитвенник из мастерской парижского художника XIV века Жакмара Эденского. Особо стоит отметить Молитвенник герцога Орлеанского, будущего короля Франции Людовика XII. Почти каждый лист молитвенника украшен миниатюрами известного художника XV века Жана Коломба.

---

* Так называли книжное латинское письмо IV—VIII веков, ясное, четкое, но не разделяющее слов, сплошное.

Собрание часовников (молитвенников на определенный час дня) дает первоклассный материал не только по истории искусства и художественного оформления книг, но и по истории средневекового быта.

Среди французских рукописей XIII—XVI веков наибольшую историческую ценность представляют рукописи, иллюстрированные миниатюрами. Это хроники, рыцарские романы, поэмы, философско-аллегорические трактаты. «Большие французские хроники» — рукопись XV века — украшены изумительными миниатюрами фламандского художника Симона Мармиона.

Исчезали под слоями позднейших записей, а то и просто штукатурки фрески древних церквей, блекли цвета роскошных шпалер, осыпались краски икон — только миниатюра сохранена в изначальной свежести колорита страницами рукописной книги от влажности, воздуха, света и пыли.

В XIV—XV веках французские миниатюристы — ведущие в Европе. Этот вид искусства, камерный и рафинированный, оказался наиболее приспособлен к удовлетворению запросов времени. Коллекция французской миниатюры, имеющаяся у нас, одна из лучших в мире. Благодаря этой коллекции мы узнаем, как одевались люди самых разных сословий — монахи и светские дамы, короли и шуты, воины и торговцы. Изображенные на миниатюрах городские здания, величественные замки, монастырские соборы и дворцы аристократов являются источниками по истории зодчества, подчас незаменимыми, так как большинства этих памятников давно уже не существует.

Особенно ценны рукописные материалы по истории Франции XVI—XVII веков. В первую очередь следует отметить около четырех тысяч документов, относящихся к периоду так называемых религиозных войн. Напряженное положение в провинциях и в Париже накануне религиозных войн, рост гугенотской партии, военные действия и переговоры правительства с гугенотами, роль парламентов и городских муниципалитетов, народные движения — все это нашло отражение в рукописях.

Документы XVII века — их около 3 тысяч — включают письма Генриха IV, его министров Вильруа и Жаннена, Людовика XIV, кардиналов Ришелье и Мазарини, архив канцлера Франции Пьера Сегье. Часть рукописных книг XVI века восходит к библиотеке Людовика XII и

Анны Бретонской. Многие из них имеют собственноручные подписи короля (Loys): это — упомянутый роскошно украшенный Молитвенник, «Триумфы» Петрарки, заказанные Анной Бретонской специально для Людовика XII, рукопись «Послания в стихах» придворных поэтов с миниатюрами: изображения короля и королевы, как полагают, имеют большое портретное сходство.

Не меньшую ценность представляют рукописи из библиотеки короля Неаполя и Сицилии Рене Анжуйского. В мире сохранилось 12 рукописей с его произведениями, но ученые только две из них признают оригиналами. Единственный список пасторали «Реньо и Жаннетон» хранится у нас. Для Национальной библиотеки Франции библиотекарь В. И. Собольщиков в прошлом веке сделал с рукописи копию.

Интересна также история появления в Публичной библиотеке документов из архива Бастилии. Долго покров глубокой тайны окружал эту знаменитую королевскую крепость и тюрьму. Кому удавалось из нее выйти, давал подписку о неразглашении виденного, слышанного и пережитого. Сюда заключались люди не по решению судебных органов, а по королевскому указу.

В весенние месяцы 1789 года, когда в Париже нарастало революционное брожение, королевская власть собрала в Бастилии пушки и боевые припасы. Об этом знали парижане. Толпы парижан устремились к Бастилии. Бастилия была взята, узники освобождены, оружие направлено против королевских войск. Во время взятия Бастилии архив ее был разграблен, бумаги разбросаны по всем помещениям, выброшены во рвы. Многие из них втоптаны в грязь, изорваны, брошены в огонь. Любой мог взять себе эти документы, что и сделал, например, Бомарше, известный драматург — автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро». Разошедшиеся по рукам бумаги вскоре стали предметом купли-продажи. 16 июля вышел приказ парижского муниципалитета, запрещающий вынос из крепости бумаг. Муниципалитет обратился ко всем гражданам с призывом вернуть расхищенные документы, чтобы предоставить будущим поколениям драгоценные исторические материалы. Многие вернули документы. Пришлось их вернуть и Бомарше.

Собрание бастильских материалов Ленинграда, содержащее около 800 документов и 30 рукописей, является самым крупным из числа собраний, которые не вошли

в основной фонд Бастилии, хранящийся в парижской Национальной библиотеке (в фонде Арсенальной библиотеки). Документы относятся к истории тюрьмы и парижской полиции накануне Великой французской революции XVIII века. Среди них так называемое полицейское досье Вольтера. За вольнодумные свои произведения Вольтер побывал в Бастилии дважды — в 1717 и 1726 годах. Список заключенных по обвинению в участии в голодных бунтах 1775 года во время так называемой Мучной войны, нелегальные рукописные газетки за 1725—1751 годы, содержащие сведения о жизни столицы и провинций, новости из-за границы, донесения агентов тайной полиции о подслушанных в общественных местах разговорах и другие подобные дела хранятся в бастильском архиве рукописного хранилища.

Несомненный интерес представляет знакомство с толстым томом мемуаров Латюда, одного из знаменитых бастильских узников, который умудрился трижды убегать из Бастилии по лестнице, сплетенной из белья и тряпок. Он был обвинен в ложном доносе на мнимый заговор с целью получить награду за «раскрытие» преступления. Латюда анонимно послал по почте фаворитке короля маркизе Помпадур ящичек с порошком купороса и сам же и предупредил ее о посылке, якобы посланной злоумышленником. Сохранились листки книги, на полях которой и между строк узник вписал копии своих писем к маркизе Помпадур с красноречивыми просьбами о помиловании.

Некоторые материалы связаны с Россией: копии с писем французского резидента в Петербурге Дальона и французского министра иностранных дел Даржансона за 1745—1746 годы, черновики писем тайного русского агента в Париже Бона к русскому послу в Голландии графу А. Г. Головкину за 1734 год.

Подлинным уникумом считается архив Вольтера, поступивший вместе с его личной библиотекой из Эрмитажа в 1861 году. Это восемнадцать переплетенных томов, в которые входят наряду с материалами, присланными Вольтеру из Петербурга для его работы над историей Петра I, автографы и черновики некоторых его произведений, часть его переписки.

В Публичной библиотеке можно увидеть немало писем французских политических и государственных деятелей — Робеспьера, Марата, Демулена, Наполеона I и

его маршалов — Нея, Даву, Мюрата; ученых и писателей — Дидро, Руссо, Лапласа, Пастера, Гюго, Бальзака, Мериме, Беранже, Ж. Санд; композиторов — Берлиоза, Оффенбаха. Они, разумеется, не равноценны. Одни полны величия, иной раз трагизма, а другие описывают будничную, «вседневную» жизнь тех далеких лет. Вот небольшой листок бумаги, на котором по-французски написано: «...прошу Вашу светлость верить всему, что он Вам скажет, особенно когда станет выражать Вам чувства уважения и особого доверия, питаемые мною к Вам с давнего времени». Внизу дата: октябрь 1812 года, и подпись: «Наполеон». Эту записку Наполеон послал через свое доверенное лицо Кутузову за несколько дней до бегства из Москвы, прося перемирия.

Или возьмем письма совсем иного плана: австрийский министр иностранных дел П. Эстергази жалуется незнакомому лицу, что вдова композитора Иосифа Гайдна истребила часть бумаг своего мужа на папильотки.

На листке из ученической тетради для чистописания написана лишь одна фраза, выведенная множество раз, но тетрадь принадлежит будущему королю Франции Людовику XIV, а фраза означает: королям все дозволено (L'hommage est auxrois; ils font ce qui leur plaist).

*

В Библиотеке немало материалов, относящихся и к немецкой истории, культуре и науке: письма ученых, архив немецкого гравера, художника и астронома Г. Х. Эймарта, автографы Гете, Шиллера, а также их современников.

Для историков представляет известный интерес Вестфальский архив, состоящий из более чем 14 тысяч документов. Это архив тайной полиции и министерства иностранных и внутренних дел за 1811—1813 годы. Донесения вестфальских послов из Берлина, Парижа, различных французских городов, донесения комиссаров тайной полиции, антифранцузские листовки, шпионские донесения о студенческих кружках, о настроениях различных слоев общества. В архиве немало свидетельств общественного мнения относительно похода Наполеона в Россию. Интересны перехваченные письма солдат наполеоновской армии из России на родину.

А вот дело, которое пытались разгадать в свое время многие писатели и ученые. Речь идет о материалах, ко-

торые относятся к концу 1820-х — началу 1830-х годов и связаны с таинственными обстоятельствами жизни и смерти «нюрнбергского найденыша», неожиданно появившегося в Нюрнберге в мае 1828 года. Это был юноша лет 16—17, одетый в рваную одежду, неуклюже ходивший, почти не умеющий говорить. Он не знал, кто он такой, откуда пришел, никогда ранее не слышал звуков жизни, не видел яркого солнечного света, не видел лица человека, дававшего ему воду и пищу, научившего его ходить. Единственное, что он умел писать,— Каспар Гаузер. Жители города и нарекли его этим именем. Как бродяжка, он был посажен в тюрьму. Тем не менее, пользуясь симпатией горожан, он стал главной темой для сочувственных разговоров. На него ходили смотреть как на чудо, назвав его «дитя Нюрнберга». Затем, усыновленный одним сострадательным англичанином, юноша уехал в Ансбах. 17 декабря 1833 года, в сумерках, кто-то нанес Каспару ножевую рану, от которой через несколько дней он и скончался. Никому не удалось получить обещанный «отцами» города мешок золота за поимку убийцы.

Хоронили его при огромном стечении народа, а на надгробии высекли слова: «Здесь покоится загадка столетия. Его рождение было окутано тайной, таинственной была и его смерть».

Трагическую судьбу Каспара Гаузера современники связали с именем одного из принцев Баденского дома, насильственно отстраненного от престола. Материалы дела породили обширную литературу. Наиболее известен роман Я. Вассермана «Каспар Гаузер».

В «Деле Каспара Гаузера» имеются подлинники писем лиц, лично знавших и непосредственно участвовавших в устройстве Каспара Гаузера в Нюрнберге и в Ансбахе: в частности, крупнейшего криминалиста, президента аппеляционного суда в Ансбахе Павла Ансельмана Фейербаха (отца философа Людвига Фейербаха), жандармского лейтенанта, которого подозревали в выполнении тайных поручений баденского двора.

Хранятся в Публичной библиотеке и документы, связанные с историей и культурой Англии, Италии, Испании, Португалии, Греции, Швеции, Голландии, Соединенных Штатов Америки, Южной Америки.

Находится у нас «История английского народа» Беды Почтенного (VIII в.) — один из старейших списков и

основной источник по истории древней Британии; рукописная «История Троянской войны» с автографами трех королей: Ричарда III, Якова I и Карла I. Надпись на этой книге оставил и Оливер Кромвель.

Приблизительно половину всех греческих рукописей, находящихся в Советском Союзе, составляет собрание Библиотеки (около 800 единиц). В Библиотеке хранятся греческие папирусы II века, найденные в катакомбах Сахары, и палимпсесты с IV до XIII века. Палимпсесты — это те рукописи, которые ради экономии дорогостоящего пергамена писались по уже ранее написанному и счищенному тексту. Любопытна и редка тетрадь студенческих записей лекций по медицине о медицинском трактате врача Аэция из Амид* (Месопотамия, VI в.). К наиболее интересным относится каталог безымянной частной библиотеки. Владелец библиотеки имел сборник сократовских писем, трактаты Аристотеля «О доблести» и «Афинская политика», работу Феофраста «О благоразумии», сочинение «О гневе» Посейдония и другие философские и политические произведения.

Большой интерес представляют рукописи произведений классической греческой литературы: Гомера, Еврипида, Демосфена, Аристида, Фукидида, Софокла. Трагедии Софокла — «Эант», «Электра», «Эдип Тиран» — впервые были напечатаны именно по этим спискам знаменитым венецианским типографом Альдом Мануцием. Перелистывая античные рукописи, воистину чувствуешь, что «жизни горькое дыханье нас обжигает сквозь века».

Всему миру известен пурпурный кодекс четвероевангелия VI века — памятник средневекового греческого письма. Он был изготовлен в византийском императорском скриптории для императорской библиотеки. Вместо обычных для VI века коричневатых чернил текст расписан серебром и золотом на темно-пурпурном пергамене. Листы этой рукописи разбросаны по многим библиотекам мира, но бóльшая часть хранится в Публичной библиотеке — 182 листа (33 — в монастырской библиотеке на острове Патмосе, что находится в Эгейском море, 6 — в Ватикане, 4 — в Лондоне, 2 — в Вене).

В небольшом очерке немыслимо обо всем рассказать.

Но нельзя не сказать еще несколько слов о рукописях итальянских гуманистов. В Публичной библиотеке

---

* Амиды — ныне турецкий город Диарбекир.

самое крупное в СССР рукописное собрание их творений (54 кодекса). Общеизвестно, что итальянские гуманисты сами переписывали свои произведения и выработали новый тип письма — так называемое гуманистическое письмо, которое стало основой современного латинского алфавита. Собрание Библиотеки включает первоклассные рукописи эпохи Возрождения. Здесь — сонеты Франческо Петрарки и копии его писем, сборники его поэтических произведений — «Книга песен» (книга воспоминаний о высокой и чистой юношеской любви), аллегорическая поэма «Триумфы», философский трактат «О средствах против счастливой и несчастливой судьбы». Последняя рукопись переписана в Милане через 14 лет после смерти поэта (1388). В большие цветные инициалы вписаны 4 поясных портрета Петрарки в красной или синей мантии и капюшоне, отороченных горностаем. Рукопись является одним из четырех сохранившихся датированных списков XIV века этого произведения.

Список романа Джованни Боккаччо «Филоколо» оформлен художником флорентийской школы XV века; лицевая сторона первого листа целиком покрыта твореным золотом, в инициал «М» вписан тончайшей работы поясной портрет Боккаччо с лавровым венком на голове, в красной мантии и с книгой в руках. Невольно вспоминаешь слова писателя: «В обществе моих книг я испытываю большую радость, чем короли мира».

Здесь же находятся несколько произведений Томмазо Кампанеллы в списках XV—XVII веков, список сочинений Тита Ливия, датированный XV веком, сменивший не одного владельца, некогда принадлежавший Лоренцо Медичи, а затем Жан Жаку Руссо. На первом листе — миниатюра, изображающая ученого эпохи Возрождения за работой в своем кабинете.

Гуманисты были страстными собирателями, любителями, ценителями рукописных книг. Их отношение к книгам ярко выразил Петрарка, сказавший: «Золото, серебро, жемчуг, пурпурные одежды, мраморные здания, картины и другие предметы могут доставлять только преходящее удовольствие, книги же могут привести нас в истинный восторг: они говорят с нами, как живые, они — наши лучшие советники, наши ближайшие друзья» [21].

НЕУГАСШИЕ ПИСЬМЕНА

Молчат гробницы, мумии
и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом
погосте
Звучат лишь Письмена.

Иван Бунин

Велики сокровища восточного фонда. Когда в 1814 году открыли Библиотеку, фонд этот насчитывал всего лишь 183 рукописи, а сейчас их около 20 тысяч. Тексты рукописей начертаны более чем на 40 восточных языках. Древнейшие из них — египетские папирусы X—IX веков до нашей эры, происходящие из Фиванского некрополя. Самый древний свиток — «Книга находящегося в Дат», то есть в потустороннем мире. На свитке изображены обитатели потустороннего мира: усопшие люди, различные животные, боги с головами птиц и животных. Папирусы щедро заполнены изречениями из Книги мертвых, по мысли древних, обеспечивающими загробное благополучие умершего. Извечная мечта человека о бессмертии у древнего египтянина связывалась с постройкой гробницы — вечного жилища, где, выполняя специальные культовые обряды, магические заклинания, душа умершего якобы получала возможность в том или ином образе днем покидать гробницу. Об огромной роли магии в жизни древнего Египта и свидетельствуют эти папирусные свитки.

По ценности восточные рукописные фонды Публичной библиотеки занимают одно из первых мест в мире. Они содержат сведения по истории, экономике, праву, медицине, математике, астрономии, географии, литературе и искусству народов Востока. Среди богатого собрания восточных рукописей выделяются редкие списки произведений знаменитых поэтов средневековья: узбекского поэта и мыслителя Алишера Навои, классика таджикской и персидской литературы Абулькасима Фирдоуси и Абдурахмана Джами, азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, персидского поэта Саади.

Наиболее ценные из них — список «Шах-намэ» Фирдоуси, датированный 1333 годом, с 52 миниатюрами; знаменитый «Диван» («Собрание стихотворений») На-

вои 1465 года (самая ранняя из известных рукописей поэта, замечательная своеобразием своего художественного оформления). Эта рукопись, как и роскошно орнаментированная, с двумястами миниатюрами «Шах-намэ» Фирдоуси (1642—1651), была привезена в Петербург Николаю I в 1829 году в качестве «цены крови» А. С. Грибоедова (убитого в Тегеране) персидским принцем Хосров-мирзой из библиотеки шаха вместе с другими 18 роскошными персидскими рукописями. Мировой известностью пользуются рукописи с миниатюрами «Хамсе» («Пятерицы») и отдельных поэм Низами, произведений Хафиза, Саади, Аттара и других средневековых авторов.

Не будем забывать, что эти поэты, жившие немало столетий тому назад, славили слово, книгу, просвещение. Как современно звучат слова Фирдоуси, страстно призывающего:

Если путь твой к познанию
мира ведет,—
Как бы ни был он долог и
труден — вперед!

Славит силу слова Низами:

То на знамени слово находишь
ты,
То пером это слово выводишь
ты.
Нет того, кто б возвысился выше
слов.
Во владении слова удел миров.

Гимн книге поет Навои:

Книга — учитель без платы и
благодарности,
Каждый миг дарит она тебе
откровения мудрости.
Это — собеседник, имеющий мозг,
покрытый кожей,
О тайных делах ведающий молча.

В другом месте он признавался, что «милее книги в мире друга нет».

Пользуется мировой известностью фонд арабских и еврейских рукописных книг и фрагментов (более 12 тысяч единиц) — исторические, философские, математические, медицинские сочинения, письма, брачные контракты, торговые договоры. Старейшими материалами считаются кожаные свитки Пятикнижия, знаменитая Каир-

ская библия 1010 года, названная так по месту, где она была найдена.

Среди сокровищ рукописного фонда — список «Тысячи и одной ночи», в котором некоторые сказки записаны более пространно, чем в опубликованных текстах.

Стоит упомянуть один из ранних списков географического сочинения известного арабского ученого Идриси (XII в.), который, живя в Сицилии, создавал карты на основе рассказов мореходов и заезжих купцов.

Более 30 рукописных книг на сирийском языке представлены в Библиотеке. Среди них вторая по древности из известных датированных рукописей — перевод истории церкви Евсевия Кесарийского в пергаменном списке (462); сборник апокрифических памятников VI века, на последней странице которого написано проклятие тому, кто вынесет сборник из монастыря в Скитской пустыне в «другое место». Такие карающие слова за присвоение или унос книги — явление обычное.

Ценные материалы по литературе, истории Грузии и Армении, их отношений с Россией открываются в рукописных книгах, документах, письмах.

На различных языках Индии — санскрите, пали, хинди, гуджарати, бенгали, малаялам — написаны более 300 историко-этических сочинений, трактатов по грамматике и литературных произведений. Многие индийские памятники — на высушенных пальмовых листьях. Китайская литература представлена ксилографиями и рукописями широко известных поэтических сочинений, романов и сборников новелл, словарей, медицинских сочинений, сочинений по сельскому хозяйству. Привлекают внимание роскошные альбомы китайских рисунков — в них отражены типы народов, населявших Китай, представители различных ремесел с орудиями труда, национальные костюмы.

В небольшом тибетском фонде Публичной библиотеки хранится и редкая тибетская рукопись «Сказания о Гэсэре» (1-я и 5-я главы).

Немногими единицами хранения представлены эфиопские, коптские, тангутские и сиамские рукописи, рукопись на деревянных пластинках из стран Батта.

Украшения восточных рукописей отличаются яркостью красок и роскошью отделки. Многие таджикские и персидские рукописи обрамлены великолепным орнаментом на полях, заключены в тисненые кожаные или лако-

вые переплеты — все они исполнены выдающимися мастерами художественного письма и миниатюрной живописи. Стоят на полках библиотечных шкафов уникальные альбомы каллиграфических образцов и миниатюр. Самый замечательный из них — альбом индийских и персидских миниатюр.

По праву высоко оценивают ученые неисчислимые богатства рукописных фондов. Очерк о них мы закончим словами академика И. Ю. Крачковского (его личная библиотека хранится в Публичной библиотеке): «Рукописный отдел всегда был и остался редкой школой: сюда мы робко входили юными студентами, здесь создавались нами первые работы, и через десятки лет мы, уже поседев, все продолжали учиться со своими учениками и направляли сюда учеников своих учеников.

Среди этих высоких, немного суровых стен... было сделано немало выдающихся научных открытий...» [22].

Нет научной отрасли, главным образом общественных дисциплин, которая не использовала бы наших рукописей для исследований. Не счесть драгоценных памятников письменности различных эпох и народов, принадлежащих Публичной библиотеке. Нет той цены, которой можно было бы измерить это богатство.

Без знания прошлого нет культуры, нет человеческой цивилизации. Это память человечества, которая несет в себе залог бессмертия. Ее надо беречь, знать и умножать. «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости»,— справедливо сказал А. С. Пушкин.

В МИРЕ ПЕРВЫХ ИЗДАНИЙ

Изобретение книгопечатания — это величайшее историческое событие.

В. Гюго

В эту комнату входят тихо и говорят, не повышая голоса. Стоит только перешагнуть начертанную на полу звезду-пентаграмму, и — по средневековому поверью — вся нечисть останется за спиной и не проникнет под эти готические своды, исписанные латинскими здравицами и заклятьями. Лучи света, проходя через цветные стекла витражей, вырывают из мрака огромные дубовые шкафы и массивные пюпитры, к которым прикованы цепями увесистые фолианты.

Сто с лишним лет назад библиотекарь Василий Иванович Собольщиков и архитектор Иван Иванович Горностаев предложили устроить хранилище первопечатных книг по образцу старинных монастырских библиотек, какие и по сей день можно увидеть в чешских, польских и немецких городках. Так и возник по соседству с современными залами Публичной библиотеки «кабинет Фауста» — как стали его с тех пор называть. Во время войны удар взрывной волны от разорвавшегося неподалеку снаряда разрушил крестовые своды, но умелые мастера восстановили их, и «кабинет Фауста» продолжает вызывать восторженный шепот у его посетителей.

В этом кабинете и в соседних комнатах, отведенных фонду редких книг, хранятся издания, при описании которых чаще всего упоминается слово «первые».

В начале 1450-х годов в немецком городе Майнце мастер Иоганн Гутенберг впервые изготовил подвижные литеры, составил из них строку, сложил из строк страницу и ручным прессом прижал набор к бумажному листу. Так появилась на свет первая в Европе печатная книга.

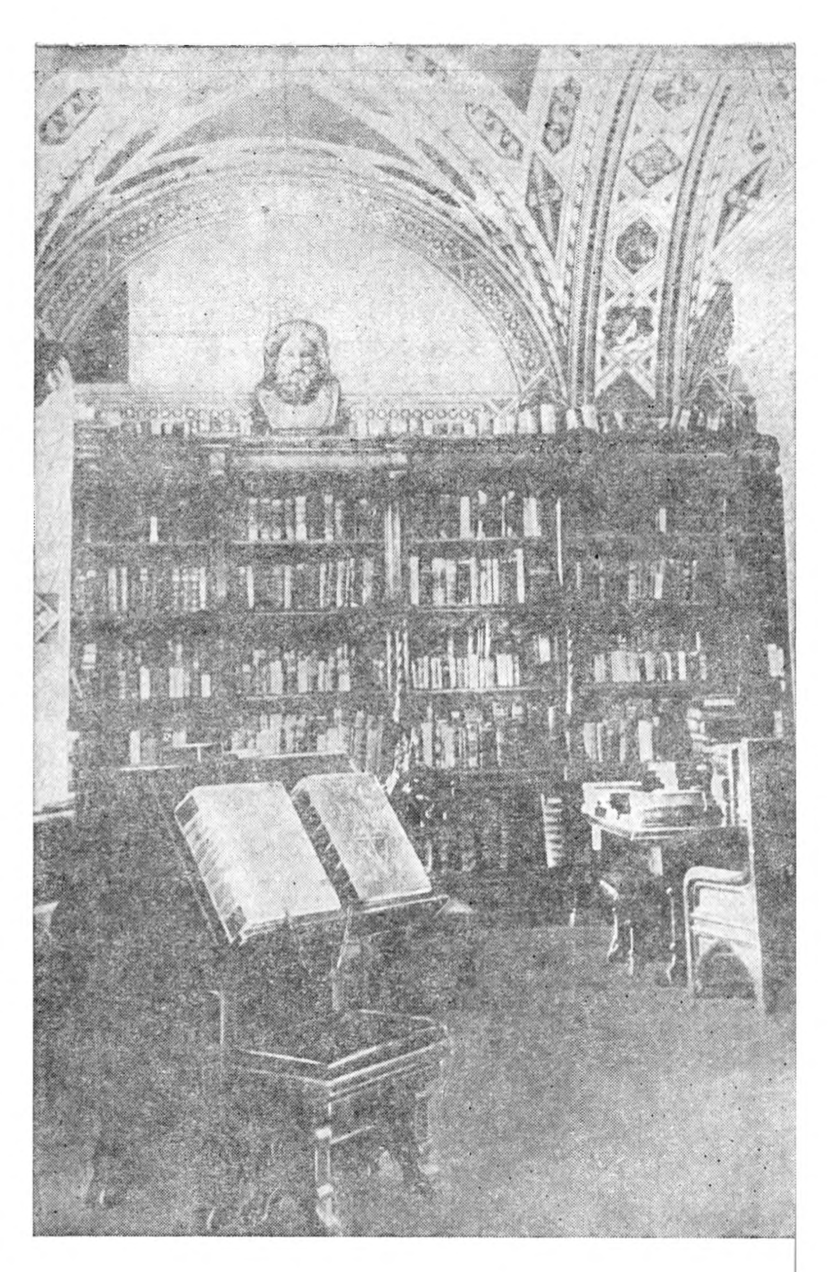
Этапы этого пути представлены на полках и витри-

нах фондов редкой книги. Рядом с листами гутенберговской «Библии» здесь находятся самые первые издания, изготовленные на печатных станках итальянских, французских, польских, чешских, шведских типографов. Они еще во многом напоминают средневековые рукописи: так же ярко раскрашены от руки инициалы, те же приемы сокращения слов, заученные писцами, но уже совсем не обязательные при типографском наборе. Печатная книга лишь постепенно обретала свой последующий облик, а в первые десятилетия еще не вышла из колыбельного возраста. Инкунабулами, в переводе с латыни «колыбельными», принято называть издания XV века — начальной поры книгопечатания. Коллекция инкунабул Публичной библиотеки насчитывает свыше 5000 томов — это одно из самых больших собраний инкунабул в мире.

В первый же век своего существования книгопечатание проникло во все сферы духовной жизни тогдашнего общества. По велению церкви выходили в свет богослужебные книги, справочники о порядке отпущения грехов и наставления инквизиции о преследовании ведьм и еретиков. Но разгорающийся свет Возрождения уже начинает теснить церковный мрак, и из-под печатных прессов стали выходить произведения Апулея, Плутарха, Цицерона, Тита Ливия, распространявшиеся ранее лишь в виде рукописей. В Публичной библиотеке хранится множество первоизданий античных классиков, и в том числе знаменитые «альдины» — книги, выпущенные тремя поколениями венецианских типографов Альдов. Большинство «альдин» сохранило свои первоначальные пергаменные или кожаные переплеты, прикрывающие изящно набранный титульный лист с изображением дельфина, обвивающего якорь.

Глядя на книги, вышедшие полтысячелетия назад, хочется представить себе людей, в руках которых они побывали. Вот знаменитый роман о славном рыцаре Амадисе Галльском, изданный в Севилье в начале XVI века,— может быть, именно таким томиком зачитывался бедный идальго Дон Кихот из Ламанчи.

В других случаях и придумывать не надо: на «Истории Северных стран» Олая Магнуса сохранилась владельческая надпись Торквато Тассо, а изданная в 1492 году «Хирургия» Гуилельма де Салицето попала три века спустя к человеку, именем которого в дни Француз-

Кабинет Фауста

ской революции была названа смертоносная машина,— на обороте переплета книги виден росчерк: «Доктор Гильотен».

Отцом русского книгопечатания принято считать Ивана Федорова, выпустившего в свет свою первую книгу «Апостол». В послесловии к «Апостолу» названо имя типографа и сказано, что книга эта напечатана в Москве в 1564 году. Однако есть основания считать, что еще за 8—10 лет до «Апостола» в Москве вышло несколько книг, создатели которых не указали даты их издания и своего имени. Пока что ученым не удалось установить имена предшественников Ивана Федорова, которым суждено разделить с ним первое место в истории печатного дела на Руси. Книги этих мастеров хранятся в Публичной библиотеке рядом со знаменитым «Апостолом». Издания Ивана Федорова и его современников украшены изящными инициалами, нарядными заставками, а текст их, напечатанный черной и красной краской, свидетельствует о большом искусстве первых русских мастеров наборного художества.

На протяжении полутора столетий книги на Руси печатались с помощью литер, воспроизводивших старославянский (или кириллический) шрифт, который был издавна распространен в рукописной книжности. Кириллическим шрифтом были напечатаны первый русский Букварь, изданный Иваном Федоровым, первая иллюстрированная Азбука Кариона Истомина, первый печатный свод законов — «Уложение 1649 г.». Огромный том «Уложения» был издан за несколько месяцев и явился одним из самых совершенных образцов русского книгопечатания XVII века. Он по праву занимает центральное место в обширной коллекции книг кириллической печати, собранной в Публичной библиотеке.

В числе их — первые учебники, по которым занималось несколько поколений русских школьников,— «Грамматика» Смотрицкого, «Арифметика» Магницкого. Большим спросом среди купцов пользовалось «Считание удобное», содержащее таблицы «для скорого всякие вещи цены обретения», а для офицеров создаваемой регулярной рамии был предназначен первый составленный в России военный устав — «Краткое обыкновенное учение... в строении пеших полков». Очень редкий экземпляр этого устава хранится в Публичной библиотеке рядом с первым учебником всеобщей истории («Введение

краткое во всякую историю»), напечатанным в 1699 году в Амстердаме по приказу Петра I.

Из четырехсот с лишним известных изданий петровского времени половина хранится в Публичной библиотеке. На ее полках можно увидеть единственный полный, со всеми гравюрами, экземпляр небольшой книжки — «Геометриа славенски землемерие», выпущенной в свет в 1708 году. Издание ее означало важный поворот в истории русской книги: «Геометриа» была напечатана не кириллическим, а вновь созданным гражданским шрифтом, гораздо более простым, удобным и экономным. Полвека спустя Михаил Васильевич Ломоносов с благодарностью вспомнит об этой реформе и с шутливой торжественностью скажет о том, что при Петре I «буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды». Эти удобные и легкие одежды русский типографский шрифт носит и до настоящего времени, приспосабливая их порою к требованиям моды, но сохраняя основные черты вошедшего в русскую книжность гражданского шрифта.

Одной из первых русских книг, напечатанных гражданским шрифтом, была «Юности честное зерцало», изданная в Петербурге в 1719 году. Книга эта прилагалась к азбуке как материал для чтения и содержала свод правил поведения юношества в обществе.

Среди изданий, переведенных с кириллического шрифта на гражданский, была и первая русская печатная газета «Ведомости о военных и иных делах», выходившая в Москве с 1702 года. В Публичной библиотеке хранятся «Ведомости» только с января 1703 года.

Еще в XVI веке во многих странах Европы стали выходить печатные листки и брошюры с описанием битв и чужеземных посольств, чудес природы и кораблекрушений, кровавых мятежей и пышных празднеств. На первой странице этих брошюр помещали обычно гравюры, изображавшие описываемые события. Правда, выбор гравюр у типографов был невелик и не раз случалось, что одну и ту же фигуру выдавали — в зависимости от содержания текста — то за турецкого султана, то за венгерского разбойника, то за русского царя. Но читатели, покупавшие эти листки и брошюры за мелкие монетки (от названия итальянской монетки — «газетта» — и пошло столь знакомое нам слово), не обижались на издателей: слишком велико было желание прочесть о том,

что делается на свете. Мир расширялся; чуть ли не каждый год на карте появлялись вновь открытые земли, предприимчивые купцы везли сукна, шелка, соль на многолюдные ярмарки, и горожанам важно было вовремя узнать,

Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны? [23]

С начала XVII века брошюры с описаниями новостей стали выпускать регулярно, один-два раза в неделю. Эти первые газеты состояли из двух или четырех листков небольшого формата, заполненных краткими реляциями: «Из Вены», «Из Праги», «Из Риги», «Из Парижа» и т. д. Иногда листки были озаглавлены («Северный Меркурий», «Почтовая газета»), но зачастую ни название, ни место издания не были указаны.

Комплект такой безымянной немецкой газеты, издававшейся в первой четверти XVII века, был изучен в Публичной библиотеке несколько лет назад. Описания этой газеты не было ни в одном справочнике, и пришлось самим разгадывать ее историю. Судя по особенностям языка, газета издавалась в одном из южнонемецких городов, а упоминавшиеся в тексте меры веса были распространены в то время в Вюртемберге и в Швабии. В каком же из тамошних городов издавалась газета? Ответить на этот вопрос помогло внимательное изучение содержания ее номеров: в конце каждого из них были известия, полученные накануне дня издания газеты, т. е., по-видимому, из самых ближних мест. Когда их названия были отмечены на карте, оказалось, что они образовали довольно правильное кольцо, в центре которого находился Штутгарт. Кстати, было замечено, что о событиях в Штутгарте газета ни разу не упоминала,— очевидно, ее читатели и без того были о них осведомлены. Так в Публичной библиотеке был обнаружен комплект первой штутгартской газеты, о существовании которой историки прессы до сих пор ничего не знали.

Трудно сказать, каким образом он избежал судьбы большинства газет, жизнь которых в то время кончалась сразу после прочтения. Уцелело их очень немного, ибо

лишь век или два спустя библиотеки стали собирать комплекты газет и хранить на своих полках.

Вот и русские «Ведомости» первых лет издания представлены всего в нескольких советских библиотеках и то в основном разрозненными комплектами. К счастью, в Публичной библиотеке находится почти полный их комплект, включая номер, изданный в июле 1709 года и содержащий первую реляцию о Полтавской победе. С нескрываемой гордостью царь Петр I писал «о зело превеликой и нечаемой виктории», одержанной «через неописанную храбрость наших солдат», которые «неприятеля с поля збили и знамен и пушек много взяли... о чем подробно вскоре писать будем, а ныне за скоростию невозможно».

Рядом с первопечатными книгами, первыми учебниками и первыми газетами в Публичной библиотеке хранятся первые журналы и первые календари, первые альманахи и первые ученые записки и множество других изначальных выпусков различных видов литературы вплоть до первой русской театральной афиши: «Объявление о чудном муже; Его же иные вторым Самсоном нарицают» (1719). За каждым из этих прапрадедушек и прапрабабушек современных изданий тянется бесконечная цепь их потомков вплоть до тех, которые только вчера вышли в свет из типографии. Мир первых изданий, о которых мы рассказали, знакомит нас с первыми звеньями этой цепи.

«ИЗ ИСКРЫ ВОЗГОРИТСЯ ПЛАМЯ»

Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена.

В. И. Ленин

Картечь и пули, рассеявшие каре декабристов на Сенатской площади, не стерли в памяти народа первое восстание против самодержавия. Множество улиц и зданий Ленинграда напоминают об этом событии, и важное место среди них занимает Публичная библиотека. В ней служили друзья декабристов — Н. И. Гнедич, А. А. Дельвиг. В ее читальных залах занимался декабрист В. К. Кюхельбекер. Ей дарили свои книги декабристы и лица, причастные к декабристскому движению,— С. Г. Волконский, А. Н. Муравьев, А. И. Тургенев, А. А. Никитин. Бережно хранятся в ее фонде «Творения» писателя XVIII века Н. П. Николева, принадлежавшие некогда Кондратию Федоровичу Рылееву.

На торжественном открытии Публичной библиотеки 2 января 1814 года ее сотрудник, поэт Н. И. Гнедич, призвал в своей речи воспитывать юношество в духе мужественной гражданственности на примере описания подвигов русских героев. Он еще не знал тогда, что ряды этих героев вскоре пополнят его молодые друзья — литераторы Бестужев, Рылеев и многие их единомышленники, считавшие, что поэт должен быть пророком, учителем и борцом, служить передовому общественному движению, бороться с самодержавием и крепостничеством. Литература для декабристов была трибуной, с которой они могли «заставить услышать крик своего возмущения и своей совести» [24].

В Публичной библиотеке сохранились все три выпуска альманаха «Полярная звезда», изданного Рылеевым и Бестужевым в 1823—1825 годах и положившего начало «альманачному периоду русской словесности» (В. Г. Белинский). В нем печатались А. С. Пушкин,

Е. А. Баратынский, Н. И. Гнедич, И. А. Крылов, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг и др. Издатели «Полярной звезды» едва ли не одни из первых положили начало профессионализации писательского труда, выплачивая (с 3-й книжки) авторский гонорар. Альманах смело пропагандировал свободолюбивые идеи и пользовался огромной популярностью у читателей. Карманного формата книжечки мгновенно раскупались и становились библиографической редкостью. Столь же популярен был и второй декабристский альманах — «Мнемозина», издававшийся В. Ф. Одоевским и В. К. Кюхельбекером в Москве в 1824—1825 годах.

Оба эти альманаха сыграли большую роль в формировании демократических взглядов русского общества. На декабристской литературе воспитывалось целое поколение деятелей русского освободительного движения первой половины XIX века. Студенты Петербургского и Московского университетов, молодые люди в губернских и уездных городах России переписывали и заучивали наизусть пророческие стихи Кондратия Рылеева, напечатанные в последнем номере «Полярной звезды» за 1825 год:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода? [25]

В Публичной библиотеке хранится величайшая редкость декабристской литературы, своего рода уникум — альманах «Звездочка» за 1826 год. Предполагалось, что издание «Полярной звезды» будет продолжено в 1826 году. Но подготовка к восстанию занимала слишком много времени, поэтому Бестужев и Рылеев решили издать уже имеющийся материал в маленьком альманахе «Звездочка». События 14 декабря приостановили издание альманаха. Было напечатано лишь 80 страниц, на которых поместился рассказ А. А. Бестужева «Кровь за кровь», отрывок из 3-й главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина, стихи И. И. Козлова, посвященные Зинаиде Александровне Волконской, отрывок из повести «Пустынник Канду» Д. П. Ознобишина, «К заре» А. С. Хомякова, «Песня» В. И. Туманского, «Зависть гения» Н. М. Языкова, «Гайдамак» О. М. Сомова. После ареста Бестуже-

ва и Рылеева отпечатанные листы были конфискованы, а затем уничтожены. Уцелел только экземпляр, находящийся ныне в Публичной библиотеке, да еще 56 страниц другого экземпляра, попавшие в Библиотеку Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Очень редкими стали и немногие прижизненные издания сочинений Рылеева: сборник стихов «Думы» и поэма «Войнаровский». Историки и литературоведы не раз использовали для своих исследований эти небольшие изящные книжки, занимающие почетное место в Русском фонде Публичной библиотеки.

После восстания произведения Рылеева были запрещены, но слово поэта продолжало звучать, расходясь в сотнях нелегальных списков, о чем подробно говорилось в очерке «Депо манускриптов».

Переходя от полки к полке Публичной библиотеки, можно восстановить всю трудную и сложную историю дореволюционных изданий декабристских книг, упорно преследовавшихся царской цензурой даже после смерти их авторов.

Лишь несколько этих изданий увидело свет в пределах тогдашней России и среди них книги В. К. Кюхельбекера «Ижорский» (1835) и «Русский Декамерон» (1836), которые с огромным риском для себя напечатал Пушкин.

Вслед за первой крупной посмертной публикацией произведений Рылеева, осуществленной за границей Герценом и Огаревым в сборниках «Полярная звезда» (1855—1868), стихи и поэмы Рылеева издавались в Берлине, Лейпциге, Лондоне. Оттуда они нелегально доставлялись на родину.

В России дочь Рылеева, А. К. Пущина, несколько раз безуспешно пыталась издать произведения отца. Наконец, после долгих хлопот, с большими трудностями ей удалось в 1872 году напечатать его «Сочинения и переписку» тиражом в 2000 экземпляров. Издание было далеко не полным, в нем не было «Молитвы Наливайки», стихотворений на смерть Байрона, агитационно-сатирических песен, поэмы «Вадим» и др.

Вообще дореволюционные читатели были знакомы лишь с небольшой частью творческого наследия Рылеева, Кюхельбекера, Бестужева, Одоевского. Их сочинения изобиловали множеством самых варварских купюр. Только в советское время были созданы подлинно науч-

ные собрания сочинений выдающихся представителей декабристской литературы. Самое полное собрание стихотворений Рылеева издано в серии «Библиотека поэта». В 1960 году в серии «Литературные памятники» напечатаны 3 книги «Полярной звезды», вышло факсимильное издание «Звездочки». Обнаруженные в различных архивах ранее не опубликованные рукописи декабристов были изданы в 60-м томе «Литературного наследства».

В дни празднования 150-й годовщины восстания на Сенатской площади в Публичной библиотеке была организована большая выставка. Советские издания книг декабристов, публикации документов, многочисленные исследования, посвященные их героическим деяниям и трагической судьбе, наглядно раскрыли значение декабрьского восстания 1825 года в истории нашей Родины. Они показали, что в масштабах истории первые дворянские революционеры одержали победу.

«...Их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена»[26]. Новые поколения революционеров выходили на борьбу с царизмом.

В. И. Ленин и его соратники, арестованные царским правительством в декабре 1895 года, в шутку называли себя «декабристами», тем самым воздавая должное первым русским революционерам. И недаром строку стихотворения декабриста А. Одоевского «Из искры возгорится пламя» В. И. Ленин взял эпиграфом к газете «Искра».

КНИГИ — БОРЦЫ ЗА НАРОДНОЕ СЧАСТЬЕ

Книга —
та, по-моему,
которая
худощава с лица,
но вложены
в страницы-обоймы
строки
пороха и свинца.

В. Маяковский

Сила книги — безгранична! Она способна изменить жизнь не только одного человека, но и целого народа. Она в состоянии возбудить мысль, поднять тысячи людей на борьбу за свободу и справедливость. «Артиллерия мысли» — могучее оружие революции, и это доказала сама история, подтвердившая слова, сказанные Пушкиным полтораста лет назад: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда» [27].

Мы бережно храним книги, созданные тремя поколениями русских революционеров за сто лет их освободительной борьбы. Издания эти появлялись на свет вопреки многочисленным преградам, стоявшим на их пути. Царское правительство боялось революционной книги и всячески истребляло ее — ей были уготованы аресты, конфискации, перемол на бумагу, костры, а ее авторов и издателей ждали тюрьмы, каторга и ссылка. Но не прекращали работать подпольные типографии в столицах и на окраинах России, и напечатанные ими брошюры и листовки сливались в единый поток с книгами, изданными «вольным тиснением» за рубежами самодержавной монархии.

Чтобы избежать конфискации книг, издатели прибегали ко всевозможным уловкам: на обложках отсутствовала фамилия автора, указывались фиктивные издательства и типографии с ложными адресами, порой эти сведения вообще опускались. Часто на книгах ставились несуществующие цензорские разрешения, а сборникам общественно-политических статей присваивались заглавия беллетристических произведений.

В Публичной библиотеке хранится книга И. Дицгена «Теория познания в свете марксизма», изданная в Риге в 1912 году с вымышленными заглавием и автором: Вербинский. Ключи счастья в познании марксизма. Под фамилией автора стоит: (По Дицгену).

Нелегальная литература далеко не всегда печаталась типографским способом — чаще это были литографированные, мимеографированные и гектографированные издания. Эти книжки делают нас соучастниками великих событий.

Чрезвычайно трудно и опасно было собирать и хранить нелегальные и запрещенные книги в царское время. Потому ни одно крупное книгохранилище Советского Союза не обладает полным собранием подобных изданий. В силу исторических обстоятельств особенно много их находится в Публичной библиотеке. Причем, судя по второму изданию «Сводного каталога русской нелегальной и запрещенной печати XIX века» (1981—1982), 57 книг представляют собой единственные уцелевшие экземпляры.

Основанная в качестве Императорской, т. е. главной библиотеки страны, Публичная библиотека имела особый секретный отдел, куда поступали запрещенные издания. Не случайно Николай I назначил тогдашних директоров Библиотеки Бутурлина и Корфа «по совместительству» председателями Негласного комитета, руководившего царской цензурой. Пользуясь своими правами, они пополняли секретный отдел библиотеки всеми обнаруженными в России нелегальными изданиями, чтобы как можно больше знать, что думают и о чем пишут противники самодержавного режима. Книги эти изымались у революционеров при обысках, конфисковывались в таможнях у лиц, приехавших из-за границы, поступали от цензоров, запрещавших издание нежелательных сочинений. По иронии судьбы палачи революционной книги оказались ее хранителями, и созданный в полицейских целях секретный фонд стал архивом русской вольной печати.

Нелегальные издания поступали в библиотеку и от самих революционеров, убежденных в том, что после свержения самодержавия книги эти станут достоянием народа. Так, в августе 1909 года Публичная библиотека получила отправленную по поручению В. И. Ленина по-

сылку с комплектами большевистской газеты «Пролетарий» и с изданными за границей брошюрами.

Наконец, фонд революционных изданий пополнился за счет поступления после 1917 года в Публичную библиотеку коллекций нескольких известных библиофилов (А. С. Суворина, Л. И. Жевержеева), собиравших нелегальные книги в качестве особых редкостей.

Так сложилось замечательное собрание, состав которого впервые получил отражение в каталоге «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке», изданном в 1920 году. За изданием этого первого свода революционной печати внимательно следил В. И. Ленин, считавший (как вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич) очень важным «подробное знакомство со всем тем, что сделали предыдущие поколения за рубежом в рамках свободной и вольной русской прессы Западной Европы, а также в подполье — в тайных типографиях России»[28].

На равных правах с трудами борцов за свободу, пропагандистскими брошюрами и боевыми листовками в собрание «Вольной русской печати» входят многие произведения русских и зарубежных писателей, увидевшие свет вопреки запрету царских властей и сохранившиеся, как правило, лишь в нескольких, а то и в одном экземпляре.

Так, например, в Публичной библиотеке хранится единственный уцелевший экземпляр второго лейпцигского издания «Собрания запрещенных стихотворений А. С. Пушкина» (1879), редкие экземпляры «Демона» и запрещенных стихов М. Ю. Лермонтова, книга Н. А. Огарева «Что нужно народу», изданные за границей стихи Н. А. Некрасова, произведения В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Книга А. И. Герцена «Рассказы» вышла в Петербурге в 1867 году без указания автора, но царская цензура быстро спохватилась и задержала весь ее тираж в типографии. Через шесть лет книгу велено было уничтожить, но из типографии она исчезла, и полиции не удалось ее найти. До настоящего времени известен только один экземпляр этой книги, находящийся в Публичной библиотеке.

Сборник Л. Н. Толстого «Народные рассказы» был первоначально напечатан в Петербурге, но его не разрешили выпустить в свет. Издателю Э. Г. Валечку удалось

вывезти книгу за границу и выпустить ее в 1888 году в Праге, снабдив новой обложкой и титульным листом.

На два тома сочинений Ф. Лассаля, изданных в Петербурге Н. П. Поляковым в 1870 году, в Главном управлении по делам печати было заведено огромное «дело» (на 163 листах!). В результате Комитет министров 29 августа 1872 года постановил книгу запретить. Тома Лассаля выходили из типографии в разное время. Первый уже был распродан, но в сентябре 1872 года его изъяли из всех библиотек и народных читален. Остатки второго тома сожжены. В фондах Публичной библиотеки сохранилось 7 экземпляров первого тома и 4 экземпляра второго. Примечателен один экземпляр первого тома тем, что 470-я страница в нем с полным текстом (11 строк). Во всех других экземплярах три последние строчки этой страницы сняты перед представлением в цензуру. Необычный экземпляр книги принадлежал Н. Ф. Даниельсону.

В 1870 году на основании распоряжения Александра II, запретившего издание русского перевода «Отверженных» В. Гюго, был уничтожен весь тираж второго тома этой книги, озаглавленной «Несчастные» (первый том, очевидно, не был напечатан). Судить об этом издании мы можем лишь на основании единственного уцелевшего экземпляра, хранящегося в Публичной библиотеке. Полное издание романа Гюго под названием «Отверженные» увидело свет лишь в 1882 году после смерти Александра II.

В собрании «вольной русской печати» хранится безобидный на первый взгляд «Общедоступный календарь на 1879 год С. С. Шашкова». Почему эта книга была уничтожена и сохранилась лишь в двух экземплярах, один из которых испещрен красным карандашом цензора? Ответ на этот вопрос содержится в постановлении царского Комитета министров от 19 декабря 1878 года, запретившем издание календаря за «представление настоящего положения России в самом тяжком и безотрадном виде» [29].

В самом деле, автор помещенного в календаре «Провинциального фельетона» нарисовал убийственную по своей духовной нищете картину жизни русских провинциальных городов. В Новгороде, например, по его словам, нет библиотек, книжных магазинов, типография печатает только ярлыки на бутылки, но зато много увесе-

лительных заведений. Во Владимире «умственной жизни никакой: сплетни, трепаки, хапанье, цапанье, пьянство до положения риз, до чертиков и сон во всю носовую завертку».

В разделе «Смесь» приводятся цифры продолжительности жизни русских писателей: Пушкин погиб 37 лет, Грибоедов — 32, Лермонтов — 27, Полежаев — 28, Добролюбов — 25, Белинский — 38, Гоголь — 44, Бестужев-Марлинский — 42, Писарев — 28, Помяловский — 28, Кольцов — 43 и т. д.

Главное место в собрании «вольной русской печати» занимает, естественно, литература, изданная в целях революционной пропаганды на всех этапах русского освободительного движения.

Полностью сохранены издания, выпущенные Герценом в Вольной русской типографии в Лондоне. Герцен задумал, по его словам, говорить устами «Руси мучеников, Руси рудников, Сибири и казематов, Руси Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева»[30]. О верности традициям декабристов свидетельствовал сам облик герценовского журнала «Полярная звезда», на обложке которого были изображены профили пяти казненных декабристов. Эпиграф первой русской бесцензурной газеты «Колокол» — «Vivos voco!» («Зову живых!») можно отнести ко всем изданиям Герцена. Они проникали во все уголки читающей России, звали к борьбе с крепостничеством, разоблачали действия правительства, призывали к созданию революционной партии в России. Издания Герцена читали десятки тысяч людей в России. Они передавались из рук в руки, их переписывали, пересказывали. По словам В. Ф. Одоевского, их читали даже те, кто «вообще ничего не читал». Ленин высоко оценил роль Герцена-издателя, который «первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (т. 21, с. 262).

Во второй половине XIX века число революционных изданий значительно возросло, и эта часть собрания «вольной русской печати» особенно богата интересными экземплярами. Рядом с многочисленными брошюрами и прокламациями народников («Земля и воля», «Народная воля») в Публичной библиотеке хранится экземпляр «Собрания сочинений» Ж.-П. Марата, изданного в 1871 году в Петербурге. В нем нет обложки, титульного листа, предисловия к русскому изданию. Фактически это

только половина книги, обрывающаяся на 224-й странице. Но даже в таком виде она представляет большую ценность, ибо в других крупных книгохранилищах ее нет. Книга была уничтожена постановлением Комитета министров от 12 сентября 1872 года за «полнейшее осуждение монархической власти и всех государственных учреждений, на коих зиждятся не только монархии, но и благоустроенные республики»[31].

Уникальными являются также гектографированные с машинописного текста воззвания Общества помощи политическим ссыльным и заключенным, выпущенные в 1896 году в Петербурге. Они примечательны тем, что в них приведены данные о заключенных в Шлиссельбургской крепости и петербургских тюрьмах. Так, в списке Дома предварительного заключения под № 15 указана Крупская, а под № 40 — «Ульянов, п. пр. пов.» (помощник присяжного поверенного).

Особенно полно в Публичной библиотеке представлены издания группы «Освобождение труда» (1883), с деятельностью которой связан один из первых этапов распространения марксистской литературы в России, переводы Сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, работы Г. В. Плеханова и др. Объясняется это тем, что в Публичной библиотеке хранится личная библиотека создателя группы «Освобождение труда», выдающегося деятеля русского и международного рабочего движения Георгия Валентиновича Плеханова.

Много редких прижизненных публикаций Сочинений основоположников марксизма поступило в Публичную библиотеку из собрания Николая Францевича Даниельсона. На экземпляре французского перевода первого тома «Капитала», присланного автором Даниельсону, находятся важные пометы, исправления текста, сделанные рукою Маркса. Они содержат указания, которым должен был следовать Даниельсон при подготовке второго издания перевода «Капитала» на русский язык. В настоящее время эта книга, как и многие другие прижизненные издания Сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, имеющие особую историческую ценность, переданы Публичной библиотекой в Институт марксизма-ленинизма.

Впрочем, оставшаяся в библиотеке часть этого фонда почти полностью отражает первые и прижизненные издания основных работ основоположников марксизма-ленинизма и содержит много редких и ценных изданий, ко-

торые Библиотека бережно хранит. В числе их можно назвать, например, первое издание совместной работы Маркса и Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики», вышедшее в 1845 году во Франкфурте-на-Майне; крайне редкое второе издание работы Маркса «Разоблачения о Кельнском процессе коммунистов», вышедшее на немецком языке в Бостоне в 1853 году тиражом около 500 экземпляров. Лишь немногие библиотеки мира располагают этими редчайшими экземплярами.

Особую гордость Публичной библиотеки составляет собрание первых и прижизненных изданий произведений основателя и вождя Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленина. В царское время ленинское слово должно было прорываться к народу вопреки цензурным и полицейским преследованиям. И тем не менее многие книги сохранились до наших дней.

Прижизненные издания произведений Ленина представляют особый интерес, так как во многих случаях Ленин сам принимал участие в их подготовке к печати, и такие авторизованные издания часто являются первоисточниками при подготовке к печати современных изданий. Известно, например, что многие статьи Ленина, напечатанные в газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий», являются единственными источниками текста, так как подлинных рукописей не сохранилось. По той же причине в Полном собрании сочинений произведение «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» напечатано по тексту гектографированного издания.

Первое же легальное выступление Ленина в печати подверглось цензурной экзекуции. Это был сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (Спб., 1895). В сборнике была опубликована под псевдонимом К. Тулин статья Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Цензура наложила арест на сборник, особо отметив при этом статью Ленина как «наиболее откровенную и полную программу марксистов». Тираж был почти полностью уничтожен. Главное управление по делам печати направило два экземпляра сборника с цензорскими пометами в секретный отдел Публичной библиотеки. В настоящее время в Библиотеке хранится пять экземпляров сборника.

Книгоиздательство „НОВАЯ ВОЛНА".

Н. ЛЕНИНЪ.

РОСПУСКЪ ДУМЫ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРІАТА

ЦѢНА 4 КОП.

МОСКВА

1906

Титульный лист ленинской брошюры

Когда берешь в руки экземпляры брошюры Ленина «К деревенской бедноте», изданной в начале века, на одном из которых — печать ЦК РСДРП, а на другом — обозначение принадлежности бывшей библиотеке Санкт-Петербургского охранного отделения, то начинаешь физически ощущать всю сложность эпохи, разделившей мир на два враждебных лагеря, и роль книги Ленина в этой борьбе.

Особенно полно представлены произведения В. И. Ленина, изданные во время первой русской революции и подвергшиеся в годы реакции жесточайшим репрессиям. Правда, к этому времени многие ленинские книги были уже фактически недосягаемы: они успели разойтись по России.

Для усыпления бдительности блюстителей печати даже в годы революции некоторые книги Ленина выходили полулегально — с указанием вымышленного издательства, с измененным местом издания и с фиктивными цензорскими разрешениями. Например, на титульном листе книги Ленина «Роспуск Думы и задачи пролетариата» указана несуществующая московская фирма «Новая волна». В действительности же книга была выпущена петербургским большевистским издательством «Вперед».

Ограниченные тиражи, цензурные и полицейские преследования привели к тому, что многие дореволюционные произведения Ленина стали библиографической редкостью. К сожалению, 10 названий отсутствует и в фондах Публичной библиотеки. Большую работу проводит Библиотека, разыскивая недостающие книги, но до сих пор в наших фондах нет таких изданий петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», как, например, «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах»; гектографированного издания «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894). Первый и третий выпуск этого редчайшего издания Публичная библиотека подарила в свое время Библиотеке Института марксизма-ленинизма, и только там они и сохранились. А 2-й выпуск до сих пор нигде не обнаружен. Нет у нас «Доклада 5-му Съезду РСДРП по поводу петербургского раскола и связанного с ним учреждения партийного суда» (М., 1907), который был напечатан не в Москве, как указано на титульном листе, а в Выборге

с надписью: «Только для членов партийного съезда РСДРП», «Извещения о III Съезде Российской социал-демократической рабочей партии» (М., 1905), «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» (1909) и др.

После Великой Октябрьской социалистической революции труды основоположников марксизма-ленинизма стали широко доступны народам нашей страны и получили огромное распространение во всем мире. Это наглядно отразилось и на составе фондов Публичной библиотеки: если в коллекции «вольной русской печати» количество экземпляров марксистско-ленинских изданий исчислялось лишь десятками, то в настоящее время на полках Публичной библиотеки находится около 37 000 экземпляров произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, изданных на ста восемнадцати языках народов Советского Союза и народов зарубежных стран.

Произведения В. И. Ленина по числу переводов на иностранные языки не знают себе равных. Книги его издавались за последние 65 лет 14 700 раз тиражом свыше 560 700 000 экземпляров на 118 языках народов СССР и зарубежных стран[32].

Для всего прогрессивного человечества ленинские книги — грозное и сильное оружие в преобразовании мира. «Написанное Лениным — не архив, а арсенал, — говорит английский журналист Айвор Монтегю. — Когда наступает час битвы, мы листаем страницы его книг точно так, как перед атакой набиваем патронами пулеметные ленты»[33]. И эти слова нашего английского современника перекликаются со словами Маяковского, вынесенными в эпиграф данной главы.

ОТСВЕТ ПЛАМЕНИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

**Посмотрите на Парижскую Коммуну.
Это была диктатура пролетариата.**

Ф. Энгельс

В дни Парижской Коммуны вновь вспомнили календарь, введенный во времена Французской революции. 9 флореаля 79 года (а по обычному летоисчислению 30 апреля 1871) очередной номер газеты, носившей имя любимого героя якобинцев «папаши Дюшена», открылся словами: «Каждое утро и каждый вечер, когда Пер-Дюшен открывает ящик, который прибит к стене его типографа Сорне для того, чтобы патриоты могли класть туда свои сообщения, он находит такую большую пачку писем, что в ней трудно разобраться, и это доставляет ему большую радость — черт возьми!

Он видит, что патриоты читают его газеты, и может судить о том, что ведет правильную политику, поскольку хорошие граждане осведомляют его сами обо всем, что происходит, и о том, что следует сделать в интересах народа»[34].

Интересы народа, интересы трудящихся, интересы пролетариата — впервые в истории человечества они стали определять деяния правительства, созданного победившей революцией. И хотя правительство это существовало всего 72 дня — с 18 марта по 28 мая 1871 года, оно оставило неизгладимый след в памяти поколений.

Острота борьбы, накал политических страстей в тогдашнем Париже запечатлены на страницах изданий, вышедших в свет в те дни и недели. Город был окружен, у его восточных стен стояли прусские войска, к его западным фортам рвались контрреволюционные отряды версальцев, но не останавливались станки парижских типографий, печатавших газеты и листовки, плакаты и афиши Коммуны, ее друзей, — а порою и ее врагов. Печать была одним из главных видов оружия Коммуны, и

недаром Карл Маркс, описывая тогдашние события, счел нужным упомянуть, что «тысячи полицейских комиссаров, рассеянных в окрестностях Парижа, получили от префекта полиции <...> приказ отбирать все газеты любого направления, которые печатаются в восставшем городе, и сжигать их публично, как в лучшие времена святой инквизиции»[35].

Множество изданий Коммуны погибло на этих кострах, а уцелевшие стали очень редкими, а то и уникальными. Немало таких редких изданий хранится в собрании Печати Парижской коммуны, находящемся в Публичной библиотеке. Большая часть их была доставлена в Петербург через год после кровавой расправы над коммунарами, и главную роль в их приобретении сыграл русский революционер, оказавшийся в то время в Париже, свидетель и участник Коммуны — Петр Лаврович Лавров. Ему стало известно, что молодой французский ученый Эжен Мюнц, участвовавший в издании одной из республиканских газет, усердно собирал и хранил все, что печаталось в Париже весной 1871 года. Понимая историческую ценность этих изданий, Лавров через общих знакомых уведомил Стасова о возможности покупки собрания Мюнца, пока оно еще не перехвачено другими библиотеками.

Сведения, поступившие от Лаврова, заинтересовали Стасова, пристально следившего за событиями в Париже. По словам его внучки, Стасов «с энтузиазмом говорил о великих идеях, руководивших вождями Коммуны, о героизме французского народа»[35а]. И уже летом 1872 года Лавров сообщил своим петербургским корреспондентам, что, благодаря посредничеству Стасова Публичная библиотека «покупает у моего приятеля его коллекцию журналов и карикатур Коммуны, коллекцию весьма примечательную»[36]. Ящики, отправленные из Парижа, прибыли в Петербург, миновав царскую таможню, не посмевшую задержать почту Императорской публичной библиотеки. В очередном годовом отчете Стасов упомянул о том, что вновь основанное собрание парижских изданий 1871 года «превосходит своею полнотою все остальные, существующие в настоящее время в значительнейших европейских библиотеках»[37]. В последующие десятилетия в коллекцию «Печать Парижской коммуны» влились дополнительные материалы, и ценность ее еще более возросла.

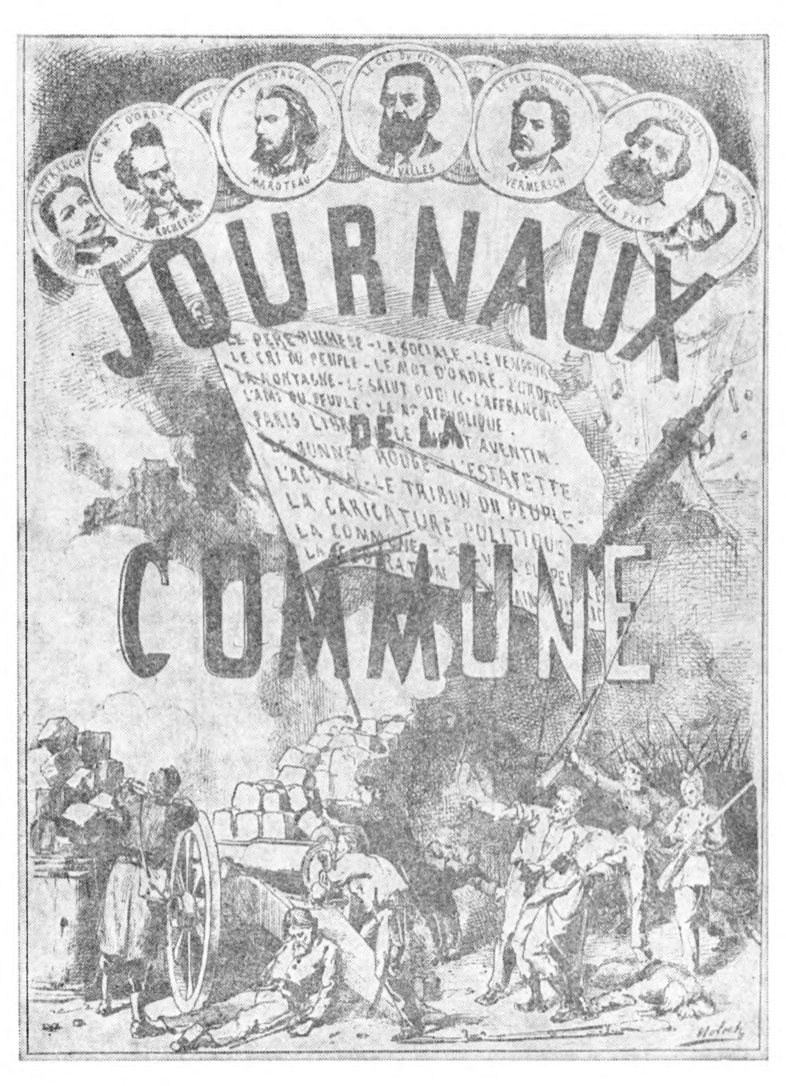
...Может быть, некоторые из этих больших бумажных листов висели некогда на стенах парижской ратуши или на каменных заборах Бельвилля и Монмартра. Афиши с декретами Коммуны расклеивались по всему Парижу и, перебирая их, нетрудно представить себе толпу горожан, обсуждающих новые постановления о поддержании революционного порядка или об улучшении жизни рабочих. По-разному относились к решениям Коммуны пролетарии и буржуа, и это наглядно изображено на одном из плакатов, хранящихся в нашем собрании. Художник нарисовал рабочего с киркой, радующегося восходящему солнцу Коммуны, и буржуа, трусливо бегущего в тень. Подпись к плакату — краткий диалог:

Собственник: «Дело дрянь!»
Пролетарий: «Дела идут как надо!»

Коммуна сражалась — и большинство плакатов посвящено происходящим битвам: вот статная женщина, олицетворяющая Коммуну, отгоняет алебардой от ворот Парижа рой мух, которым приданы черты ненавистных версальцев; а вот малютка-амур с ружьем наперевес и с патронташем между трогательными крылышками летит в бой, подавая пример коммунарам.

Почетное место в рядах борцов с врагами Коммуны принадлежало революционной прессе. Символичен в этом отношении плакат, названный «Газеты Коммуны»: на знамени, развевающемся над баррикадой, перечислены названия двадцати двух революционных и демократических газет и нарисованы портреты их редакторов. Все эти двадцать две газеты, а также десятки других газет и журналов времен Коммуны есть в коллекции Публичной библиотеки. Среди них — «Глас народа», издававшийся писателем Жюлем Валлесом, «Политическая и социальная революция» — орган парижских секций Интернационала, «Призыв», основанный Виктором Гюго, «Друг народа» Огюста Вермореля, «Мститель» Феликса Пиа и уже упомянутый «Папаша Дюшен», отличавшийся грубоватым, простонародным стилем и пользовавшийся популярностью среди трудящихся Парижа.

«Патриоты знают, что Пер-Дюшен имеет недремлющее око, когда дело касается интересов народа», — говорилось в одной из статей, и это было истинной правдой. Недаром бойцы одного из добровольческих баталь-

Плакат «Газеты Коммуны»

онов, сражавшихся с версальцами, называли себя «дети Пер-Дюшена».

Революционным запалом, классовой зрелостью отличались многие из этих изданий. Номера газеты «Рабочий будущего», выпускавшейся объединением профессиональных союзов, открывались эпиграфом: «Равенство — Свобода — Труд — Братство — Ассоциация — Федерация. Что такое трудящиеся? Ничто. — Чем они должны стать? Всем. — Социализм — это религия будущего».

И чем больше знакомишься с коллекцией Публичной библиотеки, тем понятнее становится призыв председателя одного из тогдашних парижских клубов: «Пусть издаются газеты Коммуны, которые поднимают дух у тех, кто мог бы ослабеть!»

А ослабевать было нельзя — враги атаковали Коммуну со всех сторон. Она отбивалась от них, как могла, мобилизуя и силу гнева, и силу смеха. Вспоминая об этом, один из недоброжелателей Коммуны вынужден был впоследствии признать: «В это время стены разразились смехом. Париж-шпаненок, Париж-оборванец <...> корчился от хохота перед карикатурами, которые предприимчивые торговцы прикрепляли булавками в витринах своих лавок или на дверях домов»[38].

Разносчики сатирических картинок мгновенно распродавали свой товар — сантимы так и сыпались в холщовые сумки. Ведь каждому рабочему, подмастерью и прачке хотелось посмеяться над карликом Тьером, готовым лопнуть от бессильной злости, и над его генералами, изображенными в виде ослов, зайцев, собак, марионеток или нашкодивших мальчишек. Охотно раскупали и листок с изображением священника, строящего козни против Коммуны, и с текстом песенки, в которой рекомендовалось женить всех попов и аббатов, дабы они занялись своими делами и перестали отравлять жизнь тружеников.

Около 800 карикатур на отдельных листах, в альбомах или в виде серий с порядковой нумерацией картинок хранится в коллекции Публичной библиотеки. И на многих из них изображена метла — символ революционного порядка, выметающего из Парижа всю нечисть.

Но не следует думать, что Коммуна была занята лишь военными делами. Главной ее заботой и главной заслугой были начатые с первых дней политические и

социальные преобразования. По словам Маркса, «трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдавшись строительству нового общества!»[39].

Во многих листовках и брошюрах нашей коллекции выдвигаются проекты реформ, призванных улучшить условия труда и жизни рабочих, и одобряются уже проведенные меры. Очень интересны обращения к крестьянам и жителям всех департаментов Франции с призывом поддержать Коммуну в ее борьбе за права народа: воззвания эти были напечатаны на тончайших листах бумаги и предназначались для отправки на воздушных шарах за пределы осажденного Парижа.

Многое было сделано, но еще больше мечтали сделать вожди Коммуны и ее бойцы. Поэтому таким успехом пользовались у них возникшие в те дни революционные песни, призывавшие к всеобщей борьбе против мирового деспотизма. В нашей коллекции хранится листовка с песней «Братство», воспевающей международную солидарность трудящихся:

Союз прогресса и свободы
Мы учредим на всей земле,
Чтоб жили в братстве все народы,
А не в продажности и зле.

Ритм этих строк, содержание песни предвосхищает мотивы «Интернационала», который будет создан Эженом Потье несколько недель спустя.

Мы перебираем подшивки газет, альбомы и папки с плакатами и листовками, и вся история Коммуны проходит перед нами, начиная с того счастливого мартовского дня, когда народ Парижа взял власть в свои руки, и до кровавых майских дней, когда очередные номера «Папаши Дюшена» выходили с траурными рамками и извещали о гибели защитников Коммуны и о зверствах ее врагов. 2750 изданий, составляющих коллекцию «Печать Парижской коммуны», помогают сохранить память о героических коммунарах, подвиги которых остались жить в веках. Слова Маркса о том, что «Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества»[40], оказались поистине пророческими.

В СОЮЗЕ «ЗВУКОВ, ЧУВСТВ И ДУМ...»

Нет более просветляющего, очищающего душу чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Перебирая старые приказы по Императорской публичной библиотеке и «Правила пользования ею для господ читателей», обнаруживаешь странные и удивительные распоряжения. Оказывается, полтораста лет назад дирекция Библиотеки велела «отделить все романы, сказки, повести и прочие книги тому подобные» и не выдавать их, поскольку «охотники сего рода чтения могут подобными книгами заниматься в частных читальных библиотеках». Высокомерием аристократической касты веет от этих слов.

Для нынешних читателей Публичной библиотеки русская и мировая художественная литература предстает во всей своей полноте, во всем своем богатстве. Собранные воедино, создания классиков позволяют проникнуть в глубины их творчества, восстановить историю издания произведений, постичь значение этих книг для породившей их эпохи и для нашего времени.

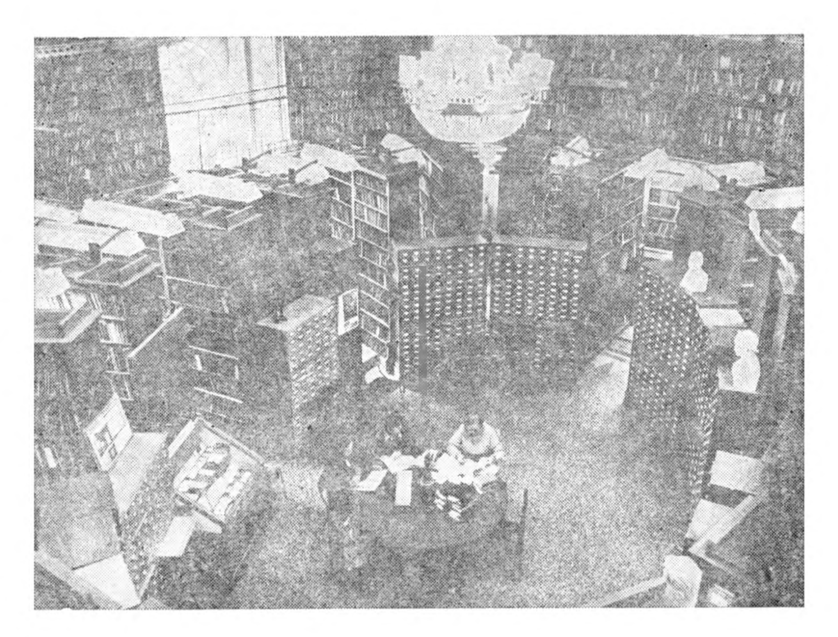
Первые издания книг русских писателей встречаются и в самом деле очень редко — лишь в немногих книгохранилищах и в частных коллекциях книголюбов. А между тем именно эти издания порою представляют особый интерес для истории литературы. Так, например, сохранилось лишь несколько экземпляров первого издания книги первого русского писателя-революционера А. Н. Радищева — «Путешествие из Петербурга в Москву». Известно, что ее автор был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой на 10 лет в Сибирь, а его книга предана сожжению. В Публичной библиотеке остался один экземпляр этой книги. В свое время в Публичную библиотеку из Тайной канцелярии поступил экземпляр книги Радищева с автографом Пушкина. Этот экземп-

ляр передан в библиотеку Пушкинского Дома, где хранится все рукописное наследие поэта.

Каждая эпоха открывает новые аспекты в произведениях писателей и поэтов, и каждый читатель открывает их для себя заново. С детских лет входит в нашу жизнь Иван Андреевич Крылов своими непревзойденными басенными образами. А его афоризмы, крылатые словечки, строчки, ставшие пословицами, сопровождают нас всю жизнь. Не было, нет и не будет такого грамотного человека в нашей стране, который бы не знал великого русского баснописца. Крылов менее известен как драматург, прозаик и лирик. И уж совсем мало кто знает, что он был представителем скромной профессии — библиотекарем.

Мы уже говорили о том, что жизнь Ивана Андреевича Крылова тесно связана с Публичной библиотекой, в Русском отделении которой он проработал 29 лет. Мемуаристы любили рассказывать о Крылове-библиотекаре, как о нерадивом чиновнике и ленивце, приходившем на службу, чтобы полежать на диване с книжечкой либо просто подремать. Но история — наука точная, и факты опровергают эти легенды. Документы свидетельствуют о том, что именно Крылов способствовал быстрому приумножению числа русских книг в первые годы существования Публичной библиотеки. Немалый труд вложен им и в то, чтобы сделать эти книги доступными читателю: нужно было их описать, создать каталоги, упорядочить выдачу книг.

Ни в одном книгохранилище мира нет такого полного собрания изданий призведений Крылова, как в Публичной библиотеке: от книжек-лилипутов до огромного фолианта, от редких журналов XVIII века до современных книг, изданных миллионными тиражами. Здесь — редчайшее первое издание басен Крылова 1809 года. На заглавном листе карандашом сделана надпись: «Нет. Нет в продаже, нет в Академии и трудно где-либо отыскать». Тираж ее невелик — 1200 экземпляров. В 1811 году вышло 2-е издание книги, а также «Новые басни». Обе книги также редки. Первое иллюстрированное издание басен 1815 года напечатано в трех видах: на веленевой бумаге; на простой со множеством гравюр; и без гравюр с одной заглавной виньеткой. Это издание считается одним из лучших иллюстрированных изданий первой четверти XIX столетия.

Круглый зал Русского фонда Библиотеки

Шедевром русского полиграфического искусства можно назвать и иллюстрированное издание басен 1825 года в семи книгах. Все иллюстрации — на отдельных листах с монограммой А. О. (А. Оленина), которая принадлежит тогдашнему директору Публичной библиотеки. В этом издании сам Крылов впервые отметил басни, переведенные им с французского.

В Библиотеке сохранилось три экземпляра одного из превосходных русских иллюстрированных изданий «Басен» Крылова, выпущенного А. Ф. Смирдиным в 1834 году с гравюрами А. П. Сапожникова. Один экземпляр — редчайший, с раскрашенными от руки рисунками. Всего было напечатано 2000 экземпляров.

В 1817 году вышла книжечка с тремя баснями Крылова: «Кукушка и горлинка», «Сочинитель и разбойник», «Похороны». Басни эти были прочитаны на ежегодном торжественном собрании в январе 1817 года в честь открытия Библиотеки. Книга выпущена «с дозволения главного начальства Императорской публичной библиотеки». Часть тиража отпечатана на особой бумаге с портретом баснописца, рисованным О. Кипренским.

Сохранился экземпляр сборника басен, изданного в 1819 году, между страницами которого проложены листы бумаги с многочисленными исправлениями автора.

Каждую свою книгу Крылов тщательно готовил к печати. Его рукописи, бережно хранящиеся в Публичной библиотеке, позволяют видеть, как оттачивал он каждое свое слово. Последнее прижизненное издание басен в девяти книгах было напечатано в 1843 году. По завещанию Крылова часть тиража этой книги была предназначена для раздачи на его похоронах знакомым и незнакомым людям. На обложке в траурной рамке было напечатано: «Приношение. На память об Иване Андреевиче. По его желанию. Басни И. А. Крылова. Спб., 1844. 9-го ноября 3/4 8-го, утром». Пожалуй, это единственный случай в истории мировой литературы, когда на книге было обозначено точное время смерти ее автора.

Первое научное комментированное четырехтомное собрание сочинений Крылова издано «Просвещением» (1904—1905) к шестидесятилетию со дня смерти писателя под редакцией видного историка литературы В. В. Каллаша. В издании собраны пьесы, проза, басни, письма. Здесь впервые публикуются письма Крылова. Достоинством издания являются вступительные историко-литературные статьи к каждому разделу, обширный реальный комментарий к басням и биографический очерк. Это издание — лучшее из дореволюционных собраний сочинений Крылова.

Самым значительным советским изданием Крылова является Полное собрание сочинений в трех томах, выпущенное по постановлению СНК СССР Гослитиздатом (1945—1946) в связи со столетием со дня смерти Крылова под редакцией Д. Бедного. В третьем томе впервые опубликованы десять писем и ряд деловых бумаг, характеризующих службу Крылова в Публичной библиотеке.

О шедевре типографского искусства — миниатюрной книжечке Крылова, которая меньше почтовой марки и которую набирали в особых увеличительных очках, — мы расскажем в очерке «Книги-малютки». Отметим только, что в 1975 году в «Неделе» (№ 33) была опубликована статья Л. Володина «Что коллекционируют в Париже». В ней приведен разговор с французским журналистом, активным участником Сопротивления Сириллом Нейбуром, в книжном собрании которого есть и ми-

Приношеніе.

На память объ Иванѣ Андреевичѣ.

По его желанію.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

Санктпетербургъ.

1844.

9-го Ноября.

$^3/_4$ 8-го, утромъ.

Последнее прижизненное издание басен И. А. Крылова

ниатюрное издание басен Крылова. Но коллекционер ошибочно полагал, что книга эта есть только в Ленинской библиотеке, в Вашингтоне и в Париже, и не знал, что в Публичной библиотеке есть целых три экземпляра этого издания.

Неполным и изуродованным цензурой дошло литературное наследие великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Первое собрание его сочинений начало выходить незадолго до его смерти. При жизни вышел лишь первый том, остальные восемь напечатаны посмертно (1889—1890). Издание это в известной мере авторизовано: Щедрин подготовил план и сгруппировал произведения в циклы. Это было собранием только художественных произведений, но и многие из художественных произведений по цензурным соображениям не попали в собрание. «Чего со мной ни делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я — вредный, вредный, вредный», — писал Щедрин[41].

Большим научным событием явилось Полное собрание сочинений в двадцати томах (М.; Л.: Гослитиздат, 1933—1941). Здесь впервые дан критически проверенный текст, устраняющий цензурные искажения, опубликованы ранее не печатавшиеся художественные произведения, литературно-критические, публицистические статьи, письма, приведен ряд статей исследователей творчества Салтыкова-Щедрина.

Книги всегда так или иначе содержат в себе отблеск писательской судьбы. Ни одной своей книги в печати не увидел поэт Д. В. Веневитинов, та же участь постигла и Н. А. Добролюбова. А. С. Грибоедову не пришлось увидеть напечатанным «Горе от ума». Всего по одной прижизненной книге своих стихотворений имели А. В. Кольцов, А. А. Дельвиг, Д. В. Давыдов. Немногим больше было прижизненных книг у М. Ю. Лермонтова: два издания повести «Герой нашего времени» и одна книга стихов.

Читатель может познакомиться в нашей Библиотеке с редчайшими изданиями, сохранившимися в единичных экземплярах, среди них «Ганц Кюхельгартен» — первая книга Н. В. Гоголя, изданная под псевдонимом В. Алов в 1829 году. Неудовлетворенный автор скупил и сжег весь тираж своей первой книги. Аналогична судьба первых книг Н. А. Некрасова «Мечты и звуки»

(1840) и И. И. Лажечникова «Первые опыты в прозе и стихах» (1817).

Сопоставление количества прижизненных изданий с огромными массами последующих изданий сочинений классиков наглядно показывает растущий интерес к этим книгам, навсегда занявшим место в истории мировой литературы. Фонды Публичной библиотеки представляют благоприятную возможность для таких сопоставлений.

К столетию со дня смерти А. С. Пушкина в Библиотеке была создана Пушкинская коллекция. В ней собраны все издания поэта на русском языке, независимо от места и времени их выхода в свет. Сейчас в коллекции около 6000 экземпляров.

Подавляющее большинство прижизненных книг Пушкина было издано в Петербурге. Из них в Библиотеке отсутствуют только две, и обе — вторые издания: 1-я глава «Евгения Онегина» (Спб., 1829) и 2-я глава «Евгения Онегина» (Спб., 1830). В Библиотеке нет также двух частей книги «Романы и повести» (Спб., 1837), сожженных Опекой, учрежденной над имуществом Пушкина и напечатавшей в то время Полное собрание сочинений поэта в одиннадцати томах.

В издании произведений Пушкина принимали участие его друзья, состоявшие на службе в Публичной библиотеке. Так, первая его книга — «Руслан и Людмила», вышедшая в свет в 1820 году, была украшена виньеткой, «рисованной» директором библиотеки Олениным, а изданием второй своей книги поэт был обязан сотруднику библиотеки — Гнедичу. Упоминание об этом мы находим в газете «Русский инвалид», поместившей 2 сентября 1822 года объявление о том, что «Кавказский пленник. Повесть в стихах, соч. А. Пушкина. Спб., 1822, продается на Невском проспекте, в доме, принадлежащем Императорской Публичной библиотеке, в квартире Н. И. Гнедича». Основным издателем прижизненных книг Пушкина был добрый его знакомый П. А. Плетнев, будущий ректор Петербургского университета, а в то время — учитель словесности.

К счастью, ошибался известный книголюб, автор таких интереснейших книг, как «Рассказы о книгах» (М., 1959/1977) и «Рассказы о прижизненных изданиях А. С. Пушкина» (М., 1962), Н. П. Смирнов-Сокольский, который утверждал, что сохранились только два экзем-

пляра книги «Стихотворений А. С. Пушкина (Из Северных цветов 1832)» (Спб., 1832) — в Библиотеке Ленинградского университета и в Библиотеке Пушкинского Дома. Публичная библиотека обладает экземпляром этой редчайшей книги. В состав книги входили «Моцарт и Сальери», «Анфологические эпиграммы», «Дорожные жалобы», «Эхо», «Делибаш», «Анчар, древо яда», «Бесы».

Публичная библиотека внимательно следила за поступлением книг Пушкина, прибегая и к помощи автора. Сохранилось письмо дирекции Библиотеки к Пушкину от 22 марта 1835 года, в котором «на основании дарованного ей права и устава о цензуре» содержится просьба прислать по одному экземпляру «Евгения Онегина», «Полтавы», «Истории Пугачевского бунта», и «впредь, какие будут издаваться сочинения, доставлять»[42].

Исследователи-пушкинисты, приезжающие в Ленинград со всех концов нашей страны и из всех стран мира, особенно часто обращаются к Собранию сочинений Пушкина, подготовленному С. А. Венгеровым (1907—1915). Оно интересно тем, что содержит статьи и комментарии крупнейших пушкиноведов и писателей — Б. Л. Модзалевского, П. Е. Щеголева, В. Я. Брюсова, А. А. Блока и др.

Издание прекрасно оформлено и иллюстрировано такими известнейшими художниками, как В. М. Васнецов, И. Е. Репин, К. Е. Маковский, Н. Ге, А. Н. Бенуа и др.

Первое советское издание Собрания сочинений Пушкина вышло в 1919 году под редакцией В. Я. Брюсова (издана только первая часть первого тома). Для нас оно примечательно еще и тем, что готовилось на материалах Публичной библиотеки.

К столетию со дня смерти поэта Публичная библиотека получила из Парижа в подарок от Сергея Лифаря 4 изданных им книги: «Евгений Онегин», «Путешествие в Арзрум», «Египетские ночи», «Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой». Книги эти изданы очень небольшими тиражами: от 50 до 500 экземпляров. Все экземпляры нумерованы. Обложка «Евгения Онегина» точно воспроизводит обложку первого издания.

Из малотиражных изданий следует также отметить повесть «Пиковая дама» с иллюстрациями Алексея Юпатова, изданную в Риге в 1969 году тиражом 25 экземп-

ляров. Наш экземпляр — с дарственным автографом художника.

Фонды Пушкинской коллекции все время пополняются и все же, несмотря на тщательность ее комплектования, она, к сожалению, не представляет собой полного репертуара изданий Пушкина. Публичная библиотека разыскивает 256 пушкинских изданий. Подавляющее большинство их относится к концу XIX века, после 1887 г. В этот год — год 50-летия со дня смерти поэта — истек срок авторского права, и издание книг перестало быть собственностью родственников. Пушкина стали издавать не только в столичных городах, но и в провинции, печатали разные издатели, забывая прислать два обязательных экземпляра в Публичную библиотеку, а Библиотека, в свою очередь, не успевала следить за всеми выходившими изданиями.

Интересно сопоставить коллекцию изданий крупнейшего русского поэта прошлого века с собранием изданий самого знаменитого поэта нашего времени — В. В. Маяковского.

До революции вышло всего пять изданий Маяковского: «Я!», «Владимир Маяковский (Трагедия в 2-х действиях с прологом и эпилогом)», «Облако в штанах. Тетраптих», «Флейта-позвоночник» и «Простое как мычание». Тиражи этих изданий мизерны: первая книга — «Я!» — отпечатана литографским способом в количестве 300 экземпляров. Ввел в большую литературу Маяковского Горький, выпустив в своем петроградском издательстве «Парус» в 1916 году первую «толстую» книгу поэта, «Простое как мычание», небывалым для Маяковского тиражом — 2000 экземпляров. Горький принял самое активное участие в составлении книги Маяковского: по его советам поэт многие стихи исключил, заменив их другими. Издание сборника было встречено критикой недоброжелательно. Но Горький, один из первых увидевший в молодом Маяковском крупного поэта, вопреки суждениям рецензентов издает и другую книгу Маяковского — «Война и мир» — страстное обличение империалистической войны. Это была первая книга Маяковского, изданная после Великой Октябрьской социалистической революции.

В годы гражданской войны вышло около 10 книг поэта. Все его творчество было поставлено на службу революции. Написанная к первой годовщине Октября,

пьеса «Мистерия-буфф», по словам А. В. Луначарского, носила на себе печать революции, «задорную, дерзкую, мажорную, вызывающую» [42а].

Много Маяковский трудился в жанре агитпоэзии, вызванном к жизни революцией и гражданской войной. Предтечей «Окон РОСТА», о которых еще пойдет речь, можно считать папку-альбом «Герои и жертвы революции», выпущенную к первой годовщине Октябрьской революции Отделом изобразительных искусств Наркомпроса. Все 18 подписей к рисункам написаны Маяковским.

Издания Маяковского первых лет Советской власти носят заметные следы тяжелого времени гражданской войны и послевоенной разрухи: плохая бумага, разбитый шрифт, тусклые краски. Но какой агитационный заряд несла каждая такая книжка! В руках у нас довольно редкое издание стихотворения «Всем Титам и Власам», выпущенное в Краснодаре в 1921 году. Стихотворение было написано в связи с неурожаем на значительной части территории РСФСР и служило материалом для продовольственной агиткампании среди крестьян.

Маяковский сам принимал участие в оформлении своих книг, а немало книг оформлено его друзьями. В наших фондах хранится, например, нью-йоркское издание 1925 года «Солнце в гостях у Маяковского. Украшения Давида Бурлюка».

Первым «собранием сочинений» Маяковского стала книга «Все сочиненное Владимиром Маяковским. 1909—1919», изданная в Петрограде в 1919 году. Вторым — двухтомник «13 лет работы» (М., 1922).

С 1938 года, когда творческое наследие Маяковского было признано государственным достоянием, начинается активное издание различных сборников поэта. За два года было выпущено такое же количество экземпляров, как за все предыдущие 25 лет! И сейчас книги Маяковского шагают рядом с нами, помогают нам жить и работать.

Идейное и художественное богатство русских и советских классиков поистине неисчерпаемо. Пытливый ум всегда будет обращаться к их книгам, увековечившим глубину человеческой мысли, тонкие оттенки человеческих переживаний и побуждающим нас размышлять о цели и смысле жизни, о правде и красоте.

ГАЛЕРЕЯ МИРОВОГО ИСКУССТВА

Искусство есть один из двух органов прогресса человечества. Через слово человек общается мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не только настоящего, но и прошлого и будущего.

Л. Н. Толстой

Волшебный мир гравюр, литографий, лубков, плакатов, афиш, экслибрисов, этикеток, фотографий, репродукций находится в специальном фонде Публичной библиотеки — в Отделе эстампов. Они представлены отдельными листами и в альбомах. Их тут более миллиона — изобразительных материалов, издаваемых в нашей стране и за рубежом. Знакомясь с этими коллекциями, можно мысленно побывать во всех музеях мира, познакомиться с искусством всех времен и народов. Среди посетителей — театральные работники, работники кино- и телестудий, издательств, художники, искусствоведы, студенты, любители искусства и все те, кому по роду их деятельности нужны изобразительные материалы.

Значительную часть изобразительных материалов составляют эстампы (estampe — фр.), то есть отпечатки с деревянных или металлических (чаще медных) досок. Произведения, созданные таким способом, называются эстампами. Эстампы выполняются в различной технике — резцом или травлением доски. Позднее, в XIX веке, к этому присоединился рисунок литографским карандашом по камню. С середины XIX века распространился фотомеханический способ репродуцирования картин, рисунков.

Как и всякое искусство, эстампы отражают эпоху. Видовые гравюры с изображением древних, давно исчезнувших городов, перестроенных зданий представляют интерес для реставраторов, историков архитектуры и музееведов. Гравированные листы с изображением исторических событий, портретов нередко играют роль исторического документа (костюм, быт, сцены труда, типажи прошлых эпох). Зарубежная гравюра немецкой, голландской,

французской, итальянской и других школ доносит до нас портреты, исторические события, жанровые картинки. Среди гравюр Отдела эстампов — немало листов, отпечатанных выдающимися зарубежными мастерами: Альбрехтом Дюрером, Лукой Лейденским, Маркантонио Раймондой, Хусепе Рибейрой, Жаном Калло, Рембрандтом или их учениками.

Большую ценность представляют 23 тома (1734) первоклассных гравюр под названием «Cabinet du roi» (2-е изд.). В большие тома (in 8°) переплетены листы с видами Лувра, Тюильри, Версаля, изображениями скульптур XVIII века. Немало полезной информации содержит альбом начала XVIII века в 66 выпусках, изданный голландским издателем Ван дер Аа с видами городов и картами.

На полках Публичной библиотеки мы найдем два роскошных издания полного собрания офортов Джованни Баттиста Пиранези — итальянского архитектора, живописца, гравера, антиквара, исследователя Древнего Рима — это 16 переплетенных в красный сафьян огромных томов, изданных в Риме с 1750 по 1790 год. Один том своих офортов, содержащий изображения ваз, канделябров, надгробий, саркофагов, треножников и светильников, Пиранези посвятил русскому генералу И. И. Шувалову, известному меценату, основателю Академии художеств и московского университета за пожертвование крупной суммы денег на издание этого тома. Многие изображения дарственного тома были практически использованы в России, особенно в те годы, когда при создании архитектурных ансамблей стало использоваться литье из чугуна (первая четверть XIX в). Интересно, что · Пиранези, создатель огромного количества монументальных архитектурных ансамблей на бумаге, сам не был архитектором-строителем. Известно, что за всю свою жизнь он выполнил (в 1765) только декор фасада маленькой церкви св. Марии, что расположена на Авентийском холме Рима. Именно здесь он и был погребен в 1778 году.

Большое место в коллекции эстампов Библиотеки занимают альбомы репродукций выдающихся произведений живописи, хранящихся во всех музеях мира и малодоступных частных собраниях.

Значительную ценность представляют каталоги выставок. Обнаружены, например, фотографии с картин передвижников, которые после выставок не поступили в му-

Плюшкин. Рисунок А. А. Агина. Гравюра Е. Е. Бернардского

Лист из журнала «Ералаш». Шествие во Храм Славы

зеи и нигде (кроме каталога выставки) не воспроизводились.

В Отделе эстампов хранится немало альбомов иллюстраций художников к произведениям русских поэтов и писателей. Одним из ранних изданий является подборка листов — иллюстраций Ф. П. Толстого к «Душеньке» И. Ф. Богдановича. Несколько изданий выдержал альбом гравюр Е. Е. Бернардского по рисункам А. А. Агина к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя.

В наше время искусство иллюстрации получило свое дальнейшее развитие. Иллюстрации Кукрыниксов, Е. А. Кибрика, Д. А. Шмаринова, А. Д. Гончарова, О. Г. Верейского, А. А. Кокорина, Д. А. Дубинского, Е. М. Рачева и многих других графиков делают зримым и убедительным все, о чем сказано, а иногда и недосказано писателем. Художники-иллюстраторы помогают глубже и правильнее понять литературные произведения.

Искусство отображает мир не только в формах жизнеподобия, но, преувеличивая или даже фантастически искажая реальную внешность предметов, оно может и осмеять его. Однако за шуткой, преувеличением встают реальные события, реальные исторические фигуры. Возь-

мем, например, журнал «Ералаш», издававшийся М. Л. Неваховичем с 1846 по 1849 год. Сатирические изображения здесь сопровождаются короткими текстовыми подписями. Один из листов озаглавлен «Шествие во Храм Славы». Вдали в верхнем правом углу возвышается «Храм Славы», шлагбаум на пути к которому открывает цензор А. Н. Очкин. По дороге шествуют комически преображенные русские писатели. Идут, обнявшись, В. А. Жуковский и П. А. Вяземский, невдалеке от них И. И. Панаев, Н. И. Гнедич, Н. В. Кукольник. На II томе «Мертвых душ» свернулся калачиком Н. В. Гоголь. В «Галоше» едет пускающий «мыльные пузыри» В. А. Соллогуб, а рядом с ним шествует князь В. Ф. Одоевский, у которого ноги изображены в форме диковинных химических колб, что подчеркивает его увлечение химическими опытами. Неподалеку — В. Р. Зотов и Н. А. Некрасов. Дальше всех от «Храма Славы» Ф. В. Булгарин.

Библиотека располагает довольно полным собранием карикатур 1812 года, исполненных И. И. Теребеневым, И. А. Ивановым и др.

Современные карикатуристы представлены альбомами работ Кукрыниксов, В. А. Гальбы, Б. Е. Ефимова, Ж. Эффеля, З. Ленгрена, Х. Бидструпа и многих других.

Каждому советскому человеку интересно знать архитектурные богатства своей страны, научиться их ценить и понимать. Гордость и славу нашу представляют памятники архитектуры Новгорода, Киева, Суздаля, Владимира, Ростова, Пскова, московский Кремль, архитектурные ансамбли Ленинграда. Библиотека обладает богатейшими собраниями фотографий. Самым значительным сборником фотографий древнерусской архитектуры является 9-томный сборник ростовского фотографа И. Ф. Барщевского (Ярославль, Борисоглебск, Ростов Великий, Москва, Вологда, Владимир, Суздаль, Кострома и др.).

Для ленинградцев особенно приятно знакомство с иконографией своего прекрасного города. Строгой красотой его великолепных ансамблей восхищались, восхищаются и будут восхищаться все, кто увидит этот удивительный город — один из самых красивейших в мире. Образ Петербурга — Петрограда — Ленинграда запечатлен в гравюрах, литографиях, офортах, фотографиях многих и многих художников, творчество которых представлено в Публичной библиотеке. По материалам Публичной библиотеки можно проследить историю строительства города.

В Публичной библиотеке хранится самое первое изображение Петербурга. Это гравюра Питера Пикарта, голландца по происхождению, находившегося на русской службе. Гравюра изображает Петербург в 1704 году. На Неве — боевые корабли, а на берегу за Невой — Петропавловская крепость и полупустынный берег с редкими постройками. Среди них — маленький домик Петра I, тот, что существует до сих пор. Недалеко от него — большой, нарядный дом Меншикова, так называемый посольский дом, где происходили все посольские приемы и знаменитые петровские ассамблеи. До наших дней он не сохранился. На первом плане — примерно там, где теперь стоит Мраморный дворец,— кружало, нечто среднее между кабачком и рестораном.

«Певцом раннего Петербурга» называют гравера А. Ф. Зубова. Лучшее из его произведений — «Панорама Петербурга» (лист в два с половиной метра) — создана в 1716 году. Сохранилось только несколько ее экземпляров. Один из них — в Отделе эстампов. На листе изображен Петербург в годы бурного строительства на набережных Невы, Фонтанки, Васильевского острова и Петроградской стороны. Среди многочисленных зданий обращает на себя внимание дворец Меншикова на Университетской набережной Васильевского острова. Перед ним — пристань. С 1716 года дворец неоднократно перестраивался. Когда уже в наше время решили его реставрировать, то эта гравюра очень помогла архитекторам и искусствоведам. Сейчас дворец открыт для посетителей как музей.

Среди видовых гравюр представляют интерес виды Петербурга, литографированные К. П. Беггровым, С. Ф. Галактионовым, А. А. Тоном (1822). Обращает на себя внимание акварель «Панорама Невского проспекта» (1830—1835) работы крепостного художника В. С. Садовникова.

Помните, как любовался Невским проспектом Гоголь? «Нет ничего лучше Невского проспекта, по крайней мере в Петербурге: для него он составляет все. Чем не блестит эта улица — красавица нашей столицы!» — восклицает писатель. Художник В. С. Садовников увидел Невский проспект не только в торжественно-изысканных ансамблях, но и в живых уличных сценках, в движении разноликой толпы. Когда рассматриваешь литографии, созданные по акварелям Садовникова, то поражает документальная точность передачи художника. Вот так выглядел дом

(№ 18), в котором находилась знаменитая кондитерская Вольфа и Беранже, где в XIX веке собирались петербургские писатели. Здесь бывали Пушкин, Лермонтов; здесь Достоевский впервые познакомился с Петрашевским, рядом с этим домом в 1839 году размещалась редакция «Отечественных записок», возглавляемая в то время Белинским. Недалеко от них находилась книжная лавка А. Ф. Смирдина — место постоянных встреч литераторов. В феврале 1832 года Пушкин, Гоголь, Крылов, Жуковский, Вяземский, Одоевский и другие «гости-литераторы» праздновали новоселье книжной лавки. Это событие было ознаменовано двумя выпусками альманаха «Новоселье» (1833, 1834). Вот что об этом говорил сам хозяин книжной лавки — А. Ф. Смирдин — в предисловии к первому выпуску альманаха: «Гости-литераторы, из особой благосклонности ко мне, вызвались, по предложению Василия Андреевича Жуковского, подарить меня на новоселье каждый своим произведением, и вот дары, коих часть издано ныне».

С момента создания «Панорамы» Садовникова облик Невского проспекта сильно изменился. В фондах Публичной библиотеки хранятся фотографии, литографии, офорты, иллюстрирующие эволюцию архитектурного облика Невского проспекта, да и многих площадей, улиц, мостов, каналов Ленинграда. Вы увидите альбомы, рассказывающие о постройках В. Растрелли, А. Н. Воронихина, А. Д. Захарова, Д. Кваренги, К. Росси.

Вы увидите гравюры певца Ленинграда — А. П. Остроумовой-Лебедевой, изображающие Ленинград не только величественный, но и лирический — Ленинград уютных уголков, старинных уличных фонарей и каналов.

Великолепные архитектурные ансамбли Ленинграда включены в охранную зону Государственной инспекции по охране памятников. Все они, как памятники искусства русского народа, должны сохраниться навсегда. Реставраторам, работникам Госинспекции по охране памятников всегда необходимы материалы Публичной библиотеки. Многие гравюры и литографии с изображением пригородных дворцов Ленинграда, разрушенных фашистами во время Великой Отечественной войны, сослужили великую службу при реставрации этих построек (выполняя роль документальных свидетельств).

В Публичной библиотеке, сидя за читательским столом, вы можете совершить увлекательное путешествие по

всем городам мира. Репродукции, гравюры дадут представление о монументальной скульптуре Рима, Флоренции, Лондона, Парижа, Мадрида, Праги и других городов.

*

Богато представлены в Библиотеке лубочные или народные картинки, до революции широко бытовавшие в России.

До сих пор в науке нет однозначного мнения о происхождении слова «лубок». Одни считают, что слово произошло от лубочного короба, в котором бродячие торговцы разносили картинки по деревням. Другие производят его от слова луб — первый слой древесины липы или вяза, который так же, как и бересту, использовали для письма. В указах Петра I говорилось, что луб может заменить дорогостоящую бумагу. Некоторые связывают это наименование со старой московской Лубянкой, где продавались картинки. Простота и доступность картинки и сопровождающего ее текста сделали лубок любимым видом изобразительного искусства для широчайших народных масс. Он заменял народу и песенник, и книгу, и, отчасти, газету. Лубки весьма разнообразны по сюжетам. В Библиотеке особенно интересны русские лубки XVII — начала XIX веков. Среди них — редчайшие лубочные картинки с досок времен Петра I. Как непосредственный отклик на знаменитый петровский указ появился лубок с изображением залихватского брадобрея, стремящегося обкромсать бороду боярину — «Цирюльник хочет раскольнику бороду стричь».

Во второй половине XVIII века лубок становится своеобразной народной газетой: значительные события отражаются в картинке и в сопровождающем тексте. Например, реакцией на сообщение «Московских ведомостей» (21 июня 1760) о пойманном в Белом море ките является картинка, изображающая море, на берегу которого множество народа сетями вылавливает кита. Слева виден город Архангельск. Подобные же «газетные» листы о падении кометы 16 августа 1769 года, о персидском слоне в Москве (1796) также находятся в Публичной библиотеке.

Известен лубок-книжка. Например, лубок «Шемякин суд» награвирован в 12 картинках с пояснительным текстом под каждой. Печатались они на одном бумажном

листе, потом разрезались и складывались в форме книжки. Первая лубочная книжка в России напечатана гражданским шрифтом в 1712 году — «Жизнеописание славного баснотворца Эзопа».

В Библиотеке множество лубочных листов сказочного содержания: «Бой славных богатырей Ильи Муромца с Соловьем Разбойником», «Славный витязь Бова-королевич»; нравоучительно-аллегорического: «Возраст человеческий», «Поучение о пьянстве», «Рассуждение холостяка о женитьбе»; с изображением народных празднеств и гуляний.

Сохранился у нас редкий экземпляр лубочной картинки, отпечатанной с гравюры на дереве в первой половине XVIII века под названием «Зная себя, указывай в своем доме». На ней изображены четверо пирующих за столом, пятый играет на гитаре. Справа стоит шестой, указывая рукою на пирующих. Рядом — надпись: «Указывай дома». Под картинкой помещен текст:

Знаи себя указываи в своем доме.
Где посадят тут сиди а где
не велят тут не глсди:
Что поставят то и кушаи а
хозяина в доме слушаи
Что поднесут то и пеи а питья
на землю не лееи...
. . . .
будь доволен грыбами: а держи
язык за зубами:
аще станешь много вякать за
то будут больше бякать...

Перед нами своеобразный свод правил хорошего тона!

Произведения Крылова, Пушкина, Кольцова, Лермонтова проникали в народ через народные картинки. В 1832 году была издана первая лубочная картинка на сюжет пушкинского «Романса» («Под вечер, осенью ненастной...»). И с этого времени этот сюжет пользовался неизменным успехом. Сюжеты пушкинских «Сказки о попе и работнике его Балде», «Сказки о рыбаке и рыбке», а также его поэмы «Кавказский пленник» нашли широкое отражение в лубочных картинках. Народная картинка, в свою очередь, влияла на русскую литературу. Например, имена героев лубочных сказок о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче — царь Салтан, царь Додон, царевич Гвидон, Руслан — позаимствованы Пушкиным.

В Библиотеке хранятся несколько коллекций лубоч-

ных картинок. Среди них — ценнейшее собрание, подаренное известным этнографом, лингвистом, писателем В. И. Далем.

Здесь же нам хотелось упомянуть еще об одной интереснейшей реликвии Библиотеки — это единственный существующий экземпляр альбома из 532 фотографий костюмов дореволюционной России.

Если лубки предназначались для украшения комнаты, крестьянской избы, то плакаты создаются для улицы, для общественных зданий. Они сопровождаются кратким текстом в виде призыва или лозунга. Плакаты, по словам Энгельса, «превращающие каждую улицу в большую газету» [42в],— самый боевой вид изобразительного искусства. Для него характерна злободневность, оперативность, агитационность.

Советские плакаты, хранящиеся в Отделе эстампов, дают представление об истории жизни страны: в них красочно запечатлены гражданская война, организация ликбеза, борьба за электрификацию, культурная смычка города и деревни, первые празднования Первого мая, Великая Отечественная война. Эпоха рождения советского плаката выдвинула целую плеяду замечательных плакатистов: А. П. Апсит, В. Н. Дени, Н. М. Кочергин, Д. С. Моор, А. А. Радаков и др. Об «Окнах РОСТА» мы рассказываем в очерке «Главное событие XX века».

Плакаты 1941—1945 годов создали подлинную героическую летопись войны. Большой силой воздействия отличались «Окна ТАСС», воскресившие в новых исторических условиях традиции «Окон РОСТА».

И сегодня не утратило значения искусство плаката. Выпускаются плакаты на политические, экономические, сельскохозяйственные темы, посвященные вопросам здравоохранения, рекламные и т. п. Каждый этап истории советского общества создавал в плакате свой стиль. Новая тематика вызывает новые выразительные формы. Собрание плакатов Библиотеки дает возможность проследить всю историю развития советского плаката.

Из прикладной графики — суперобложки, экслибрисы, пригласительные билеты, книжная реклама — расскажем подробнее о книжном знаке — экслибрисе. Он почти обязательный атрибут любого книголюба.

Библиотека не получает экслибрис в качестве обязательного экземпляра, поэтому в ее собрании экслибри-

сы не представлены с исчерпывающей полнотой. В основе собрания лежат четыре коллекции: В. С. Савонько, М. Я. Лермана, В. А. Брилианта и ленинградского Общества экслибрисистов. Всего около 10 000 книжных знаков. Само слово «экслибрис» произошло от латинских слов «ex libris», что означает: «из книг». Экслибрис — это особая метка владельца книги, знак собственности. Классический размер экслибриса — 70 мм×50 мм. Книжный знак наклеивается на внутреннюю сторону переплета — форзац книги.

По своему содержанию экслибрисы бывают четырех видов: гербовые, вензелевые, сюжетно-тематические и шрифтовые. В Публичной библиотеке все они представлены. Техника, в которой работают художники-экслибрисисты, чрезвычайно разнообразна, но наиболее распространена гравюра на дереве и линолеуме.

В России печатный экслибрис появился во времена Петра I. Из трех сохранившихся с того времени экслибрисов два — в собрании Библиотеки: князя Д. М. Голицына и фельдмаршала Я. В. Брюса.

До середины XIX века экслибрис в России в основном был гербовым. Со второй половины XIX века в качестве ведущего мотива экслибриса использовалась любая тема или сюжет, предложенные заказчиком: декоративная гирлянда из цветов или фруктов, ваза, пейзаж, интерьер, портрет и т. д.

С ростом количества личных библиотек техника изготовления экслибриса упростилась. На рубеже веков получили распространение самые простые, скромные шрифтовые экслибрисы, на которых указывались имя, отчество и фамилия владельца, порой даже без упоминания слов «из книг». Такие экслибрисы особенно часто встречались в писательской среде. И уж совсем упростился экслибрис, когда стали пользоваться штемпелями. В нашем собрании есть овальный штемпель: «Библиотеки Ясной Поляны» (конец XIX в.). Штемпельным экслибрисом пользуются государственные и общественные библиотеки.

Существуют экслибрисы с охранными и назидательными текстами типа: «Эта книга — моя / Ал. Старицын» (1905) или «Книга мой друг — не отнимай у меня моего друга. Библиотека д-ра В. Н. Бельского».

Некоторые владельцы крупных библиотек печатают свой экслибрис разными красками и на бумаге разных

цветов для различных разделов библиотеки. Часто владельцы библиотек имеют несколько экслибрисов. Например, искусствовед, книговед, член-корреспондент Академии наук А. А. Сидоров имел более 70 знаков, а ленинградский историк искусства П. Е. Корнилов — более 60 знаков.

Целую эпоху в истории русского книжного знака создали художники конца XIX века, объединившиеся вокруг журнала «Мир искусства»: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, М. В. Добужинский, Б. М. Кустодиев, Е. Е. Лансере, К. А. Сомов и др. Экслибрисы, выполненные ими, отличались композиционной стройностью, изящностью рисунка, филигранною отточенностью деталей. В собрании Публичной библиотеки экслибрисы мирискусников представлены с почти исчерпывающей полнотой.

Экслибрис тесно связан с явлениями социальной жизни. Весьма красочная иллюстрация этого — экслибрис Д. И. Митрохина, сделанный в 1912 году для библиофила Л. И. Жевержеева к разделу политических книг его библиотеки. На книжном знаке изображен двуглавый орел с коронами, рвущий книги и рукописи. В этом символе легко читался намек на царскую цензуру, терзающую русскую литературу. Царская цензура запретила печатать экслибрис. Тогда Митрохин несколько изменил сюжет, изобразив книги и рукописи, крепко затянутые цепями и запертые на замок. В собрании Публичной библиотеки этот экслибрис сохранился.

Интересен экслибрис, выполненный художником и первым исследователем экслибриса У. Г. Иваском для ученого-библиографа Б. С. Боднарского. На раскрытой книге лежит ключ. Ключ — это символ библиографии, являющейся ключом ко всем наукам. Тот же Иваск изобразил на книжном знаке для букиниста М. Я. Параделова бродячего торговца (офеню), торгующего книгами. Великолепный мастер силуэта, замечательная художница Е. С. Кругликова создала более 20 экслибрисов.

Почти все экслибрисы, выполненные виднейшими советскими графиками В. А. Фаворским, А. И. Кравченко, хранятся в нашем собрании. Сейчас ведущее место в искусстве экслибрисов принадлежит ученикам В. А. Фаворского и А. И. Кравченко — Е. Н. Голяховскому, Г. А. Кравцову, А. Д. Гончарову, Н. И. Калите, В. А. Фролову, А. И. Калашникову и др.

А. И. Калашников выполнил, например, экслибрисы для библиотеки бывшего президента Финляндии Урхо Кекконена, для композитора Арама Хачатуряна. Г. А. Кравцов — автор экслибрисов для Юрия Гагарина, для клоуна Олега Попова. На последнем изображен Олег Попов на канате, натянутом между двумя огромными стопками книг, а на первом — парящий в воздухе космонавт и летящие с ним книги. Пионером экслибриса на космический сюжет считается С. Б. Юдовин, изобразивший в книжном знаке своего сына — мальчика, летящего на игрушечной ракете (1933).

Порой экслибрису придается мемориальная роль. К числу их относится экслибрис К. С. Козловского «Памяти Анны Ахматовой».

В нашем собрании экслибрисов имеется Лениниана, созданная граверами-миниатюристами. Первым экслибрисом с образом В. И. Ленина считается гравюра П. А. Шиллинговского, созданная для филиала Публичной библиотеки, которой предполагалось присвоить имя В. И. Ленина (1925). Этому экслибрису, как и вообще всем знакам, выполненным художником, присуща торжественность, величественность.

В Библиотеке собрана серия из 10 листов Ленинианы художника А. И. Юпатова. Среди них экслибрис бывшего латышского стрелка, охранявшего Смольный, Яниса Калныня, на котором изображены В. И. Ленин в библиотеке в момент отдыха, а на переднем плане портрет Я. Калныня в форме красноармейца (Ex libris. 1917—1967).

Портрет Владимира Ильича изображен на книжном знаке библиотеки Ленинградского государственного университета работы художника Г. И. Гидони.

Порой экслибрисы биографичны. Таковы два экслибриса А. И. Юпатова, сделанные для художника Константина Коровина, умершего в эмиграции. Один изображает палитру с кистями. В верхней части палитры изображения Нижегородского Кремля и Волги, в нижней — развал парижских букинистов. Надпись: «Книга Константина Коровина». Символы начала и конца жизни объединены в одном экслибрисе. Аналогичным способом эта же мысль выражена в другом экслибрисе. Та же палитра, разделенная на две части. В верхней части — заснеженная русская провинциальная церковь, в нижней — улочка старого Монмартра с виднеющимся

куполом базилики Сакре-Кёр. И надпись: «Ex libris Const. Korovine. Юпатов 1939».

На экслибрисе ученого-арабиста, академика И. Ю. Крачковского, сделанного его женою В. А. Крачковской, мы видим мечеть и фигуры двух мусульман в чалмах, читающих рукописную книгу.

Нередки экслибрисы, сюжет которых связан с литературным героем. Например, экслибрис С. Г. Ивенского работы А. В. Сапожникова (гравюра на дереве, 1968) изображает Дон Кихота среди книг. Этот храбрый идальго до того, как он пустился в странствия, был страстным книголюбом и книгочеем.

Популярность экслибриса привела к тому, что появились книжные знаки, выполненные для несуществующих владельцев. Это так называемые мнимые экслибрисы. Немало экслибрисов, выполненных талантливыми мастерами без каких-либо заказов. Известный график-экслибрисист А. И. Кравченко опубликовал экслибрисы в миниатюрном альбоме еще до того, как они были снабжены именами владельца. Более того, часть экслибрисов получила владельческие подписи спустя много лет после смерти их автора.

В наше время любовь к книгам носит массовый характер. Повысился и интерес к книжным знакам. Трудно назвать город, где бы не было исполнителей или владельцев книжных знаков. Экслибрисы стали особым предметом собирательства. Прикладное назначение экслибриса у коллекционеров отошло на второй план. Художественное достоинство графической миниатюры доминирует в оценке книжного знака. В городах создаются общества экслибрисистов, организуются выставки, издаются каталоги.

Экслибрисы, выполняющие свою узкоприкладную роль, помогают при изучении состава библиотек, их судеб и личности владельца. А это очень важно, ибо редки у книжных коллекций счастливые судьбы. Как правило, после смерти своих владельцев они распыляются, распродаются, и только экслибрис их может связать воедино.

Исторически сложилось так, что гравюра (эстамп) и книга сосуществуют со времен появления гравюр. И поэтому Отделы эстампов — органическая часть фондов крупнейших библиотек мира.

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ БИБЛИОТЕКИ ВОЛЬТЕРА

Читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу, значит вновь увидать старого друга.

Вольтер

19 июня 1778 года на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» появилось сообщение о том, что «отлично славный нашего века писатель господин Вольтер скончался, оставя в ученом свете пустоту, которую трудно будет наполнить».

Опустела парижская квартира Вольтера, опустело и его швейцарское поместье Ферне, в котором старый писатель провел последние десятилетия своей бурной и нелегкой жизни. Одолеваемый врагами и болезнями, он обретал убежище в собранной им огромной библиотеке. В письме одному из друзей Вольтер признавался: «Из всего дома я люблю лишь мой книжный кабинет — книги питают старость». А в другом случае, скрывая душевный порыв под привычной иронией, говорил: «Хорошие книги, как и добрые лекарства, кое-кого и вылечивают» [43].

Парижские вельможи и святоши не простили Вольтеру его язвительных нападок на церковь и аристократию: они запретили торжественное погребение великого мыслителя, а библиотеке Вольтера грозило забвение или распродажа по частям. Но в это время наследница писателя, госпожа Дени, получила необычайно выгодное предложение из Петербурга: русская царица Екатерина II пожелала приобрести все книги и рукописи своего многолетнего корреспондента.

Трудно сказать, что именно побудило Екатерину на этот шаг — уважение к мудрейшему из своих современников, старая их дружба, стремление не допустить огласки некоторых рукописей, хранившихся у Вольтера, или честолюбивое намерение перещеголять великодушием французского короля и других европейских монар-

хов. Так или иначе, библиотека была приобретена, и в апреле 1779 года ящики с книгами и бумагами Вольтера отправились в далекий путь. Их везли по дорогам Швейцарии и Франции, через немецкие княжества и герцогства, они плыли по холодным водам Балтийского моря и, наконец, четыре месяца спустя, их выгрузили на набережной напротив петербургского Зимнего дворца.

Распаковкой ящиков руководил прибывший на том же корабле верный секретарь Вольтера — Ваньер. Он привез с собой каталог фернейской библиотеки и расставил книги в том же самом порядке, в каком они хранились у их владельца, отлично помнившего все, что касалось его любимого собрания. По словам Ваньера, ему часто приходилось слышать от Вольтера: «Взгляните, нет ли в таком-то сочинении, в таком-то томе, примерно на такой-то странице того-то и того-то» [44], и редко случалось, чтобы он ошибался, хотя бывало, что он уже много лет не держал в руках эту книгу.

Для библиотеки Вольтера были отведены комнаты близ личных покоев Екатерины II. До недавнего времени не было известно, обращалась ли императрица к доставшимся ей книгам, но теперь мы располагаем некоторыми сведениями об этом. При просмотре принадлежавшего Вольтеру словаря Бейля был обнаружен листок с карандашной записью (на французском языке): «Словарь Бейля из библиотеки Вольтера» и второй листок с русской записью (другой рукой): «Изъ Волтеровой библиотеки». Судя по водяным знакам на бумаге, оба листка были изготовлены в 1780—1790-х годах.

Изучение первой записи показало, что она сделана рукой Екатерины II и означала, очевидно, распоряжение о доставке ей этой книги. А вторая записка, по всей вероятности, написана постоянным хранителем царской библиотеки Александром Ивановичем Лужковым, чтобы по возвращении книги от императрицы не забыть поставить ее туда, откуда она была взята.

Но самая интересная находка была сделана на полях этого тома: приведенные в нем рассуждения об абсолютной власти французского монарха, позволяющей предотвращать народные мятежи, отчеркнуты карандашной чертой и сопровождены пометой: «в 1793». Судя по почерку — рука Екатерины! Страх перед французской революцией, казнившей в 1793 году свергнутого с престола короля, водил рукой императрицы при чтении

книги, доставленной из страны, где бушевал в те годы революционный пожар.

На протяжении всей первой половины XIX века вольтеровскими книгами пользоваться было запрещено. Единственное исключение было сделано для Пушкина, попросившего разрешения рассмотреть находящуюся в Эрмитаже библиотеку Вольтера. Судя по записной книжке поэта, он стремился составить представление обо всем книжном собрании и особенно о материалах, относящихся к истории России времен Петра I. После Пушкина двери в комнаты с фернейскими книгами не открывались еще несколько десятков лет.

Лишь в 1861 году это книжное собрание было передано из Эрмитажа в Публичную библиотеку, где и хранится в том же самом порядке, в каком его некогда расставил Ваньер. В высоких шкафах из красного дерева, за стеклянными дверцами стоят без малого семь тысяч томов на французском, английском, немецком, латинском, греческом, испанском и других языках.

Бросается в глаза широта интересов их владельца: история и математика, философия и физика, поэзия и астрономия — вся природа, все сокровенные тайны человеческого духа, все богатства литературы и искусства окружали рабочий стол Вольтера. Иногда его внимание надолго привлекал какой-нибудь вопрос, и тогда, по его поручению, книги и брошюры по этой теме сплетались в особые сборники с наклейками «Гугеноты», «Парламент», «Английские дела» и т. д. А в один из экземпляров книги Гельвеция «Об уме» Вольтер вплел приговор парижского суда, запрещавший распространение этой книги и подвергавший такой же каре сочинения Дидро, Паскаля и самого Вольтера. Впрочем, время поставило все на свои места: имена членов парижского трибунала бесследно стерлись, а преследуемые ими книги обрели бессмертие на библиотечных полках и в памяти людей.

Вольтер глубоко уважал своих единомышленников и столь же глубоко презирал клерикальных писак, ханжей и тупых ретроградов. На переплетах и корешках их бездарных сочинений он оттискивал безжалостные характеристики — «литературный осел», «церковные глупости», «сверхфанатичный дурак». А потом в своих трактатах и памфлетах он высмеивал и опровергал суждения тех, кто удостаивался этих обидных прозвищ.

Полтораста лет назад французский путешественник, побывавший в петербургском Эрмитаже, вспоминая о библиотеке Вольтера, показанной ему через стекло запертых шкафов, писал: «Я разглядел, что в книгах торчат маленькие бумажки, которыми обозначены его замечания и те места, которые обратили на себя его внимание» [45]. В самом деле, многие книги Вольтера носят на себе следы внимательного чтения. По словам его секретаря, читал ли Вольтер сам или ему читали, у него всегда было перо в руках, чтобы делать замечания и пометы. Тысячи таких помет сохранились на полях, на титульных листах, а порой и прямо в тексте принадлежавших Вольтеру томов. Краткие восклицания и знаки одобрения, меткие оценки и внезапно пришедшие на ум догадки, развитие мыслей автора или их опровержение... Восхищение открытиями натуралиста Бюффона, критика наивного оптимизма Руссо, разоблачение библейских чудес и уловок алчного духовенства... Вольтер писал все это для себя, отбросив привычную осторожность.

Но книги эти дороги не только вновь открытыми вольтеровскими текстами. Почти столь же драгоценны и его «немые пометы» — те самые «маленькие бумажки», которыми заложены страницы прочитанных им книг, загнутые углы, наклейки в середине текста, карандашные отчеркивания на полях. Они позволяют проникнуть в творческую лабораторию писателя, восстановить круг использованных им источников, ход его мыслей, рождение ассоциаций. Так, например, в одной из книг по истории древних германцев в качестве закладки использовано письмо человека, знакомого с Вольтером в конце 1750-х годов. Можно предположить, что именно тогда Вольтер и читал эту книгу, отметив закладками и отчеркиваниями некоторые ее страницы. На отмеченных страницах встречается название племени аваров и имя княгини Кунигунды: не отсюда ли перекочевали они в бессмертную повесть Вольтера «Кандид», написанную в 1758 году.

Если под рукой не оказывалось заранее нарезанных бумажных ленточек, Вольтер закладывал страницы чем попало: клочками газет, игральными картами, хозяйственными счетами, обрывками своих рукописей. Так, в своде римских законов обнаружен листок с записью Вольтера: «Сочинение на тему, предложенную экономическим обществом. Девиз: Если богат народ, богат и

король». Разгадку этой записи помогло найти одно из писем, полученных Вольтером от Екатерины II. В письме говорилось: «Если Вы сообщите мне девиз, под которым послано интересующее Вас сочинение, я велю узнать, получено ли оно Обществом»[46]. В делах петербургского Вольно-экономического общества, объявившего в 1766 году конкурс на лучшее сочинение, посвященное крестьянской собственности, труда Вольтера не сохранилось, но найденная записка дополнительно подтверждает участие французского писателя в этом конкурсе.

Исследование библиотеки Вольтера продолжается, и каждый год приносит все новые открытия. В стенах Публичной библиотеки это книжное собрание обрело вторую жизнь и служит новую службу бывшему владельцу и нынешнему поколению ученых.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ АВТОГРАФЫ?

Есть письма, на которых как бы запеклась кровь событий, и само прошедшее, как оно было, задержано и нетленно.

А. Герцен

Когда речь заходит об уникальных книгах, украшающих библиотеки и личные коллекции книголюбов, имеют в виду обычно не только издания, вышедшие (или уцелевшие) в одном или нескольких экземплярах, но и те книги, которые обладают чертами, придающими им особый интерес. Среди них — книги с автографами.

Если книги всегда своего рода свидетели эпохи, то автографы на них — микрописьма, обращенные к друзьям и знакомым. Автограф раскрывает немало интересных и важных фактов для характеристики литературной и общественной жизни эпохи, отражает отношение авторов к людям и событиям. Недаром А. С. Пушкин писал: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа» [47].

Автографы часто являются бесценными документами для уточнения биографии писателя, его взгляда на литературные и общественные явления. Правда, нужно научиться правильно читать эти документы. Так, например, на книге М. Е. Салтыкова-Щедрина «Благонамеренные речи» (Спб., 1876), хранящейся у нас в Библиотеке, есть лаконичная надпись: «И. С. Тургеневу. Автор». Книга подарена Тургеневу в тот период, когда он чувствовал себя разъединенным с молодым поколением, критически встретившим его роман «Отцы и дети». Можно представить, как дорог был Тургеневу этот знак внимания, полученный от представителей прогрессивной России.

В Публичной библиотеке собирается специальная

коллекция книг с автографами. Пока в ней более 7 тысяч. Нет возможности перечислить имена всех писателей, поэтов, ученых, общественных деятелей, книги которых хранятся в коллекции. Каждое такое издание говорит по меньшей мере о двух лицах: о том, кому дарили, и о том, кто дарил.

Естественно, немало книг подарено самой хозяйке — Библиотеке. Почти из 70 городов Советского Союза прибыли книги с дарственными надписями их создателей. Это одно из ярких подтверждений, что в залах Публичной библиотеки трудились жители почти всей нашей страны. Некоторые книги присланы из Белграда, Берлина, Буэнос-Айреса, Варшавы, Лондона, Нью-Йорка, Парижа, Праги, Софии.

Большинство дарителей подчеркивают в своих надписях большое общественное и культурное значение Библиотеки, которой они обязаны созданием своих произведений. Так, например, В. Э. Мейерхольд на своей книге «О театре» (Спб., 1913) написал: «В Публичной библиотеке Ленинграда я, при помощи ее сотрудников, раскопал тот богатейший материал, который помог мне правильно сценически истолковать замечательное творение М. Лермонтова „Маскарад". Большое спасибо за помощь. Публичная библиотека — моя любимая библиотека. Привет. Вс. Мейерхольд. 29/IX-34».

Всякий раз, приезжая в Ленинград, Мариэтта Сергеевна Шагинян находила время посетить свою «любимую питерскую „Публичку"», где она работает с 1919 года (как явствует из надписи на книге «Семья Ульяновых»). Это особенно приятно, ибо Мариэтта Сергеевна за свою долгую плодотворную жизнь была связана со многими библиотеками мира. Кроме того, Мариэтту Сергеевну связывает с «Публичкой» и то «необыкновенное» происшествие, которое приключилось с нею в мае 1921 года, когда ее случайно закрыли на ночь в фондах Публичной библиотеки и о чем она с таким блеском написала в своих воспоминаниях[48].

Вот надпись лауреата Государственной премии профессора Б. Г. Реизова на его книге «Стендаль»: «Дорогой Публичной библиотеке с глубокой признательностью за безотказную самоотверженную помощь в течение многих лет, без которой я не написал бы ни эту, ни все другие мои книги. Б. Реизов. 1927-1975».

Поистине: книги рождают книги!

У многих ленинградских читателей почти вся жизнь, начиная со школьного возраста, связана с Публичной библиотекой. «Той библиотеке,— пишет поэтесса Майя Борисова (на книге «День поэзии». Л., 1964),— где мы все в юности учились, влюблялись, спорили и чувствовали себя счастливыми. Вечный Ваш читатель и почитатель».

И. Л. Андроников подарил две свои книги, снабдив их пылкими признаниями: «Почитаю себя учеником и воспитанником Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и бесконечно ее всегда славлю, гордый сознанием, что и я когда-то служил здесь науке. Спасибо большое ей!» (на книге «Лермонтов. Исследования и находки»). «Если я что-нибудь умею по части поисков,— признается автор,— этим я обязан моей дорогой Публичной Библиотеке, где работал будучи еще молодым, и которой благодарен бесконечно» (на книге «Я хочу рассказать вам...»).

В некотором роде уникальны стихотворения — посвящения Публичной библиотеке, начертанные на книгах-подарках. Вот пример тому:

Приходится приветствовать не часто
Того, кому минуло полтораста.
Всем щирым сердцем человека,
Поэта и большевика
Я шлю привет
тебе, Библиотека,
Которой жить — века!
26 февраля 1964 г.
Александр Безыменский
(Надпись на книге «Партбилет
№ 224332». М., 1963.)

Великий ученый и гениальный изобретатель К. Э. Циолковский в первые годы Советской власти вынужден был печатать свои работы за свой счет. Вначале он пытался их продавать, но, не достигнув успеха, стал распространять бесплатно, посылая их всем желающим. Ввиду скудости средств, а также бедности оборудования калужских типографий, книги имеют более чем скромную внешность и крайне просто оформлены. Из-за отсутствия математических символов и знаков в местных типографиях Циолковскому пришлось придумать особый математический язык из букв русского алфавита взамен общеупотребительных латинских литер.

В 1933 году К. Циолковский прислал Публичной

библиотеке две книги: «Вне земли» (Калуга, 1920) и «Монизм Вселенной» (Калуга, 1931). На первой — надпись: «К. Циолковский. Государственной Публичной библиотеке. 1933, 22 сентября. Калуга, ул. Циолковского», на второй только надпись — «К. Циолковский. 1933, 22 сент.». Можно предположить, что книги были присланы К. Э. Циолковским после того, как известный популяризатор науки Я. И. Перельман сообщил ему об отсутствии этих сочинений в Публичной библиотеке, и автор своей посылкой восполнил пробел комплектования. Кстати, в Библиотеке хранится книга отца космонавтики «Грезы о земле и небе и эффекты всемирного тяготения» (М., 1895) с примечаниями Перельмана о том, что все исправления на полях сделаны по указанию Циолковского.

Увлекательный мир человеческих взаимоотношений открывается перед вами, когда вы читаете автографы на книгах. Для того чтобы многие из них стали ясны и понятны, приходится просматривать уйму литературы: читать переписку, мемуары, хроникальные заметки тех лет. Но когда вместо глухой надписи встают живые картины далеких событий, вы испытываете ни с чем не сравнимое чувство первооткрывателя.

«Мистерия-буфф. Героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи, сделанное Владимиром Маяковским. 1918 год. Три действия, пять картин» (Пг.: «Свобода», 1918). На книге красным карандашом рукою Маяковского написано: «А. Кареву станковому живописцу столовый железняк Маяковск. Альтм. Рожд.». Рукою А. Е. Карева помечено, что автограф принадлежит Маяковскому. Что бы все это означало? А. Е. Карев — первый комиссар Советской власти в Российской Академии художеств, занимавшийся в основном станковой живописью. В отличие от него, В. В. Маяковский, Н. И. Альтман, В. В. Рождественский увлекались в то время книжной иллюстрацией, театральными декорациями и пр. В горячих дискуссиях о путях нового искусства высказывались мысли о ненужности и устарелости станковой живописи. Вероятно, к подобным спорам относится и запись Маяковского. Первая часть — определенно. А что означает «столовый железняк»? Может быть, это группа художников, которая пишет не на мольберте, а на рабочих столах? И эта группа монолитна и крепка, как железняк?

А эта маленькая книжка переносит нас на Север, на Новую Землю. Автор ее — знаменитый полярный исследователь Г. Я. Седов, а называется она «Право женщин на море» (Спб., 1908). На ней надпись: «Славному, неустрашимому полярному Волку — художнику Н. В. Пинегину на память Г. Седов. 1910 г. 14 сентября. Новая Земля». Художник Николай Васильевич Пинегин познакомился с Седовым во время своего первого посещения Новой Земли, в 1910 году. Знакомство переросло в дружбу, и в знак этой дружбы Седов подарил свою книгу, которой очень гордился. Примечательна история ее издания. Написана она была в 1907 году как доклад для Международного конгресса по судоходству. Приводя ряд доводов в пользу допущения женщин-капитанов на корабли, Седов подчеркивал, что «женщина в соблюдении чужих интересов и в отношении к своим обязанностям гораздо внимательнее и честнее мужчин, а потому ей должно быть на корабле первое место». Организаторы конгресса не разрешили выступить с таким докладом, и Седов напечатал его в виде книги за свой счет. Не только подарком дорогой для автора книги, но и приглашением участвовать в героической экспедиции к Северному полюсу (1912—1914) Седов выразил свое глубокое доверие, уважение и расположение к «неустрашимому полярному Волку — художнику Н. В. Пинегину».

Автографы Марины Цветаевой связаны со значительными событиями в ее жизни. На своей книге «Волшебный фонарь» (М., 1912) она написала: «Сонечке Голидэй. Ничто не случайно. Будет Вам большая сцена Театра, как уже есть сцена Жизни. М. Ц. Москва. 2-го июня 1919, воскресенье — holyday — отсюда». Софья Евгеньевна Голидэй — актриса и чтица, ученица Вахтангова — была подругой Цветаевой. Познакомились они в апреле 1919 года, очень подружились. «Это было женское существо,— пишет Цветаева А. А. Тесковой,— которое я больше всего на свете любила... Это просто была любовь в женском образе»[49]. Она вдохновляла Цветаеву на образы героинь в ее пьесах «Фортуна» (Розанетта), «Приключение» (девчонка), «Каменный Ангел» (Аврора), «Феникс» (Франческа). Подаренная через два месяца после начала знакомства книжка — свидетельство большого человеческого чувства, с предельной лаконичностью выраженного в дарственной надписи. Ради

подарка Голидэй Марина Цветаева сочла возможным счистить с титульного листа сделанную ею ранее дарственную надпись какому-то другому «дорогому человеку с любовью и благодарностью». Об этой дружбе Цветаева расскажет почти через двадцать лет после смерти артистки в «Повести о Сонечке»[50].

Та же Марина Цветаева, любя и ценя творчество Анны Ахматовой, написала письмо ей (26 апр. 1921) с просьбою прислать книгу с дарственной надписью. «Не думайте, что я ищу автографов,— писала она Ахматовой,— сколько надписанных книг я раздарила! Ничего не ценю и ничего не храню, а Ваши книжечки в гроб возьму — под подушку!»[51]. Среди книг Анны Ахматовой, хранящихся в Публичной библиотеке, к сожалению, нет книги с дарственным автографом для Цветаевой.

Порой в автографах скрыта полемика дарителя с человеком, которому дарят. На книге «Враги. (Полюсы)» (Пг., 1923) автор М. Волохов написал: «Неправда! Новая эпоха имеет своих творцов! Они есть, они будут. Привет идущим! (14. IX. 23)». И в том же ключе читается и автограф А. Безыменского на его книге «Весенняя прелюдия» (М.; Л., 1929):

Эй вы, которые!
Знаете ли вы,
Как пахнет жизнь?
довольно неба
И мудрости вещей!
Давайте больше простых
гвоздей!
Откиньте небо. Отбросьте вещи.
Давайте Землю
И живых людей!
26/V-30 г. Шур.

С душевным трепетом раскрываем мы книги, надписанные рукой замечательных писателей, поэтов, ученых. Можно ли без волнения смотреть на томик сочинений Г. Р. Державина (М., 1798), подаренный поэтом «милостивому государю графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому в знак душевного моего всепочитания к его особе»? Но не менее волнует и надпись на книге отнюдь не столь именитого автора, присланной тридцать пять лет назад в осажденный Ленинград. «В библиотеку им. Салтыкова-Щедрина. Великому, славному, героическому городу Петра и Ленина свой скромный труд посвящает автор»,— значится на титульном

листе книги Н. Н. Фатова «Пушкин — великий патриот», изданной в Козьмодемьянске в 1943 году.

Дарственные надписи порой воскрешают события, связывающие людей дружбой на всю оставшуюся жизнь.

На книге В. Б. Азарова «Всеволод Витальевич Вишневский» (Л., 1966) читаем надпись: «Дорогой Ольге Константиновне Матюшиной на память о днях, когда Вы были комендантом нашего домика, выстоявшего удары блокады». Эта надпись может сказать о многом.

Блокадной осенью 1942 года к О. К. Матюшиной, художнице и писательнице, ослепшей после контузии, пришел ее знакомый поэт Всеволод Азаров с писателем В. В. Вишневским и драматургом А. А. Кроном. По заданию Военного Совета Балтфлота они должны были написать к 25-й годовщине Великой Октябрьской революции пьесу. Гости попросили у Матюшиной приюта и надолго поселились в ее домике на Песочной улице Петроградской стороны. О жизни этой творческой группы писательница рассказала в очерке «Песочная, деревянный домик» (Окрыленные люди. Л., 1967). Душою этой «семьи» был Всеволод Вишневский. Вот почему Азаров написал свое лапидарное воспоминание на книге о Вишневском. Между Вишневским и Матюшиной установились дружеские отношения. Об этом свидетельствуют и документы-автографы Вишневского на его книгах. «О. К. Матюшиной. С сердечным приветом на долгую память об обороне Ленинграда. Мы русские»,— написал В. В. Вишневский 15 марта 1944 года на своем романе-фильме «Мы русский народ» (М., 1938). О тех же незабываемых ленинградских блокадных днях напоминает другая надпись Вишневского на книге «В боях за Таллин» (Кронштадт, 1944). Вероятно, о совместных рассуждениях по поводу литературного труда свидетельствует надпись на книге «Избранное» (М., 1950): «Ольге Константиновне Матюшиной — вручаю дар жизни. Вс. Вишневский. 1. XII. 50. Барвиха».

О дружеских отношениях, внимании к творчеству своего товарища говорит экспромт Азарова на его книге стихов «Крутая волна» (Л., 1959).

«Пусть Песнь жизни
Крута и сильна
Несет к молодым
Молодая волна.

Желаю Вам, дорогая Ольга Константиновна, здоровья, счастья, новых успехов в творчестве. 6 июня 1950. Домик на Песочной». Так свои стихи поэт связал с повестью О. К. Матюшиной «Песнь о жизни», посвященной борьбе блокадного Ленинграда.

Рядом с высокими проявлениями человеческих чувств встречаются и куда более простые и немудреные записи. В Публичной библиотеке хранятся несколько книг с автографами известного русского писателя и журналиста, «короля московских репортеров», по словам А. П. Чехова, Владимира Алексеевича Гиляровского. Он, мастер экспромта, щедро расточал их по каждому поводу. Сказанные в кругу друзей, которых у него была тьма-тьмущая во всех слоях общества, они забывались, никем не записанные. Лучшая судьба постигла те, которые поэт записал на своих книгах.

Здесь все: тревоги и мечтанья,
Порывы славных, бурных дней,
Народа горького страданья
И беды юности моей.

— такой надписью на титульном листе определил Гиляровский содержание своей книги «Были, 1883—1908» (М., 1909).

Его книга «Забытая тетрадь» (2-е изд. М., 1896) испещрена стихотворными приписками. Судя по ним, Гиляровский брал книгу с собою во время поездки в Сербию, в Белград, летом 1897 года на гимнастические состязания, устраиваемые сербским гимнастическим обществом «Душан Сильный». Кстати сказать, на этих состязаниях, в которых принимали участие представители всех славянских земель, поэт завоевал первый приз — большую золотую медаль «Наибольшему витязю Душана Сильного». Из всех приписок обращаем ваше внимание на три из них. В Белграде на дружеском обеде 2 июня 1897 года Гиляровский написал экспромт «На обеде Душана Сильного» и вписал его в свою книжечку. Вот его текст:

Все мы братья! Нас, славян,
Полных юных, мощных сил
Новый застовый «Душан»
Навсегда соединил.
Так служите брат для брата,
Всякий это видеть рад;
Обнимает серб хорвата
И за серба пьет хорват!

Есть все основания предположить, что атмосфера встреч, разговоров в Белграде навеяла на поэта новые мысли и вдохновила написать «Пролог» к поэме «Стенька Разин», названный позже «В келье Никона», в котором Гиляровский оправдывает крестьянское восстание. Текст написан рукою Гиляровского на бумаге и вклеен в книгу перед поэмой.

Мы позволим себе привести его полностью, потому что ни в одном из позднейших дореволюционных переизданий поэмы «Стенька Разин» текст не публиковался по цензурным соображениям. Единственный раз «Пролог» был опубликован в 1922 году в поэме, выпущенной издательством «Берендеи» тиражом всего 500 экземпляров. Сейчас она библиографическая редкость. В Публичной библиотеке сохранилось два экземпляра книги.

Благослови, отец святой,
Мне постоять за волю,
И с твердой вынести душой,
Что суждено на долю.
Тебе я каюсь: кровь пролью
Широкими реками,
Народа недругов побью,
Расправлюсь я с царями.
Кто угнетал народ — я всех
До сатаны отправлю.
Отец святой, деяний тех
Во грех себе не ставлю.
Ведь я иду не на разбой,
Не на беду народу,
Иду в открытый, честный бой
За правду и свободу.
Терпел народ ряды веков
От тиунов татарских,
И от царей и от дьяков,
От самодурств боярских.
Терпел и терпит. За него
Своей я грудью встану,
Благословенья твоего
Прошу и не отстану,
Пока не дашь. Или скажи,
Что слово мое лживо,
Что я неправ, мне докажи,
Тогда свершится диво:
Надев монашеский клобук,
С тобой пойду молиться,
Вериги дам для этих рук,
Что знают только биться.
Ну, что? Неправду я сказал?
Народ наш сыт? Доволен?
Его никто не угнетал?

Ну, что, он счастлив? Волен?
Привстал седой монах,
Его глаза блестели
И на трепещущих руках
Вериги загремели:
— Не след бы мне. Не тот мой сан...
И ложь мне не годится...
Что мне сказать?..
...Ты прав, Степан,
Иди за волю биться.

Также рукою Гиляровского приписан новый вариант концовки поэмы, более социально острый:

И напомнил, что пожил не даром,
А всего совершить хоть не мог,
Так свободу широким пожаром
В сердце рабском впервые зажег.

Эти стихотворные приписки позволяют сделать более широкие выводы об идейном, революционном влиянии между русским и сербским народами. Нас связывает с сербами не только кровное родство славянских народов, не только единство наших культур. Нас объединяет еще более сильная связь: общность идей, задач и целей.

Просматривая автографы, можно заметить забавную манеру некоторых дарителей. Известный историк литературы Н. А. Котляревский дарил свои книги друзьям обычно с такой надписью: «Из книг Владимира Ивановича Саитова. Н. Котляревский», «Из книг Владимира Васильевича Стасова. Н. Котляревский». Причем слово «Из книг» на обложке было уже набрано типографским способом.

Особое место в фондах Публичной библиотеки занимают книги с автографами, поступившие от А. М. Горького. В разные годы он подарил библиотеке 209 книг, из них более 40 с автографами — дарственными надписями Горькому. Это переводы его произведений на другие языки, книги о творчестве Горького и др. Они раскрывают отношения дарителей и писателя, уточняют отдельные биографические моменты. Приведем хотя бы некоторые из них. Шведский литератор Р. Линдквист оставил свои надписи на 4 книгах. На книге рассказов Горького, переведенных им на шведский язык, написано по-русски: «Максиму Горькому — певцу сокола — от переводчика». На шведской хрестоматии «Молодая Россия» стоит надпись: «Последнему завоевателю Финляндии,

великому русскому писателю Максиму Горькому от Переводителя». По всей вероятности, книга была подарена в память о совместном пребывании в Гельсингфорсе в 1906 году, где русскому писателю был оказан восторженный прием.

Среди принадлежавших Горькому книг — сочинения с автографами Стефана Цвейга, Эптона Синклера, Грегорио Мартинеса Сьерра и других писателей. На трагедии С. Цвейга «Иеремия», осуждающей империалистическую бойню и призывающей воюющие страны к миру,— дарственная надпись на немецком языке: «Максиму Горькому. Эта книга против войны, вышедшая во время войны». А так как подаренное издание вышло в свет в 1920 году, рукою Цвейга на обороте титульного листа отмечено: «первое издание было в 1917 г.» Легенда Цвейга «Глаза вечного брата» имеет следующее дарственное обращение также на немецком языке: «Максиму Горькому — доброму и справедливому эта легенда о справедливости. Стефан Цвейг. 1923». Любопытно, что другой экземпляр этой же книги хранится в личном архиве Горького в Москве также с автографом Цвейга: «Максиму Горькому. Маленькую книгу с большой любовью. Стефан Цвейг». Именно об этой книге писал Цвейг Горькому 9 марта 1925 года: «Посылаю Вам мою маленькую книжку-легенду. Если у Вас нет времени, то не читайте ее. Я буду уже счастлив при одной мысли, что книга была в Ваших руках»[52]. Так, в дарственных надписях отразилось глубокое уважение австрийского писателя к его русскому современнику.

По свидетельству Эптона Синклера, творчество Горького оказало на него большое влияние. «Он научил меня понимать, что великая литература вырастает из борьбы бедных и обездоленных»,— писал Синклер[53]. На большинстве его книг («Книга жизни, ума и тела», «Крик правосудия», «Ад», «100%», «Выгоды религии») лаконичная подпись на английском языке: «Максиму Горькому от Эптона Синклера» и только на книге «Гусиный шаг» иная надпись: «Максиму Горькому с искренним уважением. Эптон Синклер».

В 1922 году в Бельгии была издана книга на немецком языке под заглавием «Нашим маленьким русским братьям! Дар западноевропейских писателей и художников нуждающимся детям в голодающих районах России». Книга явилась ответом на обращение М. Горького

в 1921 году к гражданам мира с призывом оказать помощь пострадавшему от неурожая населению России хлебом и медикаментами. В книге приняли участие 67 писателей, поэтов, художников. Среди них А. Барбюс, Д. Голсуорси, Б. Келлерман, С. Лагерлеф, Г. Манн, Р. Роллан, С. Цвейг, А. Франс и др. На книге имеется дарственная надпись составительницы на немецком языке: «Великолепному товарищу Максиму Горькому этот труд как вечно живущее свидетельство солидарности западноевропейской интеллигенции с его и нашими чудесными русскими братьями. С глубоким уважением Маргарита Бинц. Сентябрь 1922».

На разных языках написаны книги о творчестве Горького, на разных языках сделаны и дарственные надписи. На переплетенном оттиске из журнала «Правда» (1905, № 2—4, с. 119—139) статьи А. А. Дивильковского «Максим Горький. Критический очерк» есть надпись автора: «Максиму Горькому — „твоя от твоих“ почтительное жертвоприношение его Гению от первых плодов нового пера. Хорошему человеку Алексею Максимовичу Пешкову. Товарищ-автор. Архангельск, 12 мая 1905». Горький в те годы поддерживал с Дивильковским, членом Петербургского комитета РСДРП, сосланным в Архангельск, постоянную связь и оказывал ему материальную помощь.

Из литературно-критических работ о Горьком следует назвать книгу аргентинского критика и историка литературы Александра Кастиньейраса «Максим Горький. (Жизнь и творчество)», изданную в Буэнос-Айресе в 1919 году, с надписью на испанском языке: «Максиму Горькому — гордости мировой литературы и прославленному борцу за великие и благородные идеалы справедливости, любви и мира. Горячо преданный А. Кастиньейрас 15. 5. 1922».

Изучение книг с автографами, адресованными А. М. Горькому, позволяет, как видим, значительно расширить представление о литературных и политических контактах великого писателя, о его связях со своими современниками. Это можно сказать и об очень многих других книгах с автографами, хранящимися в Публичной библиотеке. Надписи, помещенные на этих книгах, придают им двойную ценность и привлекают к ним особое внимание библиотекарей, раскрывающих их содержание.

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ АЛЬМАНАХОВ

> **Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах.**
>
> А. С. Пушкин

Литературные сборники и альманахи в Публичной библиотеке собраны в одну коллекцию. Это собрание довольно значительно по числу представленных в нем изданий. О некоторых из них и пойдет речь в этом очерке.

В русской книжности альманахи и литературные сборники известны еще с рукописного периода. «Изборники» XI века, «Цветники» XVI века — по форме несомненно сборники, составленные из разных произведений.

Когда-то в Западной Европе альманахи играли роль сувенира, преподносимого обычно к Новому году. У нас же искони альманах, по выражению одного из рецензентов журнала «Телескоп»,— «это ежегодная выставка литературы»[53а] или, как сказал литератор П. А. Плетнев,— «энциклопедическое эхо своего времени»[53б].

Устоявшегося определения книжного жанра — альманах — до сих пор нет. Объясняется это тем, что альманах — крайне зыбкая и многогранная книжная форма. Автор этих строчек полагает, что под альманахом или литературным сборником следует понимать собрание отдельных произведений нескольких авторов, объединенных общим издательским заглавием. Выход в свет альманаха не обусловлен никакой периодичностью.

В истории русской литературы были определенные периоды, когда альманахи и литературные сборники играли особенно важную роль: именно на их страницах в значительной мере находил отражение литературный процесс. И связано это было главным образом с цензурными трудностями, выпадающими на долю периодических изданий.

Одним из ранних русских сборников, хранящихся в Библиотеке, следует назвать изданный в 1787 году «Рас-

пускающийся цветок», составленный из сочинений и переводов воспитанников так называемого Благородного пансиона при Московском университете. Альманахи Н. М. Карамзина «Аглая» (М., 1794—1795. Кн. 1—2), «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (М., 1796—1799. Кн. 1—3) бережно хранятся в собрании Библиотеки.

Среди альманахов есть и редчайшее провинциальное издание XVIII века под названием «Цвет пчелам, мед женам, а сор дуракам» (Кострома, 1794). Оно любопытно и своим эпиграфом на заглавном листе:

Девица жениха, товар найдет купца,
А книга в обществе найдет себе чтеца.

В начале XIX века последователи А. Н. Радищева И. П. Пнин, А. Х. Востоков, И. М. Борн, В. В. Попугаев, сыновья покойного А. Н. Радищева — Василий и Николай, получившие в литературе наименование «поэтов-радищевцев», организовали «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств». Это общество издало несколько альманахов: «Свиток муз» (Спб., 1802—1803. Кн. 1—2), «Талия» (1807), «Ореады» (1809). Все они находятся на полках Публичной библиотеки. Но начало «альманачного периода» в русской литературе положил альманах писателей-декабристов А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева «Полярная звезда», о нем и обо всех изданиях декабристов мы уже рассказали ранее.

Альманахи 1820—1830-х годов ярко охарактеризовал Белинский. Вот что он писал: «Одни из альманахов были аристократами, как, например, «Северные цветы», «Альбом северных муз», «Денница»; другие — мещанами, как, например, «Невский альманах», «Урания», «Радуга», «Северная лира», «Альциона», «Царское село» и проч.; третьи — простым черным народом, как например, «Зимцерла», «Цефей», «Букет», «Комета» и т. п. Альманахов последнего разряда не перечтешь — так много их. Аристократические альманахи украшались стихами Пушкина, Жуковского и щеголяли стихами гг. Баратынского, Языкова, Дельвига, Козлова, Подолинского, Туманского, Ознобишина, Ф. Глинки, Хомякова и других модных тогда поэтов. Эти альманахи издавались или известными литераторами, или людьми, имевшими большие и прочные литературные связи,— и потому все знаменитости охотно снабжали их своими произведениями;

сочинения же посредственные или плохие попадали туда для балласта. Альманахи-мещане преимущественно наполнялись изделиями сочинителей средней руки и только для обеспечения успеха щеголяли несколькими пьесками, вымоленными у Пушкина и других знаменитостей <...> Альманахи-мужики наполнялись стряпнею сочинителей пятнадцатого класса, горемык, которые за удовольствие видеть себя в печати готовы были платить деньги»[54]. Читатель извинит нам такую длинную цитату, но короче и красочнее трудно охарактеризовать «альманачный период».

Из альманахов пушкинской поры назовем «Северные цветы» (Спб., 1825—1832. Кн. 1—8), издаваемый А. А. Дельвигом. После «Полярной звезды» — это лучший русский альманах. Последняя книжка «Северных цветов» на 1832 год после смерти Дельвига была издана Пушкиным.

В «Северных цветах» печатались Пушкин, Баратынский, Ф. Глинка, Крылов, Козлов, Жуковский, Вяземский, Языков, Батюшков, Дельвиг, Гнедич и др.

В 30-х годах XIX века альманах стал коммерческим предприятием. В сатирических сценах «Альманашник» (1830) Пушкин высмеивает способ «приготовления» подобных изданий: «...выпроси у наших литераторов по нескольку пьес, кой-что перепечатай, сам выдумай заглавие, закажи в долг виньетку, да и тисни с богом»[54а].

К началу 40-х годов увлечение альманахами резко упало. Возросший интерес к прозе повысил роль «толстых» журналов. Но Николай I запретил издание новых журналов. Издатели вынуждены были прибегнуть к выпуску «толстых» сборников литературных произведений. Из сборников этого периода следует назвать сборники молодых, демократически настроенных писателей, представителей так называемой натуральной школы. Среди подобных сборников в Публичной библиотеке можно увидеть «Наши списанные с натуры русскими» (Спб., 1841); вышедшие под редакцией Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга» (Спб., 1844—1845, ч. 1—2) и «Петербургский сборник» (Спб., 1846). Они имели громадный успех, особенно «Петербургский сборник».

Внешним своим оформлением сборники отличались от альманахов 1820—1830-х годов. Это были книги большого формата (in 8°), солидные по объему (в среднем около 300 страниц), содержащие кроме литературного

критический и публицистический материал. Оформлялись они крупнейшими художниками того времени: А. А. Агиным, Р. К. Жуковским, Е. И. Ковригиным и В. Ф. Тиммом. После 40-х годов альманах в основном сошел со сцены вплоть до начала XX века.

В начале XX века альманахи вновь заявили о себе. Этому в значительной степени способствовали существовавшие в те времена цензурные законы. Выпускать альманахи было значительно проще и легче, чем любое периодическое издание и брошюру. Журналы и брошюры должны были проходить предварительную цензуру. Поэтому часто книжки гибли, не увидев света. Изобретательные издатели умудрялись перехитрить цензуру, используя для усыпления «недремлющего ока» форму альманаха-сборника. Под видом сборника издавались книги-конволюты, то есть различные брошюры, объединенные одним названием и обложкой; отдельные номера журналов и газет.

В Публичной библиотеке хранится книга, на титульном листе которой стоит: «Повести, рассказы и стихотворения. Читается с увлечением» (4-е изд. Спб., 1911). Здесь все не соответствует действительности: содержание не соответствует заглавию и четвертое издание вымышлено, чтобы отвлечь внимание цензора. Книга вышла только первым изданием и состояла из двух анонимных брошюр. Первая представляла собой публицистический очерк о несостоятельности существующего в России государственного строя, а второй была пьеса А. В. Луначарского — «Королевский брадобрей», в которой автор показал моральную несостоятельность носителя верховной власти.

Кроме преимуществ при прохождении цензуры, сама организация издания альманаха была значительно проще, нежели организация журнала, требующая постоянного состава сотрудников — специалистов по различным отраслям знаний, читателей-подписчиков; выход в свет регламентировался строгими сроками. Альманахи и литературные сборники превращались в трибуны, с которых представители того или иного литературного направления, той или иной литературной группировки провозглашали свои эстетические, а через них и общественно-политические взгляды.

В начале XX века продолжало развиваться возникшее еще в 60-е годы прошлого столетия так называемое

суриковское течение в литературе. Представители этого направления в большинстве своем были самоучками, по социальному положению крестьяне и рабочие. Основными представителями этого литературного направления были Л. М. Леонов, П. А. Травин, Ф. С. Шкулев, Е. Е. Нечаев и др. Вся эта группа писателей в историю литературы вошла под именем «писателей из народа». Территориальным центром «писателей из народа» была Москва. Здесь в 1902 году образовался «Товарищеский кружок писателей из народа». Все сборники, изданные этим кружком: «Малое Великим» (1902), «Молодые всходы» (1903), «Литературный сборник памяти Н. А. Некрасова» (1903), «К заветной цели» (1904), «Народные досуги» (1905) и «Под красным знаменем» (1905),— бережно хранятся в Публичной библиотеке. Сборники писателей-самоучек выходили и в провинции — в Нижнем Новгороде, Перми, Суздале. Внешний вид сборников был очень скромен: небольшие по объему книжки в тонкой цветной обложке. Расходились они быстро и в настоящее время представляют библиографическую редкость.

В конце XIX века в литературе возникло новое литературное течение — символизм. Его печатным органом стал альманах «Северные цветы», выпускаемый московским книгоиздательством «Скорпион». Творцом и идейным вдохновителем этого альманаха являлся В. Я. Брюсов. С 1901 по 1911 год было издано пять альманахов. Как видим, название для альманаха символисты заимствовали у альманаха Дельвига. Отдавая дань альманаху пушкинской поры, Брюсов печатал в своих альманахах письма Пушкина, Тютчева, Фета, Некрасова, Тургенева. Первый выпуск, выходивший под знаком восстановления традиции, был и внешне оформлен в стиле альманахов той эпохи. Остальные книги «Северных цветов» были уже оформлены в ином ключе. Альманахи символистов благодаря участию в их оформлении талантливых художников выгодно отличались своей внешностью от других альманахов того же периода.

В годы реакции, наступившей после поражения первой русской революции, некоторые писатели-реалисты, участники многочисленных альманахов и сборников, отказались от традиций русского критического реализма. Все сильнее в их творчество просачивались элементы мистики, эротики.

Наиболее ярким явлением в буржуазной литературе были «Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповник"», выходившие с 1907 по 1917 год включительно. Всего вышло 26 альманахов. Ведущая роль в альманахах принадлежала Л. Андрееву. В них опубликованы «Жизнь человека», «Тьма», «Рассказ о семи повешенных», «Мои записки», «Черные маски», «Сашка Жегулев» и др. (всего 17 произведений).

С альманахами «Шиповника» соперничали сборники «Земля», которые воспринимались современниками как московская вариация петербургского «Шиповника». С 1908 по 1917 год включительно вышло 20 выпусков сборников «Земля». Тон сборникам задавали произведения М. Арцыбашева, прославившегося своими пасквилями на революцию 1905 года.

В центре литературной борьбы первого десятилетия XX века возвышаются Сборники товарищества «Знание», инициатором и идейным руководителем которых был Горький. С 1904-го по 1913 год вышло 40 выпусков. Показывая революционную борьбу пробудившихся масс, сборники «Знания» тем самым служили делу революции. В этом их прогрессивная роль и большое историческое значение. Лучшие свои произведения тех лет Горький опубликовал в сборниках «Знания» («Враги», «Мать», «Лето», «Последние»).

Объединив вокруг себя передовых, демократически настроенных писателей-реалистов (А. С. Серафимович, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский, А. И. Куприн, Е. Н. Чириков и др.), «лучшие силы художественной литературы»[54б], и тем самым возглавив демократический литературный лагерь, сборники «Знания» сыграли большую роль в воспитании общественного самосознания среди широких слоев читателей.

Под редакцией Горького в издательстве «Прибой» в 1914 году вышел «Первый сборник пролетарских писателей», заполненный произведениями сотрудников «Правды».

Судьбе было угодно так распорядиться, что все эти альманахи и сборники начала XX века на книжной полке стоят почти рядом как немые свидетели некогда бурных литературных схваток.

Перед Великой Октябрьской социалистической революцией стали выходить тоненькие книжонки-сборники акмеистов, футуристов. Сейчас они очень редки, так как

издавались тиражом в несколько десятков экземпляров, реже — в сотни. В Библиотеке хранятся «Вернисаж» (М., 1913), «Дохлая луна» (М., 1913), «Каблук футуриста» (М., 1914), «Крематорий здравомыслия» (М., 1913), «Руконог» (М., 1914), «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913), «Садок судей» (Вып. 1—2, Спб., 1913) и др.

Первое советское десятилетие характеризуется множеством литературных групп и группочек — ничевоки, коекаки, футуристы, акмеисты, имажинисты, презентисты, неоклассики, которые спорят и ссорятся между собою на страницах издаваемых ими альманахов и литературных сборников (Собачий ящик. М., 1922; Харчевня зорь. М., 1920; Звездный бык. М., 1921; Конница бурь. М., 1920; Конский сад. М., 1922; Плавильня слов. М., 1920; В кибитке вдохновенья. Пг., 1923 и др.). Особенно активен был Пролеткульт, объединяющий молодых поэтов и писателей, провозгласивший о разрыве с традициями классического наследия и о создании новой, так называемой пролетарской культуры. Их сборники и альманахи выходили не только в центральных, но и во многих провинциальных городах страны. Эти сборники составляют более 90% всех изданных в то время сборников художественных произведений. В нашей коллекции есть, например, «Альманах Пролеткульта» (М., 1925), «Взмахи» (Саратов, 1919), «Звено» (Петропавловск, 1926), «Красная земля» (Харьков, 1925), «Молот» (Тула, 1921) и многие другие.

Многочисленные литературные группировки и объединения конца 1920-х — начала 1930-х годов, стремясь выявить свое творческое лицо и свои литературно-критические взгляды, также прибегали к изданию альманахов и литературных сборников. Издавала свои сборники группа «Перевал» («Перевал», «Ровесники»), группа конструктивистов («Бизнес»), Леф («Турнир поэтов»). Вокруг альманахов «Недра» (М., 1923—1931, вып. 1—20) объединились писатели-попутчики. Московская ассоциация пролетарских писателей издавала под редакцией Ф. В. Гладкова альманах «Земля и Фабрика» (1928—1931. Кн. 1—13).

С целью мобилизации литературных сил трудящихся Российская ассоциация пролетарских писателей обратилась с призывом: «Ударников в литературу!» Вскоре на заводах и новостройках, в совхозах, колхозах, МТС, при

редакциях журналов и издательств возникли многочисленные литературные группы и кружки, выпустившие сотни сборников и альманахов. Участниками их были рабочие-ударники, рабкоры, селькоры, военкоры. О темах красноречиво говорят заглавия сборников коллекции: «Дело чести, славы, доблести, геройства» (Новосибирск, 1931), «Ударники литературы» (Москва; Самара, 1931), «О новых людях» (М., 1931), «Колхозный призыв» (Бузулук, 1931), «Бригадир горячего цеха» (Ростов-на-Дону, 1932) и многие, многие другие. Рабочие-ударники и колхозники, впервые приобщавшиеся к литературной работе, в большинстве своем еще слабо владели приемами литературной техники. Однако руководство РАПП, занявшее в эти годы неправильную позицию по отношению к писателям, не входящим в ее состав, безудержно захваливало произведения рабочих-ударников. Считая, что только рабочие могут создать подлинную пролетарскую литературу, построить «Магнитострой литературы», РАПП противопоставляла их профессиональным литераторам. Выдвинув лозунг «Ударник — центральная фигура литературы», руководители РАПП полагали, что литература должна стать художественной популяризацией технических знаний, художественные произведения должны заменить производственные инструкции и директивы.

Партийность того или иного писателя рапповцы определяли не по идейному содержанию произведений, а по социальному происхождению, что неизбежно вело к групповщине и взаимной вражде.

23 апреля 1932 года специальным постановлением ЦК партии РАПП была ликвидирована и после первого Всесоюзного съезда писателей (1934) был создан единый Союз советских писателей, возглавляемый Максимом Горьким.

Литература в 30-х годах XX века развивалась по двум встречным направлениям: с одной стороны, ударники и колхозники шли в литературу, с другой — писатели шли в гущу борьбы рабочих масс за выполнение и перевыполнение промфинплана, за пятилетку в четыре года.

В начале 30-х годов по инициативе Горького возникает новый тип сборников, связанный с историей фабрик и заводов и историей гражданской войны (Люди Сталинградского тракторного. М., 1933; Были горы Высо-

кой. М., 1935; Повести минувшего. Л., 1937 и многие другие).

Большое место с середины 30-х годов стали занимать сборники и альманахи, посвященные национальным литературам Советского Союза.

С 1933 года под редакцией М. Горького начинает выходить альманах «Год шестнадцатый», названный так в честь шестнадцатого года Советской власти. В дальнейшем альманах получал свое заглавие в соответствии с очередной датой существования Советского государства. Выходил альманах с 1933 по 1939 год с различной периодичностью: по два, три, четыре выпуска в год. Всего вышло 16 книг.

В настоящее время не исчезла «альманачная» традиция издания книг. Но ею пользуются главным образом для выпуска произведений молодых писателей и поэтов; сборников, посвященных определенной дате, знаменательному событию, дням поэзии и т. п.

Вся история русской и советской литературы прослеживается в библиотечных альманахах и литературных сборниках. И благодаря форматно-хронологической расстановке стоят они на полках Публичной библиотеки рядом — друзья и враги, свидетели жарких словесных битв, побежденные и победители... У каждой книги есть своя судьба!

НАД СТРАНИЦАМИ ГАЗЕТ

Газета —
это
не чтенье от скуки;
газетой
с республики
грязь скребете;
газета —
наши глаза
и руки,
помощь
ежедневная
в ежедневной работе.

В. Маяковский

Газеты пишут «историю современности» (В. И. Ленин). Газетой начинается наш день. Газета информирует, пропагандирует, просвещает, полемизирует, критикует. Современный человек не может обойтись без газеты. Сейчас вы знакомитесь с газетой повсюду: дома, на улице, на работе. Нет ни одной библиотеки в стране, где бы не было подшивок и свежих газет. А представьте себе, что до революции вы не смогли бы прочитать свежую газету в Публичной библиотеке. По особому приказу администрации газеты выдавались читателю только для справок, не менее чем годичной давности, ибо считалось, что осведомление о текущих событиях не является задачей научной библиотеки. Сегодня вы сможете прочесть текущий номер центральных газет в любом читальном зале Библиотеки, с любой газетой за прежние годы вас познакомят в особом газетном отделе.

В Публичной библиотеке в настоящее время насчитывается свыше 525 000 единиц хранения газет на русском языке и языках народов СССР, практически на всех языках мира. А если счет вести в номерах, то их многие миллионы! Это одно из богатейших собраний газет в Советском Союзе, а фонд русских дореволюционных газет — самый полный в нашей стране и во всем мире.

История русской печатной газеты уже насчитывает более 280 лет. В Библиотеке сохранился комплект первой русской газеты «Ведомости о военных и иных делах». В нашем собрании — номер газеты от 2 января 1703 года. (По некоторым источникам первый номер газеты вышел 16 декабря 1702 года.) Основал газету

Петр I. Печаталась она на русском языке далеко не регулярно, по мере накопления материала. С января 1728 года издание перешло в руки Академии наук и стало называться «Санкт-Петербургские ведомости». Выходили они уже на русском и немецком языках. В 1960-х годах сотрудница Библиотеки Т. А. Быкова обнаружила в одном из столичных архивов полный годовой комплект «Петербургской газеты» на немецком языке, датированный 1727 годом. Это была первая в России регулярная газета, выходившая раз в неделю на восьми страницах.

О первой русской газете «Ведомости» мы уже рассказывали в очерке «В мире первых изданий». Скажем только, что «Ведомости» по своему содержанию были газетой для всех. Все последующие же газеты XVIII века и первой половины XIX века были обращены к образованному обществу.

В XVIII веке кроме петровских «Ведомостей» выходили еще две газеты: уже названные «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1728) и «Московские ведомости» (с 1756). В Библиотеке они представлены за все годы их существования. Из ведущих газет начала XIX века «Северная почта» (1809—1819), «Северная пчела» (1825—1864) также представлены за все годы издания. Эти газеты носили официозный характер. «Санкт-Петербургские ведомости» издавала Академия наук, «Московские ведомости» — Московский университет, «Северную почту» — департамент почт министерства внутренних дел. «Северную пчелу» возглавлял Ф. В. Булгарин, известный пропагандист монархической формулы: православие, самодержавие, народность. Русский читатель все политические новости, происходящие в стране и за рубежом, узнавал почти исключительно из газет. В газетах XVIII века отсутствовала всякая полемика, преобладал информационный тон, но все-таки и через строки официальных сообщений пробивались живые слова о культурных и политических событиях, в частности, о пугачевском движении, о деятельности Радищева.

В Публичной библиотеке можно ознакомиться с провинциальной жизнью России прошлого века, перелистав губернские ведомости, которые издавались с 1838 года в 40 губерниях.

Буржуазный характер реформ 1860-х годов дал небывалый толчок развитию газетного дела в России. С каждым десятилетием количество газет общественно-

политического характера все увеличивалось. Так, в 1860 году выходило 15 еженедельных газет (не считая губернских ведомостей), в 1870-м их было 36; в 1881-м — 83 газеты, а в 1895 году их стало уже 93.

Легальных демократических газет в XIX веке почти не было. В Публичной библиотеке сохранились комплекты нелегальных революционных газет народников: «Начало», «Земля и воля», «Народная воля», «Черный передел», «Рабочая газета», «Зерно».

Газеты XIX века выполняли и функцию культурно-просветительную. На их страницах можно встретить представителей русской науки и культуры (Д. И. Менделеев, В. В. Стасов, П. И. Чайковский и др.). Произведения Пушкина, И. Тургенева, Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Успенского, Достоевского, Короленко, Чехова, Горького широко печатались в газетах.

Создание местных, особенно национальных газет являлось важным культурно-историческим делом для страны.

В Библиотеке хранится «Самарская газета» (1895—1896), ставшая почти сразу библиографической редкостью, в которой Горький впервые опубликовал свои «Песнь о Соколе» и «Старуху Изергиль».

Все крупнейшие газеты XIX века представлены в фондах Публичной библиотеки.

В конце XIX века на политическую арену вышел рабочий класс. Ленин признавал громадную роль газет в политической борьбе. «Без политического органа,— писал он,— немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического»[55].

Публичная библиотека владеет богатым подбором газет, в которых Ленин принимал непосредственное участие. Все номера (с 1 по 51) первой общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра», изданные под редакцией Ленина, хранятся в 2-х и более экземплярах (1900—1903). Хорошо представлены и две другие нелегальные большевистские газеты — «Вперед» (дек. 1904— май 1905, полный комплект) и «Пролетарий» (май — ноябрь 1905; 23 номера из 26), к организации которых Ленин приступил после своего вынужденного ухода из редакции «Искры». Эти бесценные документы эпохи поступили в Публичную библиотеку из разных источников. Видная деятельница революционного движения Е. Д. Стасова регулярно высылала в адрес Библиотеки

своему дяде В. В. Стасову в 2-х экземплярах «Искру». Ее первые номера были в Библиотеке уже в конце 1902 года. Ленин также проявлял заботу о пополнении фонда «вольной русской печати» Библиотеки. Среди других большевистских изданий в 1909 году в дар Библиотеке он выслал комплект газеты «Пролетарий».

Первая русская революция 1905 года создала легальную социал-демократическую печать. Ценнейшей частью дореволюционного фонда являются легальные большевистские газеты. Среди них — первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», фактическим редактором которой был Ленин. В Библиотеке хранится полный комплект газеты, даже и последний, 28-й номер, вышедший уже нелегально 9 декабря 1905 года. Выходила «Новая жизнь» в Петербурге в 1905 году. Вслед за ней в Петербурге же появились «Волна», «Вперед», «Эхо», «Наше эхо», «Новый луч», которыми также непосредственно руководил Ленин. На их страницах опубликовано большое число ленинских статей и материалов.

Хорошо представлены и московские большевистские газеты этого периода: «Борьба», «Вперед», «Светоч», «Свободное слово», «Истина». Влияние этих небольших газет на народные массы было огромно, и о популярности их свидетельствует то, что очень мало сохранилось подобных газет: они зачитывались, что называется, до дыр. Что же касается провинциальных газет, то их остались считанные единицы: «Кавказский рабочий листок» (1905), «Донецкий колокол» (Луганск, 1906—1907), «Пчела» (Псков, 1906), «Самарская лука» (Самара, 1906), «Уральская газета» (Екатеринбург, 1907) и некоторые другие.

В Публичной библиотеке немало газет, которые не уцелели даже там, где они издавались. Это первые легальные большевистские газеты на армянском языке «Нор хоск» («Новое слово»), «Кайц» («Искра») со статьями С. Г. Шаумяна и С. С. Спандаряна, первые большевистские грузинские газеты «Ахали цховреба» («Новая жизнь», 1906), «Ахали дроеба» («Новое время», 1906—1907), «Дро» («Время», 1907), редчайшие монгольские газеты 1914—1918 годов.

Большую историческую ценность представляют полные комплекты легальных большевистских газет «Звезда» (1910—1912) и «Правда» (1912—1914), а также газеты периода подготовки и проведения Октябрьской со-

циалистической революции. Ленинская «Правда», возобновившая свое издание с 5 марта 1917 года, военная большевистская газета «Солдатская правда», издававшаяся с 15 апреля 1917 года, «Социал-демократ» — газета московских большевиков (с 7 марта 1917), а также ряд местных большевистских газет, в том числе «Донецкий пролетарий» (Луганск), «Окопная правда» (Рига), «Звезда» (Екатеринослав), «Красноярский рабочий» — все они выступали как агитаторы, пропагандисты и организаторы.

Фонд газет первых лет Советской власти — наиболее полный по сравнению с подобными фондами других библиотек. С исчерпывающей полнотой представлены у нас за все годы центральные газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Беднота» и др.

Газеты собрали вокруг себя большой актив рабселькоров, которых двигало и движет беспокойство за судьбу общего дела, чувство причастности ко всему происходящему, обостренное чувство ответственности. Вспомните слова Маяковского:

Да, у рабкоров
не робкий норов,
и взять на пушку
нельзя рабкоров.
Знаем печатного слова вес,
не устрашит
ни донос,
ни обрез.
Пишет рабкор.
Рабкор —
проводник
ленинских дел
и ленинских книг.
Пишет рабкор.
За рабкорами
скоро
в селах
родится
селькор за селькором.
Пишет рабкор!
Хватает стенгаз
лучше, чем пуля,
чем штык,
чем газ [56].

Советские газеты свято чтут требование Ленина: «Поменьше политической трескотни. Поближе к жизни», высказанное им еще в сентябре 1918 года в статье «О характере наших газет» (т. 37, с. 91). Газета активно

вмешивается в жизнь, бьет по недостаткам, помогая их исправить, определяет действительное место явлений в жизни.

Велика роль газеты в пропаганде лучших образцов поэзии и прозы среди народных масс.

Во время Великой Отечественной войны голос писателя был слышен всему советскому народу прежде всего с газетных полос. Разве забудутся когда-нибудь прекрасные статьи Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Ильи Эренбурга, Всеволода Вишневского, Мариэтты Шагинян?! Писатели, газетчики времен Великой Отечественной войны — коллективный летописец грандиозных событий.

Особое место в газетных фондах Публичной библиотеки занимают ленинградские газеты — «Петроградская-Ленинградская правда», «Красная газета», «Смена» и др.

Чрезвычайно интересным в Публичной библиотеке является собрание однодневных газет, многие из которых стали библиографической редкостью. В 1920 году в Самаре издана однодневная газета «Великий почин», посвященная коммунистическому субботнику. В 1924 году в Москве вышла однодневная газета «Ленин», посвященная памяти основателя Советского государства. В ней принимали участие различные литературные и общественные организации: Общество любителей русской словесности, «Кузница», Всероссийские союзы писателей, поэтов и крестьянских писателей. В годы борьбы с беспризорностью в Москве (1930) появилась однодневная газета «Не бейте детей», которая открывалась статьей Крупской «Не бейте!». Ряд однодневных газет посвящен писателям. Например — «Владимир Маяковский» (Ленинград, 1930, 24 апр.); «Дни советской литературы в Грузии» (Тбилиси, 1978, 27 окт.— 2 нояб.).

Горячий пульс жизни страны и всего мира особенно ощущается в газете: она приносит с собой дыхание событий, происходящих в разных концах нашей Родины и разных странах мира. Это хронометр времени. Все быстролетно и скоротечно в газетной жизни: номер живет всего один день. Но какая сила заложена в газете! Это высокая трибуна, с которой далеко слышно.

Ежегодно в фонды Публичной библиотеки поступает более восьми тысяч названий советских газет. Среди них всесоюзные, республиканские, областные, городские, рай-

онные газеты, газеты отраслевые, справочные, молодежные, однодневные, многотиражные. И все они на службе советского народа.

Из 89 стран, на 117 языках мира поступают в Публичную библиотеку различные газеты. Это, главным образом, газеты коммунистических, социалистических и рабочих партий. Так, газета «Юманите», основанная Жоресом еще в 1904 году как орган социалистической партии Франции, представлена в Библиотеке с 1905 года. Как известно, с 1920 года, со дня создания Коммунистической партии Франции, «Юманите» стала ее центральным органом. Газета английских коммунистов («Дейли уоркер», с 1966 — «Морнинг стар») имеется в Библиотеке с первых дней ее выхода (1930). Представительна подборка изданий Компартии Индии и Шри Ланки (18 названий).

В последние десятилетия к нам поступают газеты (как на европейских, так и на национальных языках) из развивающихся стран — Алжира, Бирмы, Ганы, Гватемалы, Кении, Конго, Нигерии, Новой Гвинеи, Сенегала и др.

Мы получаем также основные газеты капиталистических стран.

ОКНО ИЗ ЕВРОПЫ

Что не пройдет — останется,
А что пройдет — забудется...
Сидит Алена-Старица
В Москве на Вшивой улице

— так начинается замечательное стихотворение Дмитрия Кедрина о легендарной героине, водившей в бой полки Степана Разина. Подвиг ее был описан в «Сообщении касательно мятежа, недавно произведенного в Москве Стенькой Разиным». Анонимный автор этой брошюры, изданной в Лондоне в 1672 году, рассказал о «монахине в мужском платье», которая храбро сражалась с царскими войсками и за это «была сожжена на костре».

Однако, сопоставляя английскую брошюру с одновременно изданным голландским и немецким текстом этого «Сообщения», мы обнаруживаем расхождение между ними. По словам голландской и немецкой брошюр, местом казни Алены был не костер, а «струб» или, как они поясняют, «маленькое деревянное сооружение с четырьмя отверстиями и открытым верхом». Чья же версия правильнее? Найденная в архиве «отписка» царского воеводы Долгорукого подтверждает, что «вора старицу велели зжечь в срубе». Так сравнение нескольких иностранных текстов позволило выявить наиболее достоверные из них и использовать для изучения Великой крестьянской войны XVII века.

Все эти редчайшие брошюры находятся в составе коллекции «Россика», хранящейся в Публичной библиотеке. А рядом с ними стоят десятки тысяч других немецких, английских, французских, итальянских, польских, чешских, голландских, шведских, испанских, португальских изданий, посвященных историческому прошлому нашей страны.

Более ста лет существует в Публичной библиотеке «Россика» (Rossica). Создание ее предусматривалось программой превращения Библиотеки в национальное

книгохранилище, в котором будет храниться не только «все напечатанное в России от введения у нас книгопечатания», но и «все напечатанное когда бы то ни было на всех языках мира о России»[56а]. Задача эта была очень сложной, и Библиотека с полным правом могла впоследствии утверждать, что «история сношений, письменных и личных поисков, поездок, пожертвований, библиофильских стратагем и ратоборства, посреди которых велось и постепенно устраивалось дело комплектования „Россики", могла бы наполнить собою целую книгу»[57].

По словам одного из основателей «Россики» — В. И. Собольщикова, «была пробита тревога по всей Европе и даже Америке». «Ни одна старая книга, относящаяся почему бы то ни было к России,— писал он,— не ускользает от заинтересованного взгляда комиссионеров библиотеки, и где бы она ни появилась в продаже, ее тотчас покупают и шлют в библиотеку»[58].

Впрочем, не доверяя капризам книжного рынка, Библиотека обратилась с призывом о помощи в создании «Россики» к собирателям и книгохранилищам разных стран.

Сотни русских и иностранных ученых сразу же поддержали этот почин, прислав уникальные издания, дрезденская и стокгольмская библиотеки поделились дублетами старинных брошюр и официальных актов.

Не забыли и отечественных коллекционеров. Тогдашний директор Публичной библиотеки М. А. Корф в одном из писем своему помощнику В. Ф. Одоевскому просил его «уговорить ленивого и беспечного мецената Вильегорского к открытию нам своих „Россик", где могут оказаться чудеса невиданные и неслыханные, осужденные без того на истление»[59].

Мы не знаем, удалось ли тогда добиться желаемого, но многое удавалось, и том за томом, брошюра за брошюрой вставали на полки шкафов, занятых огромной коллекцией.

Уже через несколько десятилетий после ее основания историк В. А. Бильбасов отмечал, что «ученые труды по отечественной истории невозможны без пособий, предлагаемых богатым собранием „Россика"»[60]. Часто обращался к «Россике» Л. Н. Толстой. Так, во время работы над «Хаджи-Муратом» он запрашивает Стасова: «...нет ли иностранных историй Николая с отрицательным отно-

шением к нему?» и получает из Библиотеки целую партию книг «с оппозицией по биографии Николая I»[61].

Среди ста пятидесяти тысяч изданий, составляющих ныне эту коллекцию, немало бесценных книг и брошюр. Расскажем хотя бы о нескольких из них.

...Девятого ноября 1633 года из немецкого порта Травемюнде вышел в плавание корабль «Фортуна». Среди многолюдной толпы, собравшейся на берегу, выделялась кучка людей в строгих нарядах: профессора Лейпцигского университета провожали своего молодого коллегу Адама Олеария.

Перед самым отплытием корабля появился запыхавшийся гонец с пачкой брошюр, еще пахнувших типографской краской. Вот она, перед нами, эта брошюра — несколько пожелтевших листков с напутственными пожеланиями и стихами. Торжественным гекзаметром ректора Лейпцигского университета Филиппа Мюллера выражены общие мысли авторов:

> В путь отправляешься ныне в страну ледяную
> К дальним Рифейским горам и к замерзшему
> Океану...

Далекие, неведомые, ледяные края... Такой казалась современникам Олеария тогдашняя Московия.

Но к середине XVII века представление о России во многих европейских странах существенно изменилось. И важную роль в этом сыграла книга Олеария о его путешествиях, ставшая одним из главных источников знаний о Московском государстве в странах Западной Европы. Многие стороны русской жизни того времени предстали под пером Олеария необыкновенно живо, и недаром академик М. Н. Тихомиров утверждал, что «работа Олеария по точности, подробности и ясности изложения не имеет себе равных»[62].

Собранные в Публичной библиотеке немецкие издания этого труда, огромные фолианты с его английскими и французскими переводами, аккуратные итальянские и голландские томики дают представление не только о судьбе сочинения ученого голштинца, но и о самих владельцах этих книг.

На одном из экземпляров первого издания пометка: «Эту книгу я получил в подарок от Иеронима Имхоффа, моего родственника, сопровождавшего посольство в Московию и в Персию». Иероним Имхофф — один из спутников Олеария, посвятивший ему — от имени читате-

лей — стихотворную здравицу, напечатанную тут же в книге:

Плоды твоих трудов пред нами заблистали:
Благодаря тебе мы Персию узнали,
Увидели мы въявь и руссов и татар,
И славу воздаем тебе за этот дар...

Как видим, «нюренбергский дворянин И. Имхофф» (так подписан один из его портретов) не только славословил Олеария, но и способствовал распространению его книги.

Французский экземпляр Олеария принадлежал некогда Вольтеру, покрывшему поля книги своими пометами. Некоторые суждения автора Вольтер одобрял, но когда тот стал злоупотреблять библейскими цитатами, на полях появилась гневная запись, именующая Олеария «напыщенным ханжой».

Один из томов этой книги попал в Россию еще в XVII веке. Почерком того времени вписан русский перевод заголовков («Турский посол в Москве славно принят», «Великое изхождение, на котором патриарх и великий князь сами присущи были»). А еще через сто с лишним лет этот том оказался в руках барнаульского горного инженера Петра Козмича Фролова, на совесть отремонтировавшего обветшавшее издание и собственноручно нарисовавшего копию утраченного портрета Олеария. Если бы не водяные знаки на бумаге («1812 год») и не скромная подпись в углу восстановленного портрета, трудно было бы догадаться о необычайной истории этой книги.

...А вот поэма на фантастическом «немецко-французском языке», изданная в 1735 году заезжим искателем приключений Иоганном-Христианом Тремером, посетившим Петербург и составившим первое поэтическое описание его достопримечательностей. С немецкой обстоятельностью и с французской игривостью поэт описывает Петропавловскую крепость и Адмиралтейство, Литейный двор и Академию наук:

Что в Академии я видел — и не счесть:
Во-первых, восковой портрет царя здесь есть,
А также кабинет сокровищ и диковин,
С которыми в цене ничто не станет вровень.
Там Господин отец всех глобусов стоит —
Настолько же велик — насколь и знаменит.

Очень интересно описание разводного моста через Неву:

Как только Ладога в Неву отправит лед,
Мост скажет всем: адье! — и к берегам уйдет.
Но лед пройдет, и мост с веселым летом вместе
Окажется опять на том же самом месте [63].

В нашей Библиотеке хранится редчайший экземпляр этой поэмы, впервые изданной Петербургской Академией наук, а также позднейшие переиздания стихов Тремера в Лейпциге и в других немецких городах.

Когда в 1812 году началась война с Наполеоном, директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин писал: «Настоящее время требует особенного попечения о собрании сколь возможно полнейших сведений о нынешней войне, ибо война сия будет без сомнения знаменитейшая в летописях мира» [64]. В «Россике» хранится свыше тысячи иностранных книг, брошюр и листовок об Отечественной войне, включая экземпляр приказа Наполеона о вторжении в Россию. Среди них — сочинения публицистического характера, отстаивающие позиции обеих воюющих сторон; профранцузская книжка «Океанократы и их сторонники, или Война с Россией» и антинаполеоновская брошюра русского консула в Бостоне А. Г. Евстафьева «Ресурсы России», написанная на английском языке и изданная в Соединенных Штатах Америки. Она пользовалась тогда большим спросом и выдавалась читателям по 100—200 раз ежегодно. Не меньшим спросом пользовались немецкие и английские памфлеты, описывающие бесславное бегство Наполеона из России и гибель его «великой армии».

Каждое событие в истории России вызывало появление иностранных изданий, порою пересказывавших русские источники, но порою содержавших важные дополнительные факты. Просматривая полки «Россики», находишь немало книг, названия которых напоминают о делах и днях прошлого столетия. Вот французские издания 1861 года: «Подлинная революция и декретированная свобода в России», «Об освобождении крепостных крестьян». После выстрела Каракозова в Александра II появляется немецкая брошюра «Покушение 4 апреля 1866 г. и его значение для культурно-политического развития России», а в 1881 году вышла в свет целая серия английских, голландских, немецких книжек о влиянии убийства Александра II на состояние русского государства.

Особенно богат раздел коллекции, включающий издания 1905—1907 годов. Тогдашний заведующий отделени-

ем «Россики» А. И. Браудо стремился собрать все иностранные отклики на первую русскую революцию, отдавая предпочтение книгам, правдиво описывающим происходившие события. В те годы на полках «Россики» появились немецкие книги «Революция и возрождение России», «Москва в крови и в снегу», английские мемуары «Год в России», «Сцены русской революции» и многие другие.

Хорошо представлены в коллекции переводы литературных и научных сочинений русских авторов на иностранные языки. Правда, по вине фантазии переводчиков, не сразу поймешь, что под заглавием «Благородный разбойник» издатель выпустил в свет «Дубровского», а «Сезон на Кавказских водах» — это «Княжна Мэри». Но все же десятки изданий Пушкина, Тургенева, Чехова, сотни томов Л. Толстого на английском, французском, немецком, итальянском, шведском и других языках — свидетельство огромного интереса к русской литературе в зарубежных странах. Особенно ценны переводы книг Герцена, Чернышевского, Степняка-Кравчинского — ведь они зачастую осуществлялись с рукописей и выходили задолго до того, как удавалось напечатать русские оригиналы.

Наряду с собранием переводов в «Россике» хранится любопытная коллекция иностранных романов, повестей, пьес и стихотворений на сюжеты из русской жизни. Хотя художественные достоинства этих произведений зачастую невысоки, однако многие из них представляют и поныне историко-литературный интерес.

Разнообразие содержания «Россики» привлекает к ней внимание историков, литературоведов, писателей, географов. Академик Е. В. Тарле использовал десятки книг из этого собрания в своем исследовании о Крымской войне. В. Я. Шишков выписывал книги о Пугачеве и Екатерине II, О. Д. Форш — о Радищеве и его эпохе. Ученые из Прибалтики запрашивали издания Ливонского ордена и приказы шведских губернаторов Риги, грузинские этнографы просили прислать известия иностранных путешественников о народах Кавказа. Профессор Барбиери из Вероны наводил справки о книгах по экономике России в эпоху капитализма. Слава о ленинградской коллекции распространилась далеко за пределами нашей страны.

В последние десятилетия сбором иностранных изданий, посвященных СССР («Советика»), занимаются в основном московские библиотеки. Но и «Россика» иногда пополняется ценными материалами, причем порою со-

всем неожиданно. Летом 1962 года в «Неделе» было рассказано о находке в Симферополе забытого книжного фонда и в том числе нескольких иностранных брошюр о Петре I. По просьбе Публичной библиотеки ей были переданы эти брошюры, восполнившие один из пробелов в обширном собрании иностранной литературы о петровском времени.

Стасов писал когда-то с гордостью о том, что в Публичной библиотеке хранится «ни с чем не сравнимая коллекция сочинений о нашем Отечестве, напечатанных во всех краях света и на всевозможных бесчисленных языках» [65]. С тех пор эта коллекция приумножилась, и значение ее еще более возросло.

ВСЕМИРНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС

Сколько пользы происходит от географии человеческому роду, о том довольно известно.

М. В. Ломоносов

Если верить русским сказкам, то богатырей, отправляющихся в дальний путь, всегда на распутье встречал камень, на котором были высечены предостерегающие слова:

Пойдешь направо — конь падет,
налево — сгинешь сам!

Давно уже человечество избавлено от таких указателей, получив в свои руки географическую карту. Сейчас без карт нет дорог и путей. Карта применяется всюду: в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, геологических разведках, на транспорте, в учебе, культурной жизни, не говоря уже просто о путешествиях и туристских маршрутах.

С помощью карт вы сможете как бы совершить кругосветное путешествие, не покидая читального зала. Понимая картографические условные обозначения, вы никогда не заблудитесь на земной поверхности: вы легко сможете определить расстояния между населенными пунктами, какими путями сообщения они связаны, что там за климат и каков растительный и животный мир... Более того, карты расскажут вам о прошлом человека, о прошлом всей земли, укажут ее место в беспредельном небесном пространстве. Карты — это знания человечества о земле. Из поколения в поколение эти знания пополнялись и расширялись.

В Публичной библиотеке собраны географические карты, планы, картограммы, астрономические карты, атласы на русском и иностранных языках — около 140 тысяч. Это одно из крупнейших, наиболее разнообразных и полных картографических собраний в Советском Союзе.

Почти исчерпывающе в нем представлено собрание русских карт и атласов.

Русская картография имеет давнюю историю. Считают, что она зародилась сразу после ликвидации феодальной раздробленности Руси — во второй половине XV века. Но описания русских земель этой поры до нас не дошли. До XVIII века русские картографические произведения назывались чертежами. Поскольку точных съемок в России в то время еще не было, ориентиром на таких чертежах служили реки, расстояния по дорогам определяли по числу дней в пути и т. д.

Одним из ранних дошедших до нас памятников русской картографии является «Чертежная книга Сибири», составленная в 1696—1700 годах замечательным русским географом и картографом С. У. Ремезовым и его сыновьями. Издана она была Археографической Комиссией только в 1882 году. Несмотря на условность изображений, отсутствие градусной сетки, «Чертежная книга» впервые дала возможность представить обширную территорию России, течение рек, населенные пункты, сведения о населении Сибири.

XVIII век внес принципиально новое в русскую картографию: карты начали готовить на основе инструментальных съемок. Петр I открыл в Москве математико-навигационную школу, а в Петербурге — Морскую Академию, которые готовили топографов и картографов. В нашем фонде хранится более 800 карт того времени.

Планомерные съемочные работы начались в 1721 году, когда по указу Петра I первые геодезисты, как называли в то время топографов, были посланы в шесть губерний России. Их работами руководил замечательный человек своего времени И. К. Кириллов. Он задумал создать атлас в трех томах, по 120 листов каждый. Однако в тех условиях решение этой задачи оказалось практически невозможным. Ему удалось издать только 36 карт (1731—1734). До нашего времени сохранилось 3 экземпляра атласа, содержащих от 10 до 12 карт. В Публичной библиотеке хранится один экземпляр атласа из 10 карт.

Эпоху в деле географического изучения России составляет «Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненный по правилам Географическим и новейшим обсервациям, с приложенной притом генеральною картою Великия сея Империи, ста-

ранием и трудами императорской Академии наук» (1745). Впервые огромная территория России была изображена на картах на основе инструментальных съемок. Атлас содержит 19 карт. В качестве особого раздела дано «Наставление о сочинении ландкарт». Раскрашенные акварелью виньетки и рисунки вокруг титула карт дают представление о занятиях жителей каждой губернии. На картах указаны города, крепости, монастыри, остроги, зимовья, села, деревни, развалины, места сражений, заводы, степь, леса, «огонь выбрасывающие горы», болота, мосты, пороги, мели и т. п.

Однако это был, по выражению Ломоносова, «только первый опыт Российской географии» [65а].

Второй (по времени создания) большой настольный атлас Российской империи, отразивший административное устройство страны, изданный в 1792 году, также хранится в Публичной библиотеке. В конце 1796 года было введено новое административное деление, которое нашло отражение на картах измененного издания атласа, появившегося в 1800 году. Эти два атласа в историю науки вошли под названием атласов А. М. Вильбрехта — руководителя картографических работ.

С именем Петра I связано создание русских навигационных карт. Петр I стремился сделать Россию крупной морской державой. А это потребовало хорошего знания рек и морей. Стали проводить гидрографические съемки. В результате всех этих работ появился первый в мире печатный речной атлас — «Прилежное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря...», составленный адмиралом К. Крюйсом, изданный в Амстердаме в 1703—1704 годах (на русском и голландском языках). Интересно отметить, что одна из карт (лист 18-й) показывала проект соединения Волги с Доном! Но мечта Петра I была осуществлена только лишь в советское время. Атлас реки Дона составлен по русским съемкам. В работе над ним принимал участие сам Петр I.

Из 29 навигационных атласов, изданных в XVIII веке, 21 атлас посвящен Балтийскому морю. Самым фундаментальным трудом является атлас Балтийского моря А. И. Нагаева (1757). Его карты обладают большей полнотой сведений по сравнению с другими изданиями.

Среди карт начала XVIII века, изображающих отдельные местности, интересен географический «Чертеж Ижорской земли» с указанием деревень, дворов и погостов,

церквей, озер, рек с мельницами, корабельными пристанями будущей Петербургской губернии. Выполнен чертеж не позднее 1705 года, состоит из четырех листов. В нашем собрании сохранились два листа.

Определенных достижений в XVIII веке добилась учебная картография. Это объясняется тем, что Петр I провел школьную реформу, по которой кроме сети общеобразовательных школ появились специальные школы для подготовки работников управленческого аппарата, служащих на флоте и в армии.

Первые русские учебные атласы — «Атлас сочинений к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг» (Спб., 1737), «Атлас Российской империи, изданный для употребления юношества в 1794 году...» (Спб., 1794), по которому учились в XVIII веке, также представлены в наших фондах.

Всего в течение XVIII века было издано 20 учебных атласов.

Со второй половины XVIII века в России появляются региональные атласы.

Самым ранним произведением такого рода является атлас Оренбургского края «Ландкарты или чертежи географические...», законченный в 1755 году, а изданный только в 1880 году.

В Публичной библиотеке собраны самые различные по содержанию, назначению и форме карты XIX века. Особое место занимают карты и атласы, посвященные замечательным кругосветным путешествиям русских моряков и ученых, совершивших открытия в Ледовитом и Тихом океанах.

В 1803—1806 годах экспедиция в составе двух судов — «Надежда» и «Нева», под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского совершила кругосветное путешествие из Кронштадта к берегам восточной Азии и северо-западной Америки. Собранные во время путешествия материалы послужили основой для составления атласов. Через 20 лет после завершения путешествия И. Ф. Крузенштерн выпустил двухтомный атлас Южного моря (Тихого океана) (1824—1826). В течение 50 лет атлас Крузенштерна был единственным во всем мире пособием для плавания в Тихом океане. Этот атлас автор-мореплаватель лично преподнес Библиотеке.

В 1853 году капитан М. Д. Тебеньков подарил Библиотеке имевший в то время большой практический инте-

рес «Атлас северо-западных берегов Америки и островов Алиутских», литографированный в Новоархангельске (Русская Америка) на о. Ситке в 1852 году.

Замечательное картографическое произведение связано с историей открытия Антарктиды. В 1819—1821 годах было совершено на двух парусных шлюпках «Восток» и «Мирный» кругосветное плавание в Антарктиду. «Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена», вышедший в 1831 году, сыграл решающую роль в деле обоснования приоритета русских в открытии Антарктиды. Интересно, что на современных картах Антарктиды названия «Восток» и «Мирный» занимают почетное место.

Особый интерес представляет «Атлас Псковской губернии, изданный Псковским губернским землемером Ивановым» (1838). И. С. Иванов вошел в историю русской культуры как создатель достоверных изображений села Михайловского пушкинского времени. В Атласе кроме Генерального плана даны развернутые карты всех уездов Псковской губернии, на полях которых приведены сведения о количестве земли, торговле, промышленности и пр.

Любопытно, что характеристика Новоржева, данная землемером И. С. Ивановым, совпадает с характеристикой А. С. Пушкина. Вот что писал о Новоржеве Иванов: «По неудобности местоположения, болотистому, песчаному грунту и совершенного неимения главной городской потребности — скотного выгона, весьма малую имеет промышленность и не подает никакой надежды к своему благоустройству». А вот лаконично и поэтически об этом же сказал Пушкин:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего [66].

С 1859 года в Петербурге начало функционировать «Картографическое заведение А. А. Ильина», которое просуществовало до Великой Октябрьской социалистической революции и в 1918 году было реорганизовано в советское картографическое предприятие.

«Подробный атлас всех частей света», изданный А. А. Ильиным в 1882 году, справедливо считался в свое время одним из лучших изданий такого рода в мире. За-

менивший его «Большой всемирный атлас Маркса» (1905, 1909, 1916) под редакцией профессора Э. Ю. Петри и профессора Ю. М. Шокальского до настоящего времени является основным пособием при изучении географии дореволюционной России.

В XIX веке появилось большое число специальных картографических изданий: климатические, почвенные, геологические, экономические, этнографические, исторические карты, карты морских и сухопутных путей сообщения, планы городов, сражений и пр. Их также можно увидеть в Публичной библиотеке.

Одной из первых геологических карт нашей страны является «Геогностическая карта Европейской России и хребта Уральского...» (1845). В ее составлении наряду с другими принимал участие крупный английский геолог Р. И. Мурчисон, приглашенный в Россию для составления геологической карты России.

Гипсометрическая карта «Опыт изображения строения поверхности» (1889), составленная крупнейшим русским геодезистом А. А. Тилло, впервые установила истинное строение рельефа Европейской части России.

Примером почвенных карт могут служить карты, составленные основателем современного почвоведения и почвенной картографии В. В. Докучаевым.

К середине века начинает развиваться экономическая картография.

Первая большая экономическая карта, изданная в России,— «Карта промышленности Европейской России с показанием фабрик, заводов и промыслов, административных мест по мануфактурной части, главнейших ярмарок, водяных и сухопутных сообщений, портов, маяков, таможен, главнейших пристаней, карантинов и пр. ...» (1842).

Во второй половине XIX века появилось немало экономических атласов. Одним из них — «Статистическим атласом главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов» — пользовался В. И. Ленин при создании труда «Развитие капитализма в России».

Нельзя пройти мимо богатейшей коллекции планов Петербурга. 700 планов самого различного содержания дают возможность воссоздать историю нашего города.

Исключительно богато и разнообразно собрание советских картографических изданий, хранящихся в Публичной библиотеке.

В марте 1919 года В. И. Лениным был подписан декрет об учреждении Высшего геодезического управления (ныне Главное управление геодезии и картографии — ГУГК). В первые же послереволюционные годы Ленин выдвинул идею создания новых атласов республики и учебного мирового атласа, в котором предложил дать карты, иллюстрирующие основные противоречия эпохи империализма. Работы эти были начаты, но завершить их не удалось. Сохранились лишь отдельные листы так называемого «Атласа Кайсерова», которые были отпечатаны в 1920-х годах и теперь в единственном экземпляре находятся в Библиотеке.

Первым перспективным планом восстановления и развития народного хозяйства был план электрификации (ГОЭЛРО). На VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года демонстрировалась «Схематическая карта электрификации России», на которой были нанесены планируемые электростанции и показаны районы обслуживания электроэнергией. На этом же съезде были представлены и первые политико-административные карты, с указанием новых границ Советского государства.

Самым крупным картографическим произведением 30-х годов был Большой Советский атлас мира (БСАМ). Из трех планируемых томов вышло только два — помешала Великая Отечественная война (1937, 1940).

Начиная с 50-х годов в нашей стране создается ряд оригинальных картографических произведений, получивших мировое признание.

В 1954 году вышел большой справочный «Атлас мира».

Диплом I степени за художественное оформление и полиграфическое исполнение на Всесоюзном конкурсе книги в 1965 году получил «Физико-географический атлас мира» (1964). В атласе, состоящем из 250 многоцветных карт, обобщены огромные материалы, накопленные в области изучения природы земли в целом. В мировой географии до сих пор не было подобного атласа.

У нас в стране впервые в мире был создан двухтомный «Атлас Антарктики» (1966), где дается подробная характеристика природы и истории исследования южной полярной области земли. По существующему межправительственному «Договору об Антарктике» — район земного шара к югу от шестидесятой параллели южной широты

объявлен зоной, которая может быть использована только в мирных целях.

В 1980 году завершено издание трехтомного «Атласа океанов». Это фундаментальный научный труд, обобщающий современные знания о природных процессах и явлениях, протекающих в Мировом океане и в простирающейся над ним атмосфере.

Необычайно разнообразны по своей тематике создаваемые в нашей стране атласы, комплексно характеризующие как отечественную, так и зарубежную территорию, дающие разносторонние сведения об их природных особенностях, населении, экономическом и социальном положении.

В их числе следует назвать «Атлас развития хозяйства и культуры СССР», раскрывающий итоги полувекового развития Страны Советов (1967), «Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР» (1980), различные по своему назначению комплексные атласы республик, краев, областей СССР и др.

Высокую оценку ученых этнографов многих стран получил созданный Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая «Атлас народов мира» (1964). На его картах показано размещение на земном шаре около 1600 народностей.

За последнее время заметно развилась медицинская картография. Примером могут служить «Атлас санитарного состояния рек Волги, Камы и Урала», «Карта распространения сибирской язвы на фоне эрозии ландшафта» и др.

Карта является одним из наиболее важных и популярных видов наглядной агитации и пропаганды. Издаются карты, пропагандирующие решения съездов КПСС, достижения страны в народном хозяйстве, культуре и науке.

В 1970 году к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина впервые издан историко-биографический атлас «Ленин», в котором картографическими средствами раскрываются основные этапы его жизни и деятельности. В атлас включены разные типы карт: одни раскрывают жизненный путь Ленина, другие отражают содержание книг Ленина: «Развитие капитализма в России», «Империализм как высшая стадия развития капитализма» и др. Интересны обзорные карты и карты, раскрывающие претворение ленинских заветов в жизнь. Атлас прекрасно оформлен, легко читается и может быть широко использо-

ван в школах, вузах, в системе политического просвещения.

О природе, хозяйстве, культуре, населении, истории своей области, края вы сможете узнать из учебно-краеведческих атласов серии «Родной край». А если вы захотите совершить пешком или на автомобиле путешествия, вам придут на помощь туристские схемы, на которых художественными рисунками обозначены туристские объекты, маршруты.

В фонде Библиотеки собрано огромное количество самых различных тематических карт. В последние годы фонд стал пополняться особыми картами, изображающими нашу планету из космоса. Это начало космической картографии.

Исключительно по своему содержанию замечательное собрание репродукций древнейших картографических произведений. В фонде Библиотеки хранится первое издание репродукции португальца Сантарема, предпринятое им в 40-х годах XIX века, тираж которого почти весь погиб при кораблекрушении.

Ценнейшим в собрании репродукций является издание египетского ученого Юсуфа Камаля «Монумента картографика», воспроизводящее карту, нарисованную на саркофаге (X в. до н. э.). Карта выходила в свет выпусками в 1926—1951 годах тиражом в 100 экземпляров. В продажу она не поступала, а рассылалась Камалем в дар самым большим библиотекам. У нас хранится единственный в Советском Союзе экземпляр, состоящий из 16 выпусков-фолиантов.

Также единственное в Советском Союзе воспроизведение одного из древнейших списков географии античного ученого, жившего во II веке н. э. Клавдия Птоломея (изданное в 1932 году в Лейдене в 8 т. и с 27 приложенными к нему картами) хранится у нас.

Большую ценность Библиотеки представляет ее коллекция иностранных атласов XVI—XVIII веков. В Советском Союзе она уникальна (их около 800 томов). Здесь более 30 различных изданий знаменитого атласа «Зрелище шара земного» фламандского картографа Ортелия. Из 42 изданий атласа (с 1570 по 1612) в Публичной библиотеке —33.

Широко представлены работы другого крупнейшего фламандского картографа Г. Меркатора. Среди них и сборник карт, изданный в 1595 году, впервые получивший

название «атлас»: «Атлас, или космографические размышления о сотворении мира и вид сотворенного».

Любопытен морской атлас, составленный штурманом Лукой Вагнером в Амстердаме в 1584 году. В Библиотеке хранится его немецкий перевод (1589) в кожаном переплете с золотым тиснением и экслибрисом с датой — 1594 год.

В некоторые экземпляры старинных иностранных атласов прежними владельцами вплетены уникальные карты. Например, атлас Меркатора, изданный в 1619 году, включает карту России 1613 года.

Иностранные картографические фонды располагают значительным числом немецких, английских, французских, итальянских и других картографических изданий XIX—XX веков.

В области картографии наша страна сотрудничает с другими странами. Наши ученые принимают участие в создании, например, «Карты мира», «Тектонической карты Европы», «Карты угленакопления» и др.

Среди зарубежных общегеографических карт, являющихся наиболее полными, в библиотеке хранятся «The Times atlas of the World» (т. 1—5, Лондон, 1955—1958), Итальянский атлас Туристского клуба (Милан, 1968) и др.

Основным направлением развития мировой картографии в настоящее время является создание национальных атласов — капитальных научных произведений, содержащих современные, обобщенные сведения по физической, экономической, политической географии соответствующей страны.

Среди национальных атласов капиталистических стран одним из наиболее интересных является атлас Великобритании — «The Atlas of Britain and Northern Irland» (1963).

В ознаменование десятой годовщины революции в содружестве с советскими учеными создан Национальный атлас Кубы (Гавана, 1970).

К настоящему времени национальные атласы изданы почти для всех государств, в том числе и на территории развивающихся стран Азии и Африки.

Все большую распространенность и популярность получают тематические атласы. Их разнообразию «несть числа».

Среди тематических карт обращает внимание карта,

подготовленная и изданная Комитетом по делам охраны памятников Борьбы и Мученичества (на основании документов Главной комиссии по расследованию гитлеровских преступлений в Польше) на польском, русском, французском, английском и немецком языках (1965). Условными знаками здесь показаны места, где были концентрационные лагеря, где совершались массовые уничтожения людей.

Оригинальна карта, посвященная 400-летнему юбилею со дня рождения Вильяма Шекспира (1564). Это стилизация под карту XVI века, на которой показаны места действия, описанные великим драматургом в его исторических хрониках.

Много любопытного расскажут нам карты. По картам Сибири мы узнаем, как блестяще сбылись слова А. П. Чехова. В очерках «Из Сибири» он писал: «<...> в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея <...> могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость <...> Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега»[67].

А навигационные карты северных путей свидетельствуют и об осуществлении мечты Ломоносова, некогда писавшего:

Колумбы русские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток...[68]

Зная историю исследования Арктики русскими людьми в начале XX века, можно догадаться, какие истинные происшествия легли в основу повествования «Два капитана» В. Каверина. Конечно, капитана Татаринова и его шхуны «Св. Мария» никогда не было. Но, действительно, 10 августа 1912 года из Петербурга вышла яхта «Св. Анна». Возглавлял экспедицию лейтенант Георгий Львович Брусилов. Судно, капитан и часть команды бесследно исчезли во льдах Северного Ледовитого океана. А условия организации и снаряжения экспедиции Татаринова в значительной степени соответствовали условиям экспедиции Г. Я. Седова.

Оказывается, слова «безбрежное море» — это не только красивая метафора. В действительности существует такое море без берегов. Это Саргассово море — часть Атлантического океана, получившее свое название по огром-

ным скоплениям саргассовых водорослей, имеющих форму разветвленных кустов.

Любителям книг ведомы еще и другие карты — карты волшебные, карты несуществующих земель, созданные воображением писателей-фантастов.

Выдуманная Стивенсоном карта легла в основу его популярной книги «Остров сокровищ».

Карту земли Санникова, якобы виденную впервые промышленником Я. Санниковым в 1810—1811 годах, составил один из героев книги академика В. А. Обручева.

По воле Льва Кассиля — автора книги «Швамбрания» — создан целый материк в южном полушарии, между Австралией и Южной Америкой.

А сколько написано о гипотетическом материке Атлантиде, располагавшемся якобы между Европой и Америкой и погибшем в результате невиданной катастрофы. Впервые об Атлантиде поведал миру древнегреческий философ Платон. Тайна Атлантиды волновала многих ученых, писателей мира, посвятивших ей свои произведения.

Богатейшее собрание особой группы произведений печати — карт и топографических изданий — активно используется читателями Библиотеки в интересах науки, культуры и народного хозяйства.

В ДОМЕ ПЛЕХАНОВА

...Он много послужил рабочему классу, он вложил глубокий, неискоренимый оптимизм в сознательные массы рабочего класса нашего поколения.

М. И. Калинин

В Публичной библиотеке, среди всевозможных уникумов и раритетов всех времен и народов, хранится личная библиотека выдающегося русского марксиста Георгия Валентиновича Плеханова. Большую часть своей жизни Плеханов был вынужден провести в эмиграции в Женеве, Лондоне, Париже, Сан-Ремо. После его смерти богатейшая библиотека и личный архив остался у семьи за границей.

По инициативе Ленина, высоко ценившего философские труды Плеханова, ЦК нашей партии обратился к жене и дочерям Плеханова с просьбой передать библиотеку и архив русскому народу, ради счастья которого жил и трудился выдающийся представитель пролетарского революционного движения.

Наследники отдали безвозмездно библиотеку и архив, но оговорили одно условие: находиться библиотека и архив должны в Публичной библиотеке в Ленинграде как самостоятельное собрание.

Выбор места хранения не был случайным. По словам жены, Плеханов часто в эмиграции с благодарностью вспоминал Публичную библиотеку, в которой провел немало часов в годы нелегального существования (1876—1879). В Библиотеке он мог «собраться с мыслями, подумать, привести в систему то, что накопилось в его голове во время занятий урывками в период скитаний» [69].

В середине 1928 года богатейший архив (рукописи работ Плеханова, переписка с деятелями русского и международного рабочего движения, биографические материалы) и библиотека прибыли из Парижа, куда вдова Плеханова свезла его материалы из Женевы и Сан-Ремо, в Ленинград. Как сообщали газеты (Известия, 1928, 30 мая), в день 10-летия со дня смерти Плеханова, в по-

мещении бывшего Вольного экономического общества, где неоднократно выступал Ленин, во втором филиальном отделении Публичной библиотеки, был заложен Дом Плеханова.

Официально Дом Плеханова был открыт в 1929 году (4-я Красноармейская, д. 1/33). Его первым заведующим стала Розалия Марковна Плеханова — жена Плеханова.

Любая личная библиотека — свидетельство интересов и вкусов владельца. Исключением не является и библиотека Плеханова. Собирать книги он стал с 1880 года, когда попал за границу. Книги нужны были для работы, и поэтому часто, в период острой нужды, из последних, более чем скромных средств, он урывал деньги на покупку книг.

Во многих письмах Плеханова звучат просьбы о покупке для него книг. Книги, по словам жены, он «любил как духовных друзей и ценил как орудие своего труда»[69a].

В библиотеке встречаются книги с надписью «на отзыв», «на отзыв Г. В. Плеханову», которые присылались издательствами и редколлегиями журналов.

Немало книг — подарков авторов, а также друзей и знакомых. Гордость библиотеки составляли книги с дарственными надписями Энгельса, Лауры Маркс-Лафарг, Эвелины Маркс-Эвелинг, Поля Лафарга. Среди них экземпляр второго тома «Капитала» на немецком языке с автографом Энгельса: «Товарищу по борьбе — Плеханову. Ф. Энгельс. Лондон. 11 декабря 1894 г.», книга К. Цеткин «Карл Маркс и дело его жизни» с дарственным посвящением: «Товарищу и другу Г. Плеханову в знак уважения и признательности. Клара Цеткин. Сентябрь 1913». Сейчас они находятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Большая часть библиотеки — книги на иностранных языках (на 18).

Плеханов свободно владел многими европейскими языками. Освоил он их, по сути дела, самостоятельно, как и многое другое, ибо его официальное образование закончилось неполными двумя курсами Горного института. Плеханов был одним из образованнейших людей своего времени.

В настоящее время в библиотеке хранится 25 произведений В. И. Ленина, в том числе и книги, подаренные им лично Плеханову. Третий выпуск работы Ленина «Что та-

кое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» передан на хранение в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. Книга Ф. А. Липкина о Лондонском съезде с многочисленными пометами Ленина также передана в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма. Многие книги Ленина имеют следы чтения Плеханова: подчеркивание, скобки, отчеркивание на полях. На книге Ленина «Развитие капитализма в России» Плеханов сделал пространные пометы.

В библиотеке Плеханова сохранились личные книги Владимира Ильича. На одной из них — «Закономерность аграрной эволюции» Н. П. Огановского — имеется печатка Ленина: Oulianoff.

Библиотека Плеханова, насчитывающая 16,5 тыс. единиц хранения, содержит книги и журналы по различным отраслям знания, главным образом, гуманитарного характера.

Немало книг представляет собой библиографическую редкость, например, сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», работа В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах».

Хорошо представлены в библиотеке произведения Маркса и Энгельса, книги по истории французской материалистической философии XVIII века, истории немецкой материалистической и идеалистической философии, труды по социологии, экономической теории, общественной мысли, книги русских революционных демократов — Белинского, Чернышевского, Герцена. Здесь же хранятся исторические прокламации, принадлежащие перу Плеханова: «Рабочему народу, живущему и работающему у подлеца Макселя», «Русскому обществу», черновики воззваний 1917 года и т. п.

Являясь одним из основателей марксистской эстетики и художественной критики, Плеханов подбирал книги по эстетике, истории искусства, литературоведению, собирал художественную литературу. Особенно полно представлены литература и искусство античности и периода Возрождения. По воспоминаниям жены, Плеханов «преклонялся перед древнегреческим искусством и страстно любил эпоху Возрождения». И последние книги, которые она читала умирающему Плеханову, были трагедии Эсхила, Софокла и Эврипида.

Библиотека Плеханова представляет огромный интерес тем, что многие страницы книг испещрены пометками владельца. Это прекрасный материал для изучения формирования взглядов Плеханова, для восстановления истории создания его собственных произведений.

Из-за хронической болезни (он страдал с 1887 года туберкулезом легких), которая часто приковывала Плеханова к постели или заставляла быть на воздухе, он был лишен возможности нормально работать за столом. А работал он всегда, независимо от состояния здоровья. Как свидетельствует Р. М. Плеханова, Георгий Валентинович обычно говорил, что тяжесть работы должна быть пропорциональна тяжести болезни. Когда температура у него была высокая, он изучал иностранных и русских поэтов, читал классиков, при средней — книги по искусству, истории искусства, этнографии, а при небольшой — серьезно работал, ибо утверждал, что работать надо всегда. Экстремальные условия выработали привычку прочитывать книги с карандашом в руках.

Реакция на прочитанное выражалась в заметках на полях, обложке, титульном листе. Соглашается, восхищается, спорит с автором книги Плеханов — все это находит отражение на страницах книги. Например, на книге ревизиониста Э. Бернштейна «Исторический материализм» Плеханов сделал 125 замечаний. Так, на странице 96 он написал: «Черт знает что за чепуха. Именно ты путаешь капитал с капиталистами», на странице 249: «Бернштейн не хочет пугать буржуа» и т. п.[70]

Библиотека Плеханова находится в хорошем состоянии. Сравнивая ее состав с инвентарем, написанным при жизни Плеханова, можно сказать, что она полностью сохранилась. Последние книги Плеханова прибыли в Ленинград в 1968 году. От старшей дочери Плеханова — Л. Г. Плехановой — ле Савуре поступило 63 тома произведений Л. Н. Андреева, Н. В. Гоголя, И. А. Гончарова, А. М. Горького, Ф. М. Достоевского, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, Д. С. Мережковского, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. С. Грибоедова.

На многих из них — следы чтения или текстовые пометы Плеханова.

На томике стихотворений Пушкина (Спб., 1903, т. 2) на третьей стороне обложки среди прочих записей Плеханов отметил: «218 (Душа и молодость)». Запись относит-

ся к последнему в книге стихотворению поэта, где он подчеркнул строфы:

Душа не вовсе охладела,
Утратя молодость свою.

Среди книг, прибывших из Парижа,— второй том «Очерков и рассказов» М. Горького (Спб., 1898), на котором есть отчеркивания Плеханова. Например, в рассказе «Коновалов» Плеханов подчеркнул фразу: «...еще нет такой болячки, которую нельзя было бы найти в сложном и спутанном психическом организме, именуемом „интеллигент“». А на суперобложке написал себе для памяти: «25— интеллигент».

Во время Великой Отечественной войны книги из библиотеки Плеханова вместе с наиболее ценными собраниями Публичной библиотеки были эвакуированы. Сейчас все они описаны. Издан каталог. Ведется работа над подготовкой к печати помет Плеханова на книгах его библиотеки.

Хотя Дом Плеханова и не является мемориальным музеем, но в нем кроме библиотеки есть еще и личные вещи Георгия Валентиновича, находившиеся в его Женевском кабинете: два книжных стеллажа, карандаши, гравюры на стенках, а также его посмертная маска.

Дом Плеханова является структурным подразделением Отдела рукописей и редких книг Публичной библиотеки. Его богатства широко предоставлены для изучения и исследования всем, интересующимся творчеством одного из зачинателей марксизма и пролетарского революционного движения.

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ XX ВЕКА

Этот день
воспевать
никого не наймем,
Мы
распнем
карандаш на листе,
Чтобы шелест страниц,
как шелест знамен,
Надо лбами
годов
шелестел.

В. Маяковский

Первое советское печатное издание вышло в свет в 10 часов утра 25 октября (7 ноября) 1917 года. Это была листовка «К гражданам России», возвещавшая о низвержении Временного правительства и создании государства рабочих и крестьян. Через несколько часов, ночью 26 октября (8 ноября), Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов единогласно принимает Декреты о мире и земле. В форме листовок они рассылались по городам и селам, расклеивались на улицах, попадали в солдатские окопы. Эти исторические документы редко где сохранились. Публичная библиотека обладает прекрасным собранием листовок дней революции и первых лет Советской власти — живых свидетелей великих исторических событий. Свыше 8600 обращений, воззваний, декретов, постановлений, резолюций, приказов, циркуляров центральных и местных партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и военных органов, изданных с 25 октября (7 ноября) 1917 по 1925 год на территории нашей страны, представлены в этом собрании.

Листовки Петрограда, Москвы, Самары, Рязани, Казани, Пензы, Украины, Сибири воссоздают картины победного шествия революции по стране, жестоких схваток с белогвардейщиной и интервенцией, борьбы с разрухой, голодом; они говорят о борьбе с пережитками и о зарождении нового, социалистического отношения к труду — об организации всероссийского первомайского субботника 1920 года. Все значительные события тех лет нашли отражение в листовках, издававшихся большими тиражами и часто начинавшихся с указания: «Расклеить на видном месте». Ни один историк, изучающий дни революции и

первых лет Советской власти, не может обойтись без таких источников, как листовки.

В 1919 году В. И. Ленин подписал «Декрет о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В нем подчеркивалось, что «все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке, по желанию», а «препятствующие неграмотным посещать школы привлекаются к уголовной ответственности». Декрет был напечатан в форме листовки.

Молодая Советская республика с первых шагов уделяла большое внимание развитию культуры. Вот перед нами воззвание Отдела музеев и охраны памятников искусств и старины Наркомпроса о содействии в поисках и собирании произведений искусства и памятников старины, призыв Наркомпроса «К молодежи» о праздновании 1 мая 1919 года: «То отрывисто-тревожно, то бурно-радостно, как солнечный день раздается: Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Сегодня день пролетариата и день детей, день весны — самый светлый в году».

В стране, где большинство населения было неграмотно или малограмотно, большой агитационной силой обладал плакат. Эта форма соединения краткого текста со злободневным рисунком быстро вошла в обиход Советской России после Октября. Огромные плакаты, достигавшие трехметровой длины, кричали со стен домов, призывая, агитируя, а порою и высмеивая. Показательно, что на некоторых листах были надписи: «Всякий срывающий этот плакат совершает контрреволюционное дело». Первый советский плакат — сатира на царя, попа и кулака — был издан ВЦИК в середине 1918 года.

В годы гражданской войны большинство плакатов призывало народ на защиту революции. Особенно яркими, запоминающимися были плакаты Д. Моора (Дмитрия Стахиевича Орлова) и Дени (Виктора Николаевича Денисова). В Публичной библиотеке они представлены с почти исчерпывающей полнотой. Ни один художественный или документальный фильм, посвященный первым революционным годам, не может обойтись без ярко-красного плаката Д. Моора «Ты записался добровольцем?».

Плакаты говорили о борьбе с разрухой, о культурном строительстве, знакомили народ с успехами советского государства («Вот отчет председателя Совнаркома тов. Ленина за 1921 г. — IX съезд Советов»), агитировали за

участие в субботниках («Субботник — фундамент благополучия пролетариата»).

К сожалению, плакаты дошли до наших дней далеко не полностью, однако в силу сложившейся традиции даже тогда, когда большая часть территории страны временно находилась в руках врагов, в Публичную библиотеку в качестве обязательного экземпляра поступали плакаты, изданные не только в Петрограде и Москве, но и в Архангельске, Евпатории, Казани, Минске, Могилеве, Нижнем Новгороде, Оренбурге, Тифлисе, Харькове, Ярославле. Нередко их дарили Библиотеке сами художники и издатели. Сейчас в Публичной библиотеке собрано свыше 700 изданий (не считая дублетов) плакатов 1918—1921 годов.

Демьян Бедный очень четко определил значение плакатов тех лет:

Плакатами пестрят все заборы.
Забудутся наши разговоры.
Уйдут в вечность острые моменты,
Но останутся плакаты-документы [71].

Тяжелое время разрухи сказывалось на издательском деле страны. Типографии не справлялись с печатанием нужных изданий. Вот тогда-то, осенью 1919 года, и родился новый вид плаката — рисованные вручную листы с короткими стихотворными надписями. Они были более оперативны и более злободневны, чем печатные плакаты. Их выставляли в витринах магазинов, в окнах читальных залов, на вокзалах, на улицах и площадях. Инициаторами этого вида искусства были московские художники, работающие при Российском телеграфном агентстве. Вот почему рисованные плакаты известны под названием «Окон сатиры РОСТА». «Это телеграфные вести, моментально переделанные в плакат, это декреты, сейчас же распубликованные частушкой»,— так определил их сущность Маяковский [72].

Обычно это была серия изображений, объединенных одной темой. Затем московские художники стали тиражировать свои рисунки, изготовляя по ним трафареты. Рисованные плакаты достигали метровой длины. Так революция взяла на вооружение новый вид искусства, о котором давно мечтал Маяковский: «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры». «Окна» в красочной эмоциональной форме пропагандировали первые декреты Советской власти, высмеивали и разоблачали ее врагов, боро-

лись с бюрократизмом, агитировали за смычку города с деревней.

Владимир Маяковский вложил много труда в создание «Окон сатиры РОСТА», его перу принадлежит около 85% всех текстов московских «Окон РОСТА».

К сожалению, в Публичной библиотеке сохранилось очень мало московских «Окон РОСТА»: из 1600 серий — только 24 трафаретных оттиска, подаренные художником В. В. Лебедевым. Но среди них есть уникальные листы, рисованные и подписанные Маяковским. Они объединены одной темой «Помогите голодающим!»: 1) «На этот красный призывный крест спешите, граждане, изо всех мест», 2) «Чтобы кто бы, как бы и чем бы мог бросился помогать со всех ног», 3) «У кого лишняя тыща есть, тыщу спеши скорее внесть», 4) «У кого хлеба лишний кусок, несть спеши со всех ног», 5) «Уговаривайте друг дружку жертву класть сборщикам в кружку», 6) «Устрой концерты, устрой спектакли», 7) «Одним словом, этак ли, так ли всю неделю день за днем», 8) «Помогай голодающему, заботься о нем!», 9) «А главное агитируйте в эти недели», 10) «Надо, мол, чтобы голодные ежедневно ели», 11) «А для этого не случайно помогай (когда не лень)!», 12) «А регулярно на каждый день...». Имеется также уникальный плакат художника И. А. Малютина с текстом В. В. Маяковского: «Французское правительство выбрало для помощи голодающим комитет из трех...» Плакат рассказывал о комитете в помощь голодающим, который был создан французским правительством из антисоветски настроенных элементов. Он до сих пор не обнаружен ни в одном другом хранилище Советского Союза.

В 1920 году «Окна» начинают создаваться и в других городах страны, в том числе и в Петрограде. Рисунки петроградских художников выставлялись не только в витринах, но и в клубах, воинских частях, на заводах. Сделано было не менее 1000 плакатов, а сохранилось их до наших дней не более 200 в разных государственных хранилищах и у частных лиц. Собрание Публичной библиотеки — наиболее богатое. В нем содержится 115 листов, из них 91 — рисованный от руки.

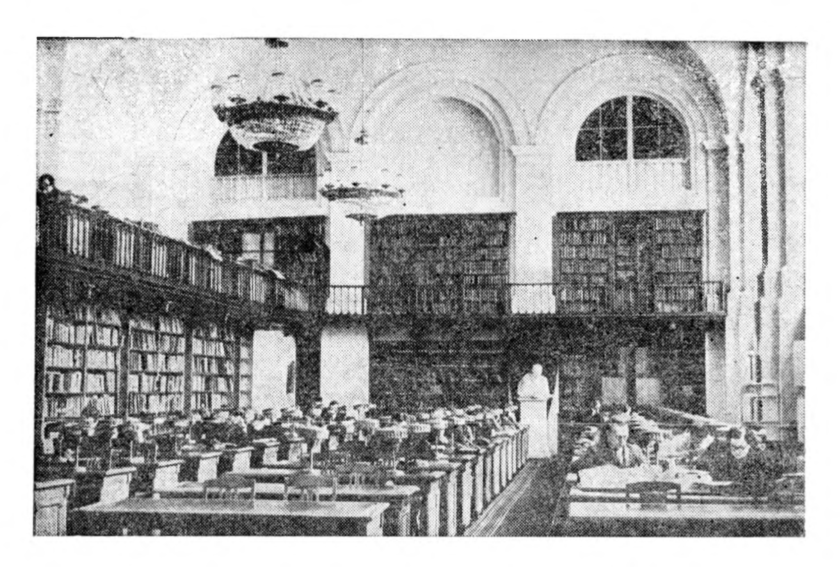
Из семи рисунков Лебедева, посвященных разгрому интервентов, сохранилось только четыре: 3) Бегство белогвардейских генералов («Посыпались генералы, что многоточия, и стали раздирать республику в клочья»),

4) Белоэмигранты («А эмигранты мудрые у врат союзного рая корчились в тоске, как холерная запятая»), 6) Врангель изображен вверх ногами, а над ним — большое тире («Но в деле Крымском, в злом ноябре получилось, извините, сплошное тире!»), 7) Изображение Врангеля, взятое в кавычки («Отбросив „культурные“ привычки, взяли союзники Врангеля в кавычки, плюнули на интервенцию... нельзя же с нахрапа»). Текст к рисункам написал А. М. Флит, удачно обыгрывая знаки препинания.

Октябрьская революция положила начало культурной революции в стране. Очевидец Великого Октября, американский писатель Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» писал: «Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду» [73].

Эпоха требовала книг действия, книг, разъясняющих политику большевистской партии, агитирующих за Советскую власть, обобщающих передовой опыт строительства новой жизни. С этой целью лучше всего справлялись агитационно-пропагандистские издания. На полках Библиотеки стоят брошюры, названия которых говорят о том, чем жила страна в те годы: «Что такое классовая борьба?», «Что такое Советская власть?», «Что делать рабочим, чтобы удержать фабрики и власть», «С кем вы, крестьяне? С кем идете? Кому помогаете?», «О сельскохозяйственных коммунах», «Учись военному делу», «Учись владеть пулеметом» и др. Повсеместно издавались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и особенно В. И. Ленина.

Тяжелые условия гражданской войны затрудняли комплектование фондов. В Публичной библиотеке отсутствует более 100 изданий ленинских речей, докладов, писем, выпущенных в Одессе, Харькове, Симферополе, Твери, Екатеринославе, Мелитополе, Житомире, Благовещенске-на-Амуре и других городах страны в 1918—1923 годах. В 3-м выпуске «Библиографического списка изданий, отсутствующих в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» (Л., 1975) приведен полный перечень разыскиваемых изданий произведений В. И. Ленина. Книголюбы страны могут

Ленинский зал Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

оказать неоценимую помощь Библиотеке в этих поисках, сообщая о каждой находке редких ленинских изданий.

Следы хозяйственной разрухи носит на себе первое издание труда, открывшего эпоху восстановления советской экономики: «План электрификации РСФСР» был напечатан в разных типографиях на бумаге разных сортов и разных форматов. Тираж книги — 1500 экземпляров. Раздавалась она делегатам VIII съезда Советов. К титульному листу приклеено специально отпечатанное обращение: «Ввиду крайней незначительности числа экземпляров этой книги убедительно просят товарищей, получивших ее, передать книгу по прочтении в местную библиотеку, чтобы по этой книге могли учиться рабочие и крестьяне». В. И. Ленин назвал этот план второй программой партии, показывающей, «как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма» [74].

Просматривая издания первых лет Советской власти, видишь в них усилия, направленные на решение сложных задач управления страной. В 1918 году 500-тысячным тиражом была опубликована первая «Конституция (Основной закон) РСФСР» и брошюра Н. К. Крупской, объяс-

няющая широким народным массам содержание Конституции. Тысячами экземпляров выходили брошюры в сериях «Законы Рабоче-крестьянского государства», «Как рабочие и крестьяне боролись за свою свободу», «Речи и беседы пропагандиста» и др.

За революцией пошли передовые люди науки и культуры. В 1918—1920-х годах были изданы книги К. А. Тимирязева «Чарлз Дарвин и его учение», «Наука и демократия», «Столетние итоги физиологии растений», А. Ф. Иоффе «Лекции по молекулярной физике», А. Е. Ферсмана «Самоцветы России», О. Ю. Шмидта «Загадки жизни», Д. С. Рождественского «Спектральный анализ и строение атомов», стихи В. В. Маяковского, Н. Н. Асеева, Демьяна Бедного.

В феврале 1918 года государством было национализировано право издания сочинений русских писателей. К первой годовщине Октябрьской революции в серии «Народная библиотека» вышли книги рассказов Л. Толстого, Герцена, Чехова, Тургенева, «Избранные басни» Крылова, пьесы Островского. Народное государство делало все, чтобы преодолеть *«разрыв* между всемирно-историческим величием задач... *и* нищетой *...культурной»*[75].

Издания первых лет нашей революции печатались на ломкой и недолговечной бумаге, на фронтах гражданской войны их раскуривали на цигарки, а когда нечем было топить, ими топили «буржуйки». Поэтому уцелевшие издания требуют заботливого ухода.

Во время гражданской войны Публичная библиотека из своих дублетных фондов формировала передвижки и отправляла их в части Красной Армии. В перерывах между боями красноармейцы жадно тянулись к книге, читали их вслух. Вместе с передвижками посылалась и «Памятка читателя» (1919), изданная библиотечным отделом политико-просветительного управления Петроградского военного округа. «Товарищ,— говорится в ней,— интересы пролетарской революции требуют, чтобы ты здраво мыслил, чтобы все было для тебя ясно и понятно. Поэтому торопись в библиотеку за книгой. Ни один учитель, ни одна школа не дадут тебе столько знаний, сколько библиотека <...> Поэтому люби книгу, как верного друга, дорожи ею, всячески ее береги <...> Твой долг, долг солдата революции, прочитав книгу, немедленно вернуть в библиотеку <...> книга должна быть прочитана не

только тобою, но и всеми твоими товарищами. Паче всего помни об этом. Помни, книги должны обойти сотни и тысячи рук, чтобы всем сказать свое слово истины, разума и доброго совета...» Завершает книжку снимок Публичной библиотеки и справка о ней.

В годы иностранной интервенции и гражданской войны в фонды Публичной библиотеки поступило 25 533 названия книг, брошюр и листовок, изданных государством рабочих и крестьян. История первых лет Советской власти, со всеми радостями и тревогами, ярко отразилась в изданиях того времени. Библиотека продолжает собирать документы великих дней революции и широко знакомит с ними советского читателя.

КНИГИ-МАЛЮТКИ

Ты, что желаешь с собой иметь мои книжки повсюду
И как спутников их в дальнем пути сохранять,
Эти купи, что хранит в небольших размерах пергамент:
Сдай большие в лари, я помещаюсь в руке.

М. В. Марциал

Среди уникальных изданий Публичной библиотеки обращают на себя внимание книги-малютки. Они не хранятся в одном месте, а находятся в различных фондах. Так, в рукописном хранилище имеются несколько миниатюрных западноевропейских часовников XIV—XV веков. Самый маленький из них — французский часовник на латинском языке XIV века. Судя по переплету (изображены французские королевские лилии), он некогда принадлежал одному из французских королей. Сделана книжка из прекрасного тонкого пергамена (201 стр.) размером 31×22 мм. Книжечка богато иллюстрирована: 9 миниатюр и красочные с золотом инициалы украшают ее.

Пергаменных мини-книг на русском языке до сих пор не обнаружено. По-видимому, это объясняется тем, что в России тонкий, так называемый «утробный» пергамен неизвестен. Обычный пергамен трудно было складывать в маленькие книжечки (материал сопротивлялся!). Миниатюрная книга в России возникла с переходом от пергамена к бумаге. Хотя здесь следует оговориться, что в Новгородском музее хранятся листы книги малого формата из бересты.

До нас дошли русские рукописные минимали с XVI века. Репертуар минималей был у́же, чем рукописных русских книг в целом. Это богослужебные книги карманного формата: певческие книги, псалтыри, евангелия и главным образом месяцесловы, то есть календари со святцами и астрономическими сведениями. Большинство книг делалось с украшениями: раскрашенные заглавные буквы (буквицы), заставки, инициалы, многокрасочные иллюстрации. Время их написания устанавливается по во-

дяным знакам бумаги. Подобных русских рукописных книг в Библиотеке около 50 экземпляров.

Самая маленькая книжечка — это святцы, размером 37×29 мм (на листе умещается 19 строчек, а в строчке — 20 букв). Написана она в 1750 году, ранее принадлежала известному собирателю рукописной книги, главе русской православной миссии в Иерусалиме архимандриту Порфирию, о чем свидетельствует владельческая надпись: «Куплен на святой горе Афонской у рус<ского> монаха Петра за 2 голландских червонца в пятый день декабря месяца 1859 г. А. Парфирий».

Вот другая книжечка. Она хотя и не соответствует принятому в настоящее время стандарту миниатюрных книг, чуть-чуть превышая его (128×78 мм), но в отличие от множества богослужебных книг она — светского содержания. Эта в изящном переплете книжечка начала XVII века относится к русской политической публицистике. На бумаге — водяной знак: кувшинчик с двумя ручками, первая буква выполнена золотом. Написана она в те далекие «смутные» времена, когда в русской литературе шла оценка деятельности Ивана Грозного, Бориса Годунова, Василия Шуйского. Речь идет о книге под названием «Описание вин или причин, которыми к погибели и к разорению всякие государства приходят. И которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца». Автор трактата рассуждает о причинах гибели и процветании государств. Все свои суждения автор подкрепляет ссылками на сочинения античных философов и мудрецов.

Любопытны рассуждения автора о причинах гибели царств. Царства погибают от «злобы», «хотения», «гордости» и «неправды» «властителей и начальников». Царь и его подчиненные должны «праведно жить», быть «образцом всех добродетелей», ибо «каковых нравов будет царь или начальник, таковы же смотря на него будут и подданные его».

В государстве не должно процветать «мздоимание», «сребролюбие». «Не приносит пользы то дело», пишет автор, когда власть оказывается в руках «немногих людей», так как такая власть «неразна есть от мучительства», и «мир приходит в кручину и в размышления, как бы тем мстити».

Самая ранняя печатная миниатюрная книга, хранящаяся в Библиотеке, инкунабула — уникальный экземпляр «Бенедиктинского Диурналия конгрегации св. Юсти-

ны», молитвенник с особенностями службы бенедиктинского монашеского ордена. Книга издана в 1488 году в Венеции (67×91 мм) в типографии Андреа Торрезани. Она в кожаном переплете с медными застежками. В нее вплетена и пергаменная рукописная книга гимнов. Вторая книжка «моложе» на 70 лет. Это поэтический сборник Л. Ариосто «Неистовый Орландо», изданный в Венеции в 1557 году. Он снабжен гравюрами и имеет владельческую надпись.

Коллекция иностранных минималей в Публичной библиотеке сравнительно небольшая: содержит около 200 экземпляров. Среди них немало календарей, библий, коранов, путеводителей. Но есть и подлинные уникумы, представляющие большую историко-полиграфическую ценность. Во многих из них проявилось незаурядное мастерство и высокое искусство типографов. Среди них знаменитая «Утопия» Томаса Мора, вышедшая в 1631 году в Амстердаме. В ней 264 страницы с гравюрами. Книжечка заключена в кожаный переплет с металлическими застежками.

«Для доброго поколения» издана в 1764 году на немецком языке крошечная книжечка-хрестоматия (16×25 мм) с текстами назидательного характера и портретами немецких ученых и писателей. На немецком же языке, еще меньших размеров (14×19 мм),— «Альманах на 1833 год». В нем на каждую букву алфавита приведены стихи.

Специально для дам в 1821 году в Париже издана книжечка (15×20 мм) басен. Она также снабжена гравюрами.

На одной ладони умещается несколько крошечных книжек произведений Ф. Петрарки. Среди них книжечка в перламутровом переплете и двухтомник стихотворений, изданный в Венеции в 1879 году (55×39 мм) с гравированным портретом Беатриче.

В Публичной библиотеке хранится «Божественная комедия» Данте (54×35 мм), изданная в Милане в 1878 году. Среди экспонатов Всемирной выставки в Париже в 1878 году эта минималия своими размерами и высокой полиграфической культурой произвела истинную сенсацию. В книжечке 499 страничек и портрет Данте. Примечательна история создания книги. Некий Антонио Фарима подготовил для набора буквы еще в 1834 году. Но печатание такими буквами было очень кропотливое и труд-

ное дело. Более 40 лет прошло с тех пор, пока нашелся мастер для печатания книги. Это был миланский наборщик Джузеппе Джече. Об истории издания этой книги писалось много небылиц, которые впоследствии отвергались. Писали, что за свою работу наборщик поплатился зрением и что после публикации шрифт якобы был уничтожен. Все это не соответствует действительности: в 1897 году, используя тот же шрифт, издатели напечатали в Падуе письмо Галилео Галилея.

В коллекции Публичной библиотеки есть книжки-игрушки для малышей, в частности, крохотные парижские издания первой половины XIX века, словари-лилипуты.

Следует отметить Лейпцигское издание «Коммунистического манифеста», опубликованного к Международной выставке книг.

Все книжки-малютки — свидетельство большого полиграфического искусства, изящного вкуса и мастерства создателей.

Самая маленькая книга в Публичной библиотеке — это «Клятва олимпийца» (6×7 мм), изданная в Майнце — городе Гутенберга — в 1973 году на семи языках: немецком, английском, французском, русском, финском, шведском и итальянском. Естественно, текст можно прочитать только с помощью очень сильной лупы. За несколько лет до этого подобное издание вышло в Париже. Самой маленькой тиражированной книгой до сих пор считается «Азбука в картинках» Эгона Пруггмайера, выпущенная издательством «Эдицион Лейпциг» в 1971 году к Международной выставке искусства книги. У нас ее нет.

Одна из самых ранних русских печатных миниатюрных книг в Публичной библиотеке — «Придворный календарь» на 1761 год (70×100 мм).

До сих пор в литературе нет точных данных, сколько же вышло миниатюрных русских книг в дореволюционный период. Такими сведениями не обладаем и мы. В первом выпуске каталога «Первая ленинградская выставка миниатюрных изданий» (Л., 1979), посвященном миниатюрным изданиям дореволюционного периода из фондов Публичной библиотеки, зарегистрировано 235 книжек. Но сюда не вошли богослужебные книги, учебные, путеводители, словари, календари и многие детские книги. Дореволюционная часть русских миниатюрных изданий самая полная из всех имеющихся ныне. И тем не менее в наших фондах есть пробелы: утрачены некоторые киев-

ские и харьковские издания. Например, нет у нас комедии А. С. Грибоедова и П. А. Катенина «Студент» (Киев, 1892), «Песни кобзаря» Т. Г. Шевченко в переводе Л. Мея (Харьков, 1894), «Пана Халявского» Г. Ф. Квитка-Основьяненко (Киев, 1893) и др.

Из более ранних редких книжек следует указать на гравированное издание «Месяцеслов на 1774 год» (35×35 мм) и «Искусство быть забавным в беседах» (Спб., 1788; 60×75 мм). Последнее издание — сборник фокусов и физических опытов — находится только у нас и в Библиотеке Академии наук.

Шедевр русского полиграфического искусства, или, как говорили, nec plus ultra (в высшей степени.— *О. Г.*) наборного и печатного искусства — «Басни» Крылова, выпущенные в Петербурге в 1855 году типографией Экспедиции заготовления государственных бумаг. Размер нашего экземпляра 20×28 мм. В книжке 86 страничек (256-я доля листа!), на каждой страничке набрана 21 строчка. Всего в книге 25 басен и литографированное изображение бюста Крылова. Набрана книга специально отлитым из серебра шрифтом — диамантом — пожалуй, самым мелким в мире.

За 20 лет до появления этого шедевра наборного и печатного искусства той же типографией Экспедиции заготовления государственных бумаг напечатаны, а изданы А. Ф. Смирдиным басни Крылова в восьми книгах. В нашей Библиотеке 4 типографских завода: 31-я, 32-я, 33-я и 35-я тысячи. Все они разных размеров (соответственно: 60×100; 60×98; 60×97; 60×99). Напечатаны превосходным мелким шрифтом с прекрасным портретом Крылова, рисованным Олениным и гравированным Губертом (в Лондоне). Этому смирдинскому изданию высокую оценку дал Белинский, отмечая, что оно «возбуждает живейшее удивление и живейшую радость, как доказательство, что у нас начинает распространяться вкус к красивым изданиям, а вместе с ним и успехи книгопечатания. Теперь,— продолжал критик,— вы можете носить „Басни“ Крылова в кармане и в редикюле; даже в руках детей эта книжечка будет казаться миниатюрною игрушкою... И вместе с этим издание красиво до изящности, мелко до невозможности и, для крепких и молодых глаз, очень четко. В рассуждении мелкости, красивости и четкости, буквы, право, не уступят английским и французским»[76].

Произведения А. С. Пушкина до революции также издавались в миниатюрном исполнении. В день смерти А. С. Пушкина вышел «Евгений Онегин» (65×93 мм), изданный Ильей Глазуновым в типографии Экспедиции заготовления государственных бумаг. Книжка напечатана мелким, но прекрасным, отчетливым шрифтом. За одну неделю 5-тысячный тираж был распродан.

Почти в три раза толще (972 стр.) получилась миниатюрная книжка «Евгения Онегина» в издательстве Суворина (1912). «Распухла» она из-за шрифта, который сам по себе и четок и красив, но велик для маленькой книжки. Вышло два издания. Другое издание, без части «Примечания автора к „Евгению Онегину"», содержит 936 страниц.

К 100-летию со дня рождения великого поэта, в 1899 году, в Варшаве в издательстве Шольца был выпущен «Евгений Онегин». Книга вложена в металлический футляр — брелок — с увеличительным стеклом (18×28 мм). Хотя оно более чем в три раза меньше и в длину и в ширину и раз в пять тоньше суворинского издания, но с точки зрения полиграфического исполнения несравнимо ниже последнего. Издание Шольца — это механически, фотографическим способом, уменьшенное воспроизведение павленковского издания, клишированное и затем отпечатанное. Подобные книги были обычно подарочными и у знатоков-книголюбов ценились невысоко. Подобный способ еще раньше был применен в Петербурге.

В коллекции можно познакомиться и с книгой, впервые в России изготовленной фотоцинкографским способом,— это «Государя императора Александра II высочайшие манифест и указы 19 февраля 1861 г., 1 января 1864 г., 20 ноября 1867 г.», изданные в Петербурге в 1869 году.

Нельзя не отметить крошечную книжку (26×40 мм) В. Ф. Одоевского «Городок в табакерке» (1896) из серии «Микроскопическая библиотека». Выходило ли что-либо еще в этой серии, мы не знаем. По крайней мере, в нашей коллекции больше нет ни одной подобной книги.

В Библиотеке хранятся два экземпляра комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (67×100 мм) (1854) с предисловием Ф. В. Булгарина «О жизни и сочинениях Александра Сергеевича Грибоедова (Отрывки из воспоминаний)» и с гравированным портретом Грибоедова. Издана книжечка (205 стр.) со многими цензурными изъятиями. Один экземпляр примечателен вплетенными в основной

текст рукописными листочками, восстанавливающими все цензурные купюры и искажения. По всей вероятности, это сделано одним из прежних владельцев книги. Любопытна еще одна деталь. Кончается книга факсимильным воспроизведением надписи Грибоедова: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июля 1828». Это воспроизведение надписи, сделанной Грибоедовым на рукописи, оставленной Булгарину перед последним отъездом из Петербурга. Рукопись, как мы уже говорили, хранится в Библиотеке. Предисловие и эта факсимильная надпись позволяют сделать предположение, что книжечку издал Ф. В. Булгарин.

Немало в нашей коллекции миниатюрных календарей. Издавались они на каждый год и кроме чисто календарных сведений содержали еще много полезных материалов. Вот, например, «Спб. Календарь на 1877 г.», изданный переплетной и футлярной мастерской А. Аве (55×80 мм). Помимо месяцеслова здесь приведены телеграфная такса для иностранной и внутренней корреспонденции, гербовый сбор за документы, стоимость железнодорожных билетов и проезда на пароходе, время разведения мостов в Петербурге, маршруты железно-конных передвижений (их было в те годы 16), адреса официальных учреждений, банков, стоимость билетов в разные театры города, пожарные сигналы и др.

«Петербургский календарь» («Крошка») на 1870 год (39×60 мм) приводит православный, еврейский и магометанский месяцесловы, общегосударственные праздники («дни неприсутственные»), почтовую, телеграфную и нотариальную таксы, стоимость железнодорожных билетов, ярмарки (где и когда) и т. д.

«С.-Петербургский календарь на 1878 г.», изданный химической лабораторией, кроме обычных вышеперечисленных сведений справочного характера дает большой рекламный материал различных духов, мыла, жидкостей от моли, кремов, зубных паст и т. п.

Подобные календари-справочники пользовались у населения популярностью, имели чисто прикладной характер и поэтому сохранились они не с исчерпывающей полнотой.

Миниатюрный формат книг был удобен для нелегального распространения. Им и пользовались прогрессивные издатели.

Из 40 книг серии биографий революционных и прог-

рессивных деятелей, издаваемых в Вологде в 1908 году «Северным издательством В. О. Жеглинского», в Библиотеке сохранились 6 книг: В. Г. Белинский, Ж. Гед, Ф. М. Достоевский, П. А. Кропоткин, Д. И. Писарев, А. Н. Радищев. Книжки размером 65×80 мм выпускались в комплекте с почтовыми открытками, на которых были воспроизведены портреты тех людей, которым были посвящены книжки. Книжечку можно было наклеить на открытку рядом с портретом.

Популярность миниатюрных изданий вызвала появление на книжном рынке не всегда «доброкачественной продукции». Поэтому иной раз миниатюрным книжкам выносился строгий приговор не за полиграфическое исполнение, а за содержание. Убийственное стихотворение написал, например, Н. Некрасов в адрес книжки «Пять стихотворений» Н. Ступина (1842), изданной, по словам рецензента, «в неопределенную долю листа, самую малую, какую только можно представить».

Вот что он писал:

У нее, как у страдальца,
Не приятный желтый цвет,
Шириной она в два пальца,
В ней на палец толку нет.
. . . .
. . . .
По формату, по сюжету
Неописано мала,
Странно, как, на диво свету,
В свет в наш век она зашла! [77]

В нашей стране в настоящее время растет интерес к миниатюрным изданиям. Это происходит по многим причинам. Маленький формат делает их удобными для хранения. Если подходить с точки зрения государственной экономии, то распространение миниатюрных изданий даст значительное сокращение среднего количества бумаги на единицу книжной продукции, контейнеров для перевозки книг по всей стране, уменьшит количество библиотечных полок и т. п. За последние годы увеличился выпуск книжек-малышек. Они издаются не только центральными издательствами, но и местными. Большинство из них отличается высоким полиграфическим и художественным уровнем.

Советская миниатюрная книга в наших фондах представлена не с исчерпывающей полнотой. Не сохранилось у нас первой советской миниатюрной книги — Конститу-

ции РСФСР, изданной в Кинешме в 1921 году (35×55 мм). Отсутствует и самая маленькая советская книга, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина (16×16 мм). Она содержит одиннадцать репродукций портретов Ленина и отрывок из поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Тираж книги —500 экземпляров, многие из которых были подарены делегациям различных государств и музеям Ленина. Но тем не менее коллекция советских миниатюрных книг в Библиотеке богатая и регулярно пополняется. Она является зеркалом современного состояния издаваемой в стране миниатюрной книги. Тематика подобных книг весьма разнообразна: общественно-политическая, художественная, справочная, учебная, детская.

С особой тщательностью собирается у нас Лениниана — труды В. И. Ленина и художественные произведения, рассказывающие о жизни великого вождя. Много таких книг вышло к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Весьма прискорбно, что в Публичную библиотеку не поступает по обязательному экземпляру миниатюрная Лениниана, издаваемая учебными мастерскими издательско-полиграфических техникумов страны.

Редкая книжка-малютка «Красная присяга» с портретами В. И. Ленина и М. В. Фрунзе, которая в 1923 году вручалась молодым красноармейцам в день принятия ими клятвы на верность Родине, хранится у нас в двух экземплярах.

В суровые военные годы в Кронштадте, а затем в Ленинграде вышло 15 выпусков библиотечки «Боевая краснофлотская поэзия». Это небольшие, в 12—24 страницы книжки размером 68×98 мм в ярких разноцветных обложках, удобные для ношения в нагрудном кармашке гимнастерки. В коллекции Публичной библиотеки отсутствуют два выпуска —9-й и 11-й. В годы войны они пользовались большой популярностью.

Все миниатюрные книги, удостоенные дипломов на ежегодных Всесоюзных конкурсах «Искусство книги», представлены в Публичной библиотеке. Среди них — «Весна победы. Стихи» (Пермь, 1975), Пушкин А. С. «Стихотворения» (М., 1975), Пахлаван Махмуд «Рубаи» (Ташкент, 1976), «Доброе слово — ключ к сердцу». Узбекские пословицы и поговорки (Ташкент, 1977), Мамин-Сибиряк Д. Н. «Аленушкины сказки» (Свердловск, 1977), Конституция (Основной Закон) СССР (Л., 1978), На-

вои А. «Река жизни» (Ташкент, 1978), «Первые декреты Советской власти» (М., 1979).

С конца 60-х годов издательство «Художественная литература» начало репродуцирование крупноформатных изданий. В миниатюрном исполнении были повторены отдельные выпуски серии «Сокровища лирической поэзии» (С. А. Есенин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов, А. С. Пушкин, Данте и др.).

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции издательство «Художественная литература» выпустило 17-томную антологию поэзии народов СССР «Пою мое отечество» (60×84 мм).

Безукоризненностью полиграфического исполнения отличаются миниатюрные книги московского издательства «Книга». Тематика выпущенных книг весьма актуальна и разнообразна. Здесь и произведения В. И. Ленина, Конституция СССР, Государственный гимн СССР, всевозможные книги о книгах и художественные произведения. Как правило, все книги иллюстрированы.

Миниатюрная книга привлекает удобством хранения: в спичечном коробке помещается книжка, в портфеле — целое собрание, а в книжном шкафу — огромная библиотека. Миниатюрные издания завоевали большой авторитет у книголюбов. Едва появившись на свет, они тут же становятся библиографической редкостью. Сегодня миниатюрные книги, как правило, являются образцами высокой книжной культуры. Золотые руки у наших полиграфистов. Русская земля всегда славилась умельцами, при случае могущими «блоху подковать».

«Комсомольская правда» в заметке «Мир в маковом зернышке» А. Пивеня [78] сообщала о подобном украинском умельце Николае Сядристом, который не только подковал блоху, но и сделал наименьшую в мире книжечку. Этот мастер микроминиатюр изготовил «Кобзаря» Шевченко, обложка которого равняется фантастически малой величине — 0,6×0,6 мм. «Книжечка» Н. С. Сядристого сшита паутинкой, обложка сделана из лепестка бессмертника. В ней 12 страниц, на которых воспроизведено шесть стихотворений и портрет Т. Г. Шевченко, а также отрывок из предисловия Ивана Франко. Вся книжка свободно проходит в ушко швейной иголки.

Книги-малютки выходят во всех союзных республиках на национальных языках. В Публичной библиотеке хранятся миниатюрные книги на русском, молдавском,

грузинском, литовском, эстонском, абхазском, татарском, киргизском и многих других языках.

Некоторые библиотековеды считают, что будущее книг — в их миниатюризации. Да и не только библиотековеды. Здесь уместно будет напомнить слова одного из президентов Академии наук СССР, С. И. Вавилова, сказанные им в 1947 году: «Давно указан путь совсем новой техники печатания книги, имеющей очень большие преимущества в сравнении с тем типом книги, который установился примерно тысячу лет тому назад, еще до открытия книгопечатания, в старинных рукописях. Новая техника — это техника микрокниги...

Если внимательно и серьезно подумать о будущем нашей культуры, то станет ясно, что дальнейшая разработка микрокниги и ее широкого внедрения составляет очень важную и исключительно благодарную задачу, которая должна произвести революцию в книжном деле» [79].

Мы не думаем, что в будущем абсолютно все книги будут выходить в миниатюрной форме, но бесспорно, что миниатюризация будет использоваться значительно шире и многообразнее, чем в настоящее время. Во всяком случае и сейчас книжки-малютки вызывают глубокое уважение к тем, кто создавал это великолепное произведение полиграфического искусства.

КОЛЛЕКЦИЯ «ЛЕНИНГРАД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ»

Я счастлив тем, что в пламени суровом,
В дыму блокад
Сам защищал и пулею и словом
Мой Ленинград!

В. Рождественский

900 дней и ночей ленинградской блокады потрясли мир. Об этом героическом времени пишут романы, поют песни, ставят фильмы. Мир не перестает удивляться мужеству и героизму ленинградцев.

В тяжелых условиях города-фронта, оказавшегося в кольце вражеской блокады, ни на один день не прекращалась издательская деятельность. Выходили в свет книги и брошюры, плакаты и листовки — все виды печатного слова были мобилизованы на бой с фашизмом. Главный Книжный Дом Ленинграда призван был сохранить эти издания для будущих поколений как документальные свидетельства жизни и борьбы непобежденного города.

В страшную для Ленинграда зиму 1941—1942 годов, когда город был погружен в темноту, когда вышли из строя водопровод и канализация, когда улицы и дома подвергались систематическому обстрелу и бомбежкам, когда людей терзал мучительный голод и холод, Публичная библиотека не прекращала сбора всех видов ленинградской полиграфической продукции. В условиях блокады, нарушившей привычные формы работы всех учреждений прифронтового города, пришлось отыскивать новые пути комплектования библиотечных фондов.

Истощенные, еле передвигающиеся сотрудники Библиотеки обходили типографии, издательства, военные и гражданские учреждения, выпускавшие книги, брошюры и листовки. Они стали частыми гостями в Политуправлении Ленинградского фронта и Балтийского флота, в отделении ТАСС и в Доме санитарного просвещения, и даже Управление пожарной охраны и Отдел торговли Горисполкома входили в их маршрут.

Самые разнообразные виды печатных материалов поступили в Библиотеку в результате этих походов, и когда стало очевидно, что распределение их по различным фондам нарушит цельность представления о ленинградской блокадной печати, решено было объединить все эти издания в специальной коллекции «Ленинград в Великой Отечественной войне», отражающей всю историю города за четыре военных года.

Организующая и мобилизующая роль партии в жизни блокированного города ярко отразилась в листовках, воззваниях, приказах, обращениях к населению. Каждый, кто был в это время в Ленинграде, помнит расклеенное на улицах обращение руководителей города-фронта — К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, П. С. Попкова от 21 августа 1941 года, заканчивающееся словами: «Не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немецким фашистским разбойникам. Никогда не бывать этому!.. Встанем как один на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!» Обращение это было опубликовано и на страницах газеты народного ополчения «На защиту Ленинграда», и в выходившей в те месяцы газете «Ленинградская правда на оборонной стройке». Через несколько недель издание газет прекратилось: народное ополчение стало частью регулярной армии, а оборонительные рубежи уже окружали город со всех сторон. Враг был остановлен у стен Ленинграда и не смог продвинуться дальше ни на один шаг. О боевых действиях на Ленинградском фронте рассказывают пожелтевшие страницы фронтовых и армейских газет, брошюры, распространявшие боевой опыт, плакаты, воссоздающие подвиги героев. Хранящийся в коллекции печатный бланк «Личный боевой счет снайпера-истребителя» не заполнен, но мы знаем, что у Феодосия Смолячкова и у других ленинградских снайперов счет истребленных фашистов рос очень быстро.

В труднейших условиях фронтовой жизни, во время боев с немецко-фашистскими захватчиками за полуостров Гангут создавался альбом «164 дня обороны Ханко». Отпечатан он в походной типографии «Защитник Родины», а стихи, помещенные в нем, написаны поэтом М. Дудиным. Это — одна из замечательных реликвий Великой Отечественной войны.

Фашисты, остановленные под Ленинградом, стремились задушить непокоренный город голодом. Вечным напоминанием о муках ленинградцев служат продовольственные карточки зимы 1941/42 года со 125-граммовой дневной нормой «блокадного» хлеба, в который входило 50% дефектной ржаной муки; по 10% солода и жмыха; 5% соевой муки, обойной пыли, отрубей и 15% целлюлозы. Это — служебные (контрольные) экземпляры карточек, потому что ни у кого из людей, переживших блокаду, таких карточек не оставалось — талоны на них «отоваривались» все до единого.

Страна пришла на помощь осажденному Ленинграду: по льду Ладожского озера, по морозным лесам была проложена «дорога жизни», по которой стало поступать продовольствие для ленинградцев. Пророческими оказались слова хранящегося в Библиотеке обращения Военного совета фронта к водителям ладожской трассы: «Ваших трудов Родина и Ленинград не забудут никогда». И так же крепко останется в памяти ленинградцев радостная встреча обоза с продовольствием, прибывшего в город из партизанского края,— открытка, напечатанная в те дни, воспроизводит это событие.

К весне 1942 года улицы Ленинграда сбросили ледовую коросту, на площадях и парках были разбиты огороды, пошли по привычным маршрутам стоявшие всю зиму трамваи и, хотя враг по-прежнему находился в нескольких трамвайных остановках от городских окраин, жизнь города заметно оживилась. Об этом наглядно свидетельствуют сохранившиеся пригласительные билеты на выставки, научные сессии, лекции; афиши и программы спектаклей, концертов. На программе первого исполнения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в ленинградской Филармонии имеется посвящение, датированное 28 февраля 1942 года: «Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию».

Какие книги доставляли в Библиотеку ее сотрудники, возвращаясь из походов в издательства и в типографии? С 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года в Ленинграде было выпущено 1706 книг и брошюр. По названиям многих из них можно проследить жизнь и борьбу города в те годы. Вот брошюрки о том, как готовить съедобные блюда из травы, как организовать и вести работу в личном огороде, как выращивать овощи в комнате, как пригото-

вить чай и кофе из культурных и дикорастущих растений Ленинградской области. А вот и боевые наставления: «Уничтожай вражеских парашютистов», «Противовоздушная защита детей», «Наш дом готов к обороне», «Уход за хирургическими больными на дому».

И в то же время начала выходить серия «Архитектурные ансамбли Ленинграда», воссоздающая историю Марсова поля и Дворцовой площади, Стрелки Васильевского острова и площади Искусств. Книги эти жадно расхватывались ленинградцами, стремившимися разглядеть под шрамами и рубцами, покрывавшими творения замечательных зодчих, их прошлое величие и будущую возрожденную красоту. И словно символы этой немеркнущей красоты воспроизводились на обложках тогдашних изданий силуэты Петропавловской крепости, Адмиралтейства и Смольного. Не замирала научная жизнь Ленинграда: выходили из печати книги историков Е. В. Тарле, В. В. Мавродина, литературоведов Н. С. Державина, И. А. Груздева, Н. К. Пиксанова, был издан фундаментальный коллективный труд «Основы военно-полевой хирургии» с посвящением: «Великому и героическому Ленинграду в дни тяжелых испытаний и борьбы 1941—1942 гг., с беспредельной сыновней любовью, свой труд посвящают авторы».

С особой силой потянулись в те дни защитники Ленинграда к русской классической литературе. Изданный огромным тиражом роман Л. Н. Толстого «Война и мир» можно было встретить и в фронтовой землянке, и в освещенной коптилкой ленинградской квартире. Книги Пушкина и Гоголя, Чехова и Некрасова, Горького и Маяковского, Островского и Фурманова тоже помогали ленинградцам жить и бороться.

Доблесть, величие и героизм будничных дней Ленинграда запечатлены в стихах, очерках, рассказах поэтов и прозаиков тех лет... Ленинградские очерки Всеволода Вишневского, стихи и рассказы Николая Тихонова, стихи Ольги Берггольц, Веры Инбер, Михаила Дудина, Николая Брауна, Всеволода Рождественского укрепляли стойкость ленинградцев. Распространены были коллективные сборники стихов, рассказов, очерков, посвященные Ленинграду, Ленинградскому фронту, Балтфлоту: «Вася Теркин на Ленинградском фронте», «Балтийцы в боях», «Тебе, Ленинград!», «Армии нашей», «За Родину, за Ленинград». Особенно привлекали книжки-малютки: «Раз-

горайся ненависти пламя», «Балтфлот смеется», «Не уйти врагу живым» и др.

Стихи поэтов-фронтовиков появлялись на ярких листках «Боевого карандаша», возродивших традиции «Окон РОСТА», в газетах, брошюрах и листовках. Многие из них западали в память воинов, воплощая их самые заветные стремления. И кто знает, сколько бойцов, вышедших в январе 1944 года из пулковских, лиговских, синявинских траншей на штурм фашистских позиций, повторяли строки розданной накануне листовки:

Вперед! Солдату нет преград
И нет иной отрады,
Как только видеть Ленинград
Свободным от блокады.

А через несколько дней на улицах освобожденного города появились листы с приказом командующего войсками Ленинградского фронта Л. А. Говорова: «Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы».

Свыше 18 тысяч книг, брошюр, журналов, газет, листовок, плакатов, открыток, объявлений и других материалов, составляющих уникальную коллекцию «Ленинград в Великой Отечественной войне», документально отражают подвиг города Ленина.

Враг хотел отнять у Ленинграда прошлое, лишить его настоящего и будущего, но великий и вечный город повергнул врага и покрыл себя неувядаемой славой. Отсветами ее озарена собранная в те годы коллекция, которой по праву гордится Публичная библиотека.

ОДИН ДЕНЬ

У магистрали шумной городской,
где весело текут живые реки,
как волнорез,
дробя поток людской,
вздымается фронтон библиотеки.

И. Авраменко

В предыдущих очерках мы познакомили вас с историей создания фондов Публичной библиотеки, с судьбой некоторых замечательных книг и коллекций. Каждый из этих фондов, каждая из коллекций составляют лишь небольшую часть огромного организма Библиотеки. А поскольку организм этот живет и непрерывно развивается, представление о нем будет неполным, если не увидеть его в повседневной жизни, в непрерывной и сложной трудовой деятельности. И хотя мы наперед знаем, что наш рассказ о сегодняшнем трудовом дне Публичной библиотеки будет неполон, подойдем все же к ее служебному подъезду, присоединимся к толпе сотрудников, растекающейся по старинным лестницам, запутанным коридорам, многоэтажным книгохранилищам и тесным служебным кабинетам, и пройдем по тому пути, который предстоит проделать книгам, поступающим в Библиотеку, и людям, пользующимся этими книгами.

Все начинается с Отдела комплектования. Новые поступления в Библиотеку доставляют в эти комнаты, распаковывают, сортируют и выставляют на служебной выставке, чтобы сотрудники читальных залов и книгохранилищ познакомились с будущим пополнением своих фондов, взяли их на заметку и в случае необходимости заказали дополнительные экземпляры.

Дело в том, что на эту выставку попадают только издания, поступившие в библиотеку в качестве всесоюзного контрольного обязательного экземпляра и составляющие основную массу вновь приходящей отечественной литературы. Основную, но отнюдь не всю, так как комплектование не сводится к получению бесплатного

обязательного экземпляра, а включает еще и покупку большого количества отечественных книг.

Во-первых, приходится дополнительно приобретать книги, которые нужны Библиотеке, во многих экземплярах. Произведения классиков марксизма-ленинизма, актуальная политическая литература, издания официальных документов пользуются большим спросом у читателей, и значит, надо обеспечить каждый читальный зал этими книгами. Необходимы также для всех залов и отделов энциклопедии, справочники, языковые словари. А издания по таким дисциплинам, как кибернетика, бионика, социальная психология, требуются в равной мере инженерам и педагогам, биологам и философам, так что двумя обязательными экземплярами здесь никак не обойтись.

Во-вторых, Библиотека непрерывно восполняет пробелы, «лакуны», в своих старых фондах. Пробелы, казалось бы, не так уж и велики: из числа книг, вышедших в свет за четыре с лишним столетия существования русского книгопечатания, Публичная библиотека не досчитывает всего около 15 тысяч. Но ведь национальное книгохранилище должно располагать всем репертуаром отечественной литературы, и поэтому поиски отсутствующих изданий ведутся настойчиво и планомерно. Часть их удается приобретать в букинистических магазинах, регулярно посещаемых сотрудниками Библиотеки, пользующимися там преимуществами перед всеми остальными покупателями. Кое-что обнаруживается в запасниках других крупных книгохранилищ и поступает оттуда в обмен на дублетные экземпляры. Наконец, кроме покупки и обмена, важным источником поступлений являются дары, получаемые от многих, бескорыстных любителей книги, готовых передать Библиотеке разыскиваемые ею издания.

Большая группа сотрудников Отдела комплектования обеспечивает пополнение фондов иностранной литературой. Это — огромная и сложная работа, она зависит от широты и плодотворности контактов, установленных Публичной библиотекой с зарубежными учреждениями и организациями. Десятки и сотни писем уходят ежедневно по адресам крупнейших библиотек и издательств, ученых обществ и научных ассоциаций 109 стран мира, и столько же с яркими марками и ярлыками авиалиний поступают на столы группы междуна-

родного книгообмена. Около трех тысяч иностранных организаций посылают в Публичную библиотеку книги, журналы и диссертации в обмен на новейшую советскую литературу, пользующуюся огромным спросом во всем мире.

Пополняя фонды иностранными изданиями, Библиотека стремится выбрать из огромного потока выходящих во всех странах книг самые лучшие, самые полезные и — главное — самые необходимые для ее читателей труды зарубежных ученых и литераторов. Для этого она обращается за помощью к ленинградским специалистам по различным отраслям знания. При Отделе комплектования работает пять общественных советов, изучающих содержание мировой книжной продукции и рекомендующих издания, подлежащие первоочередному приобретению. Согласуя свои заказы с заказами других крупнейших ленинградских библиотек, Публичная библиотека вносит значительный вклад в обеспечение научных учреждений, промышленных предприятий и творческих организаций ленинградского региона важнейшей зарубежной литературой.

Около 600 тысяч печатных единиц проходит ежегодно через Отдел комплектования, чтобы затем занять свое место на библиотечных полках. Но предварительно большинство из них попадает в Отдел обработки и каталогов, где каждая книга получает свое «удостоверение личности» — карточку с указанием ее автора, названия, года и места издания, объема и других сведений, необходимых для того, чтобы получить общее представление об этой книге.

В их число входит и «место прописки» — будущий адрес книги на библиотечной полке, или, как его обычно называют, шифр. Для непосвященного человека эта комбинация нескольких цифр и в самом деле кажется чем-то таинственным, но библиотекарь, взглянув на шифр, тотчас скажет, в каком фонде и в каком зале находится эта книга.

От каталогизаторов книги переходят к систематизаторам, определяющим, к какому разделу системы знаний относится то, о чем говорится в книге, и какая предметная рубрика точнее всего передает ее содержание. Нам с вами через несколько страниц еще придется познакомиться с тем, как ведется поиск литературы с помощью библиотечных каталогов, и тогда мы поймем,

какими обширными знаниями нужно обладать для того, чтобы, просмотрев книгу, быстро проникнуть в ее суть и со снайперской точностью найти ей место в сложной структуре систематического и предметного каталогов.

В течение рабочего дня, проведенного нами в Библиотеке, целые пачки карточек будут составлены, отредактированы, снабжены шифрами, классификационными индексами, предметными рубриками и разойдутся по шкафам и ящикам служебных и читательских каталогов. К миллионам карточек, хранящихся в этих ящиках, прибавятся за день новые сотни, а то и тысячи, чтобы отразить богатства, непрерывно поступающие в библиотечные фонды.

Мы идем с этажа на этаж, по узким проходам между книжными шкафами, едва успевая следить за расходящимися во все стороны полками. Такая же картина и в хранилище журнального фонда, только там больше однообразия, и одинаковые корешки журналов, выходивших в течение десятилетий, занимают порою целые шкафы. А патенты, стандарты, календари, театральные программы и другие материалы подобного рода хранятся в картонных коробках и папках, чтобы выиграть драгоценное жизненное пространство, которого так не хватает Библиотеке.

Работа сотрудников фонда скрыта от глаз читателей, не представляющих себе, как трудно поддерживать порядок в многомиллионных книжных собраниях, занимающих тысячи шкафов и сотни километров книжных полок. Мало того, что надо как можно быстрее разыскать, снять с полки и отправить в читальный зал необходимую читателю книгу, нужно еще ежедневно принимать возвращаемые из залов книги и журналы, тщательно просматривая каждый том. Горько об этом говорить, но ведь не перевелись люди, готовые искалечить книгу, вырезать из нее чертеж, картинку или целую страницу текста, и надо вовремя восполнить пострадавшее издание, чтобы оно не утратило свою ценность, а обнаруженного вредителя книг с позором изгнать из Библиотеки.

Прочитанные книги возвращаются на полки, но ведь они по ошибке могут встать не на свое место. А это почти равнозначно утрате книги — найти среди миллионов изданий том, оказавшийся не на своем месте, порою не легче, чем извлечь иголку из стога сена. Чтобы избежать таких потерь, регулярно проводится проверка расстановки

фонда, и все «заблудившиеся» книги возвращаются на свои места.

Многие издания достигли уже почтенного возраста — переплеты поистрепались, бумага обветшала и стала рассыпаться, проступили следы давней плесени и каналы, проеденные книжными червями. Обнаружив поврежденную или больную книгу, хранители фондов обращаются за помощью в Отдел консервации и реставрации фондов, располагающий всеми современными средствами диагносцирования и лечения книжных болезней. Искусные мастерицы-реставраторы устранят подтеки и пятна, восполнят бумажной массой осыпавшиеся части страниц, отремонтируют обветшавшие переплеты, и жизнь книги будет надолго продлена. Порою лишь дата на титульном листе да необычная фактура бумаги напомнят о том, что книга, побывавшая в реставрации, намного старше стоящих рядом современных изданий.

В течение одного дня, намеченного нами для знакомства с жизнью Библиотеки, невозможно побывать во всех ее книгохранилищах, где собрано свыше 25 миллионов печатных изданий. По количеству книг и журналов Публичная библиотека прочно заняла место в первой пятерке крупнейших книгохранилищ мира — вслед за Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина и рядом с вашингтонской Библиотекой Конгресса, парижской Национальной библиотекой и лондонским Британским Музеем.

Чтобы содержать в порядке эти миллионы изданий, сделать их доступными читателям и поставить на службу нашему обществу, нужны усилия огромного коллектива людей. Более 1400 библиотекарей, библиографов и других сотрудников работают в Публичной библиотеке, и за каждым ее новым шагом стоит их большой и напряженный труд.

Теперь мы покинем служебные помещения и подойдем к подъезду, предназначенному для читателей. Придется постоять в очереди — ничего не поделаешь! Главное здание Библиотеки давно уже стало тесным и для книг, и для читателей, общее число которых по всем читальным залам превысило полтораста тысяч.

Многие читатели начинают посещение Библиотеки с просмотра выставки новых поступлений. Книги и брошюры простоят здесь неделю, а потом поступят в основные фонды, откуда их можно будет выписать для чтения.

Впрочем, выписывают из основных фондов не более 10—20% читаемых книг: большинство читателей отправляются к фондам открытого доступа, расположенным тут же в зале. Тут же разложены журналы за последние два года — их тоже можно взять самому. Другие журналы, ученые записки, труды научных учреждений вам выдадут в читальном зале Журнального фонда в течение 10 минут.

Но предположим, что необходимой вам книги в фонде открытого доступа не оказалось и, следовательно, ее придется выписать из основного фонда. Если автор и название книги вам известны, можно разыскать в читательском алфавитном каталоге описание этой книги, указать ее шифр и отправить требование в фонд. Казалось бы — чего проще! Но беда в том, что мы с вами располагаем далеко не всегда полными и точными сведениями о книге: то ли источник наш оказался недостоверным, то ли память подвела, но книгу почему-то в каталоге не найти. Приходится отправлять требование без шифра в надежде на то, что библиографы служебного алфавитного каталога уточнят ваши неполные (или неверные) сведения и отыщут нужное вам издание. Обычно им это удается, но мало кто знает, каких это стоит трудов, сколько библиографических пособий и справочников приходится просмотреть, чтобы отыскать необходимую вам книгу.

Если же вы ищете не какую-либо определенную книгу, а хотите узнать, какая имеется литература по теме ваших занятий и на основе этого сделать свой заказ в фонд, придется обратиться к систематическому или предметному каталогу, о которых мы ранее упоминали. Для этого надо как можно точнее сформулировать интересующий вас вопрос, и тогда дежурный, определив, к какому разделу библиотечно-библиографической классификации наук этот вопрос относится, принесет вам ящик систематического каталога с описаниями книг, рассматривающих данный вопрос как в контексте более широкой проблематики, так и в самом узком его аспекте. Обращение к предметному каталогу будет схоже с использованием энциклопедии: группы карточек с описанием книг, трактующих тот или иной вопрос (предмет), расставлены здесь в алфавите этих предметов.

Итак, тем или иным путем вы нашли то, что искали, послали требование в фонд и через час или полтора получите в читальном зале заказанную книгу.

Но вот настало время получения книги, вы подошли к

пункту выдачи, а вместо книги вам вручили «отказ». Не отсылку в другой зал, не ответ о том, что книга занята другим читателем, а стопроцентный отказ, т. е. уведомление о том, что книги этой в Публичной библиотеке вообще нет. Бывает ведь и так, особенно когда речь идет об иностранных изданиях, представленных в ее фондах далеко не полностью. В этом случае вам придет на помощь межбиблиотечный абонемент: по специальным справочникам можно установить, в какой из крупнейших библиотек имеется нужная вам книга или журнал, и выписать их оттуда. Конечно, ждать придется несколько недель, но как только книга поступит в читальный зал, вас не забудут известить об этом.

Естественно, что Публичная библиотека в свою очередь оказывает такую помощь другим библиотекам, и ей приходится гораздо чаще посылать книги, чем брать их в долг. Около 100 тысяч изданий (или их копий) покидает ежегодно ее полки, чтобы поступить к читателям трех с половиной тысяч библиотек всех областей и республик СССР. В единой библиотечной сети, охватывающей всю страну, Публичная библиотека занимает одно из главных мест, открывая доступ к своим богатствам всем, кому они действительно нужны.

Теперь, когда мы узнали о путях, по которым книги, хранящиеся в Публичной библиотеке, поступают к читателям, более весомыми и понятными окажутся статистические данные: Библиотека выдает ежегодно в читальные залы и по межбиблиотечному абонементу 7—8 миллионов печатных изданий или, иначе говоря, предоставляет в пользование треть накопленных в ней фондов.

Конечно, книги используются отнюдь не равномерно. Некоторые из них сходят с полок раз в несколько лет, а то и вовсе стоят целый век неразрезанными и непрочитанными, и только через полтора-два столетия оказывается, что в них скрывается какой-то полезный рецепт или хитроумный чертеж, и дознавшийся об этом врач или конструктор с благодарностью перелистывает труд своего забытого предшественника. А есть книги, непрерывно кочующие и подолгу не возвращающиеся на свои места,— за счет их и возрастают, главным образом, показатели оборачиваемости фондов, увеличивающиеся в Библиотеке из года в год.

Дело близится к вечеру, и мы с вами готовимся покинуть читальные залы, но перед уходом еще раз окинем их

взглядом. Нетрудно заметить, что читатели работают по-разному: одни, склонясь над тетрадью или блокнотом, терпеливо выписывают большие фрагменты текста; другие медленно листают страницы, словно стараясь вобрать в себя смысл прочитанного; третьи, просматривая книги или журналы, вкладывают в них заранее заготовленные бумажные полоски. Значит они намерены обратиться в мастерскую ксерокопирования, где можно будет через час получить еще не остывшие копии заложенных страниц, избавившись тем самым от необходимости воспроизведения сложных формул, чертежей или просто больших кусков текста. Ксерокопии, фотокопии, микрофильмы все больше входят в обиход специалистов, сокращая время пребывания в Библиотеке и увеличивая эффективность работы с книгой. Свыше двух миллионов листов в год воспроизводят всеми этими способами мастерские Отдела внешнего обслуживания Публичной библиотеки.

Завершая обход Библиотеки, мы заглянем в Информационно-библиографический отдел, чтобы получить представление о его работе. Большое место в ней занимает создание так называемой предупредительной информации, т. е. распространение сведений о вновь выходящей литературе, которая может (и должна!) понадобиться людям, разрабатывающим определенную проблематику. Для этого Библиотека ознакомилась с научными планами более 400 ленинградских учреждений, выяснила научные интересы свыше 250 ведущих ученых и взяла их на информационное обеспечение: ежемесячно им направляют сводки литературы по их специальности, появившейся за последние недели. Тем самым обращение к новинкам научной и технической мысли значительно ускоряется, и кто знает, сколько изобретений и открытий уже сделано благодаря этой помощи со стороны информационной службы Библиотеки.

Впрочем, большинство абонентов не ограничивается просмотром высылаемых им данных о новейшей литературе, а стремится получить более широкое представление о книгах и статьях, накопившихся по той или иной теме за последние годы (или даже десятилетия). В таком случае они, как и все остальные читатели, могут получить специально подготовленную по их просьбе библиографическую справку. Это — один из самых популярных видов информационной помощи, оказываемой Библиотекой: в среднем каждый седьмой посетитель читальных залов об-

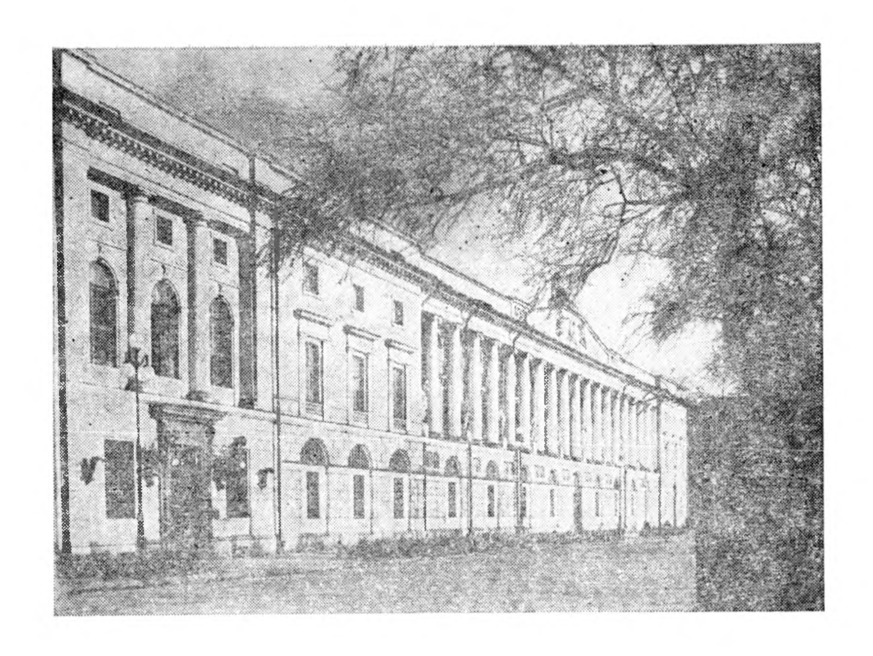
ращается к библиографу со своими запросами и получает от него необходимые сведения. Более 200 тысяч справок в год выполняет Информационно-библиографический отдел.

Порою библиографам приходится отвечать на самые неожиданные вопросы, касающиеся отнюдь не только сведений о литературе: их спрашивают о нормах трудового законодательства и о новых технологических процессах, об авторе популярной песни и о противопоказаниях для поездок на курорты, о достопримечательностях заморских городов и о порядке внедрения изобретений. Конечно, никто из библиографов не держит все эти сведения в голове, но зато они знают, где и как их искать, и щедро делятся своими знаниями с читателями, помогая найти ответы если не на все, то почти на все задаваемые вопросы.

...Давно уже наступил вечер. За окнами читальных залов зажглись фонари Екатерининского сквера. Большинство сотрудников Библиотеки уже разошлись по домам, и в залах, фондах, каталогах, на справочных пунктах остались только дежурные. Скоро придется уходить и нам, а мы еще многого не успели посмотреть даже в главном здании Библиотеки, не говоря о ее многочисленных помещениях в других частях города, где расположены общие и юношеские читальные залы, отделы газет, нот и звукозаписей, литературы на языках народов СССР и литературы стран Азии и Африки (кстати, мы еще не сказали, что в Библиотеке хранятся издания на 380 с лишним языках). Не дошли мы и до пятого этажа, где расположены отделы, в которых занимаются изучением проблем библиотековедения, библиографоведения, книговедения, подготовкой к изданию библиографических пособий и осуществляют методическое руководство работой библиотек РСФСР. Многие научные проблемы разрабатываются учеными Публичной библиотеки совместно с коллегами из Польши, Чехословакии, Болгарии, ГДР — плодотворность социалистического содружества наглядно проявляется и на этом участке общественной жизни наших стран.

Все отделы и подразделения Библиотеки составляют единый комплекс, и представление о Публичной библиотеке без упоминания о всех ее составных частях было бы далеко не полным.

...Мы выходим на улицу из читательского подъезда

и невольно любуемся прекрасным зданием Публичной библиотеки — несколькими воедино соединенными корпусами, последовательно построенными Е. Т. Соколовым, К. Росси, Е. С. Воротиловым. Особенно впечатляет 90-метровый корпус Росси с восемнадцатью белоснежными колоннами, скульптурами десяти великих деятелей античной культуры. Самым первым — от Невского проспекта — легендарный древнегреческий поэт Гомер. На лире, которую он держит в руках, греческая надпись — «Илиада» и «Одиссея». Рядом с ним — философ Платон. За ним — знаменитый математик Евклид, труды которого пережили тысячелетия. Около Евклида — фигура древнегреческого драматурга, автора более 90 трагедий. В его руке трагическая актерская маска. Это Еврипид. Рядом знаменитый врач Древней Греции — Гиппократ, основным принципом которого было: «Лечить не болезнь, а больного». Он опирается на посох, обвитый змеей, ставшей эмблемой медиков всего мира. Затем — фигура Демосфена — блестящего оратора Афин. Как гласит легенда, Демосфен с детства заикался и подергивал плечом. Чтобы избавиться от этих недугов, он придумал себе тренировку — брал в рот мелкую гальку

и на берегу моря читал стихи. Подвешивал к потолку меч и становился плечом под его острие. Плечо превратилось в кровавую рану, ибо каждое подергивание им влекло за собой укол. Но зато он вскоре был вознагражден успехами и популярностью. В седьмой лоджии — поэт Вергилий. С Вергилием рядом другой римлянин — знаменитый историк Тацит, в левой руке которого свернутый свиток. По соседству с Тацитом писатель, философ, оратор Цицерон с небольшим листом в руке. И в последней лоджии — бородатый старец с длинным развернутым свитком в руке, «отец истории» грек Геродот. Над ними на аттике восседает на троне Минерва — одна из самых почитаемых богинь у древних римлян. Она покровительница знаний, искусств и ремесел. Выполнены все эти фигуры крупнейшими скульпторами начала XIX века: В. И. Демут-Малиновским, М. Г. Крыловым, С. С. Пименовым и др.

Вначале статуи были покрыты под бронзу, затем — черной краской, в настоящее время они белые.

Здание Публичной библиотеки одно из тех, которые придают нашему городу, по выражению Пушкина, «строгий, стройный вид».

Здание Библиотеки украшают и четыре мемориальные доски. Две из них — в честь выдающихся ее читателей — В. И. Ленина и Г. В. Плеханова; две другие напоминают о замечательных сотрудниках Библиотеки — баснописце И. А. Крылове и критике В. В. Стасове.

Мы огибаем здание Библиотеки и видим, как на большом циферблате, занимающем центральное окно Русского фонда, стрелки показывают десять часов вечера. Завтра утром Публичная библиотека начнет свой новый трудовой день.

ЧТО БУДЕТ ЗАВТРА

Лучший пророк будущего — прошлое.
Байрон

Человечество накопило в своих хранилищах более сотни миллионов названий книг, брошюр, патентов. Ежегодно этот колоссальный объем информации увеличивается более, чем на 500 тысяч наименований книг и брошюр, на миллионы других видов изданий.

В Советском Союзе за последние годы стабилизировалось ежегодное производство книг и брошюр в количестве 86 тысяч названий и с тиражом 1 миллиард 800 миллионов единиц. За один день в стране выпускается только книг и брошюр до 4,8 миллионов экземпляров, в час — более 200 тысяч, в минуту — более 3333 экземпляров, а в секунду — 550 экземпляров! Вспомним, что Гутенберг 5 лет отливал свои литеры и 3 года печатал свою знаменитую Библию, выпустив всего 200 экземпляров ее.

Будущее любой библиотеки тесно связано с судьбой книги и книгопечатания. Этот океан информации выдвигает ряд серьезных проблем хранения и быстрого нахождения нужной информации.

Какой будет и должна быть Библиотека на рубеже третьего тысячелетия новой эры? На этот вопрос мы постараемся ответить, опираясь на реальные факты сегодняшнего дня и тенденции развития крупнейших библиотек.

По прогнозу, основанному на реальном развитии издательского дела в стране, к началу XXI века фонд Публичной библиотеки увеличится на 17—18 миллионов единиц и составит 40 миллионов единиц хранения.

В Главном здании и во всех иных зданиях, принадлежащих Библиотеке, все пространственные возможности исчерпаны. Для поступления новых изданий нужны

новые площади. По решению Советского правительства ЛенНИИпроекту поручено проектирование нового здания Публичной библиотеки. Заслуженный архитектор РСФСР В. Н. Щербин и архитектор Л. К. Варшавская при участии архитектора Л. Е. Кисельгофа завершают создание проекта. Местом строительства избран Московский проспект. Главный фасад здания будет выходить на проспект (напротив станции метро «Парк Победы»). В пятиэтажном здании предусмотрена система читальных залов для научных работников и специалистов на 2000 мест, а 9-этажное книгохранилище рассчитано на 20 миллионов томов.

Архитектурно проект нового здания сохраняет парадную традицию исторически сложившегося комплекса зданий Публичной библиотеки. Монументальность здания достигается созданием круглого входного двора. Перед ним предполагается установка двух скульптурных групп, символизирующих «Науку» и «Искусство». Стены здания будут облицованы естественным камнем (доломитом или травертином), для рельефов витражей будет использован анодированный алюминий. В вестибюле первого этажа расположится мозаичное панно, прямо против главного входа в Библиотеку. На всех этажах — аванзалы с барельефами деятелей науки и искусства. Помещения читательской зоны будут расположены в 3 этажа, общая высота которых равна пяти этажам служебной зоны. По проекту все читальные залы сгруппированы в восточной части корпуса, служебные же помещения расположены по периметру здания. Основной принцип внутренней организации здания — строгое разграничение помещений для отделов, читальных залов и хранилищ. В новом здании не будет огромных читальных залов. Самый крупный читальный зал — зал технической литературы на 400 мест — будет разделен на четыре равных помещения. Предусматривается специальный читальный зал с индивидуальными столами для специалистов высшей квалификации — докторов наук, в который будут доставляться все виды изданий независимо от места их хранения. (Следует заметить, что даже после строительства нового комплекса хотя и значительно уменьшится количество зданий, занимаемых фондами Библиотеки, все же их останется пять по различным адресам города). Особый зал на 50 мест будет создан с изолированными кабинетами. Здесь читатели смогут

работать с переводчиками, незрячие читатели — с чтецами и все, кто будет пользоваться различной аппаратурой — диктофонами, электронноклавишными вычислительными машинами и т. п.

Залы для выставки новых поступлений и текущих периодических изданий дадут возможность обслужить читателей оперативно, с максимальным сокращением времени. Все большее место будет занимать выдача копий, что значительно сэкономит время читателя. Предполагается в год производить 7—8 миллионов копий.

Но будущее мы рассматриваем не только как улучшенное продолжение настоящего. В новом здании будет создана более совершенная система транспортировки печатных изданий. Электронные устройства будут следить за движением требований и книг, подсчитывать число читателей, количество выданных изданий, изучать характер читательского спроса, расписывать текущую периодику по нужным темам. Машины будут переводить запрос читателя на язык машины, разыскивать нужную информацию, переводить на иностранные языки. По всей вероятности, в широкое употребление войдут книги-кассеты, которые будут выдаваться на дом для чтения с помощью телевизора. В холлах установятся кассетные телевизоры для просмотра видовых фильмов. Чтобы не мешать окружающим, они будут снабжены наушниками.

В Библиотеке предполагается создание мощной базы для консервации и реставрации фондов.

Время беспощадно к книге: оно разрушает ее плоть, листы книг пересыхают, крошатся, ломаются, их поедают личинки жучков-точильщиков, на них поселяются микроскопические грибки, ветшает обложка, тускнеют краски... На помощь книгам приходят умные машины и золотые руки реставраторов. Реставрационно-отливная машина третьего поколения, сконструированная сотрудниками Публичной библиотеки, в считанные минуты превратит ветхий лист в новый, укрепляя и заполняя недостающие его части специально приготовленной бумажной массой. Существенную помощь в реставрации материалов оказывают ферменты, обладающие исцеляющей силой: одни из них удаляют жировые пятна, другие снимают загрязнения, третьи растворяют клей... Идет борьба за долголетие книг! Говорят, что современная бумага не сохранится более века. Это прискорбно.

Но мы верим в силу человеческого разума, который научится замедлять процесс старения бумаги.

Можно надеяться, что в ближайшем будущем обязательный экземпляр, поступающий в библиотеки, будет делаться на специальной, особо долговечной бумаге.

Современный опыт учит нас к механизации старых библиотечных зданий подходить с осторожностью, с необходимостью тщательного изучения и учета рентабельности механизированных систем. Это учтено в перспективной программе по механизации и автоматизации главного здания Библиотеки. В ней предусмотрена разработка технического проекта «АСУ-Библиотека», применение вычислительной техники, разработка автоматизированного рабочего места (АРМ) библиотекаря на основе совместной работы оргавтомата и ЭВМ, использование радиотелевизионной аппаратуры, дальнейшее внедрение оргавтоматов в практику, создание контейнерной пневмотранспортной системы для транспортировки книг, создание машиночитаемого каталога и т. д.

Принимая во внимание рост книжной продукции во всем мире, мы должны очень четко отдавать себе отчет, что строительство новых зданий не решит проблему хранения на долгие годы. Нужно искать и другие пути. Один из иных путей — развитие техники микроминиатюризации-репрографии. На этот путь нас заставляет встать и невозможность колоссального увеличения производства бумаги, для чего нужны древесина и чистая вода, а они становятся дефицитом. Непозволительное расточительство их может привести к серьезным нарушениям экологического равновесия и в конечном счете поставить под угрозу существование человека на земле! Нынешняя ситуация с бумагой напоминает ситуацию с пергаменом во времена Гутенберга, когда на одну пергаменную книгу среднего размера шло не менее 16 телячьих кож. Даже для тиража в 30 экземпляров требовалось более 500 телят!

Сейчас во всем мире ставится вопрос о расширении микрофиширования. Обычный формат прямоугольной формы микрофиша — 10,5×14,8 см, на которой при 20-кратном уменьшении располагается 120 страниц книжного текста, а при 250-кратном — годовой комплект «Книжных летописей». Книги на микрофишах издаются в десятки раз быстрее обычных, их «типография» размещается в небольшой комнате, весят такие издания счи-

танные граммы. Микрофиши читаются с помощью ридера — читального аппарата, имеющего разнообразные модификации: от крупных стационарных, рассчитанных на большую аудиторию и на чтение с экрана, до маленьких, портативных, умещающихся в коробке из-под электробритвы. Есть ридеры со специальным копирующим устройством. Широкое применение микрофиши значительно бы сохранило площади и бумагу. Еще в 1947 году тогдашний президент АН СССР С. И. Вавилов в статье «Несколько замечаний о книгах», приветствуя идею микропечати, писал: «...для того, чтобы понять, что означало бы широкое внедрение в практику микропечати, можно заметить, что объем большого книгохранилища, вмещающего до 10 миллионов библиотечных единиц, с 30 тыс. куб. метров понизился бы до сотни кубических метров, то есть до размеров одной небольшой комнаты» [80].

Микрофиширование не покушается на уничтожение книги как таковой. Сам его принцип предполагает наличие эталонного отпечатанного образца, а тиражирование — с помощью микрофиширования. Оригиналы многих изданий смогут сохраняться в единственном экземпляре только в нескольких крупнейших библиотеках страны. На микрофиши целесообразно переводить литературу многократного и длительного пользования — справочники, учебники, литературу социально-экономического, политического, научного, технического содержания, многотомные собрания сочинений. Сейчас за рубежом микрофишами комплектуют новые научные и технические библиотеки. В привычной книжной форме будет оставаться детская литература, книги и альбомы по изобразительному искусству, часть художественной литературы, календари, ноты. Таким способом библиотеки смогут полностью укомплектовать свой фонд и в ряде случаев обходиться без помощи межбиблиотечного абонемента. На этот путь встанет и Публичная библиотека.

В дальнейшем все большее значение приобретет микрофильмирование. Оно широко будет использоваться как при обслуживании международным абонементом, так и в переводе части фондов на микрофильмы. Расчеты показывают, что микрофильмирование периодических изданий за старые годы (особенно иностранных газет и журналов) сокращает площади их хранения в 90 раз. Особенно большое значение имеет микровоспроизведение

газет, печатаемых на бумаге низкого качества. Из микроизданий могут создаваться так называемые страховые фонды. Микроиздания защищают фонды от уничтожения во время стихийных бедствий.

В настоящее время четко прослеживается тенденция использования наряду с книгами электронной памяти машины. В будущем предполагают, что с помощью системы машин можно будет быстро и на любое расстояние благодаря связи через спутники передавать любую информацию.

Вопреки убеждению некоторых в том, что книга отжила свой век и в настоящее время переживает последний этап, мы уверены, что книга, особенно художественная, сохранит свою классическую форму еще на очень долгие годы. Книга — самый традиционный, привычный, удобный способ приобретения знаний. Механические средства получения духовной информации не смогут вызвать у человека такие глубокие эмоции, какие вызывает у людей общение с хорошей книгой. Библиотека ведь это не только пункт получения любой информации, но и место для раздумий, размышлений[81]. Может быть, мы старомодны в своих рассуждениях, но исчезновение библиотек равносильно исчезновению народной памяти, всякой связи с прошлым. Книга будет жить вечно, а стало быть, и ее хранилище тоже!

Венгерский библиотековед М. Веспреми очень образно представил работу библиотеки на пороге XXI века: «Работа в библиотеке начинается у диктофона: читатель произносит фамилию автора и название требуемой книги, мгновенно срабатывает самораспределяющий механизм и через несколько секунд книга поступает на читательский пункт... Читателю нет нужды брать книгу в руки. Строки появляются перед ним на настольном экране. Те, кто щадит свое зрение, слушают текст с помощью электронного диктора. Иностранная книга может переводиться автоматическим устройством, включающимся нажатием кнопки. Не возникает проблемы и в том случае, если читателя интересует отдельная глава, персонаж или абзац. Поисковая система за считанные секунды установит, на какой странице это можно «прочитать». Если читатель нечаянно пропустил нужные ему страницы, сигнальная аппаратура зажигает на пульте номер страницы, с которой чтение нужно начать снова»[82]. Так будет или несколько иначе, трудно сказать.

Но порукой тому, что все это будет, то, что оно уже частично есть. Но нужно помнить, что ЭВМ и другие аппараты — это только помощники библиотекаря. Без библиотекаря — все это беспомощная груда металла и других материалов. Библиотекарь никогда не будет бездушным придатком машины! Какие бы умные машины у нас ни появлялись, все же главным помощником читателя останется библиотекарь.

*

Наша книга подошла к концу, но мы надеемся, что большинство читателей продолжит знакомство с Публичной библиотекой, побывав в ее залах и фондах и увидев собственными глазами те книги, брошюры и плакаты, о которых здесь было рассказано.

Что может быть увлекательнее первой встречи с незнакомой книгой, еще пахнущей типографской краской и ледерином переплета, или со старинным томом, одетым в телячью кожу и заманчиво шуршащим страницами! Новые, еще неведомые миры раскрываются перед нами, порождая новые думы, образы, мечты.

Любовь к книге — это древняя любовь человечества. По книгам, которые читает человек, можно составить понятие о нем самом. В еще большей мере это относится к книгам, собираемым их владельцем: если книжное собирательство ведется осмысленно, а не сводится к накапливанию непрочитанных книг, оно имеет большое значение для развития культуры.

Книголюбы оказали немало услуг государственным библиотекам, помогая сохранять редкие, изчезнувшие книги. К тому же для каждого истинного книголюба не безразлична судьба его библиотеки; будет ли она служить людям или рассыпется по букинистическим магазинам, и многолетний культурный труд пойдет прахом. Мы знаем множество примеров, когда из частных коллекций вырастали государственные библиотеки, музеи, архивы, да и личные собрания, вошедшие в состав Публичной библиотеки, во многом обогатили ее фонды.

Библиотека — храм Сбереженного Времени, так прекрасно сказала М. С. Шагинян. И ее словами мы заканчиваем нашу книгу: «Библиотека — это не только книга. Это прежде всего колоссальный концентрат спрессованного времени, как бы сопряжение тысячелетий человеческой мысли, перенесенной на пергамент, папирус, бумагу...» [83].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В КНИГЕ ИСТОЧНИКОВ

1. Цит. по кн.: Слово о книге /Сост. Е. С. Лихтенштейн. М., 1968, с. 37.
2. Луначарский А. В. Книгу — во все концы России.— В кн.: Ленин и библиотечное дело. М., 1969, с. 39, с. 396.
3. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948, т. 2, с. 68.
4. Имп. Публичная библиотека за сто лет: 1814—1914. Спб., 1914, с. 112.
5. Там же, с. 252.
6. Стасов В. В. Собр. соч.: 1847—1886. Спб., 1894, т. 3, стб. 1528.
7. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1949, т. 2, с. 686.

7-а. Крупская Н. К. Моя жизнь. В кн.: Крупская Н. К. О коммунистическом воспитании. М., 1956, с. 15.

8. Маршак С. Соч.: В 4-х т. М., 1958, т. 2, с. 110, 112.
9. Правда, 1917, 12(25) нояб.
10. Исторический архив. 1961, № 5, с. 55.
11. Цит. по кн.: История Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963, с. 186.
12. Крупская Н. К. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— Красный библиотекарь, 1938, № 12, с. 6.
13. Стасов В. В. Замечания о миниатюрах Остромирова евангелия.— Цит. соч., т. 2, стб. 131.
14. Полн. собр. рус. летописей. Спб., 1846, т. 1, с. 65—66.
15. Павлов Н. И. Русский книжный знак. М., 1979, с. 32—34.
16. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 315.
17. ГПБ, ОР и РК, ф. 859, карт. 4, ед. хр. 4, л. 55 (М. М. Попов. Конец и последствия бунта 14 декабря).
18. Только рукописи А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого и А. М. Горького хранятся централизованно в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, в Музее Л. Н. Толстого в Москве и в Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР.
19. ГПБ, ОР и РК, ф. 552, ед. хр. 72, л. 1.
20. Там же, Ф. 1000, оп. 2, ед. хр. 1189.
21. Цит. по кн.: Слово о книге, с. 26.
22. Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями.— Избр. соч. М.; Л., 1955, т. 1, с. 21.
23. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. 2-е изд. М., 1957, т. 5, с. 206.
24. Герцен А. И. Собр. соч.:

В 30-ти т. М., 1956, т. 7, с. 198.
25. Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934, с. 259.
26. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 261.
27. Пушкин. Цит. соч., т. 7, с. 301.
28. Бонч-Бруевич В. Д. Библиотека и архив РСДРП в Женеве.— В кн.: Ленин и библиотечное дело. М., 1969, с. 315.
29. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Кн. и период. изд. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1982, ч. 2, с. 184.
30. Герцен. Цит. соч., т. 12, с. 203.
31. Сводный каталог, ч. 1, с. 175.
32. Календарь знаменательных и памятных дат, 1982, № 2, с. 43.
33. Народы мира о Ленине. М., 1970, с. 66.
34. Цит. по кн.: Парижская Коммуна 1871. М., 1964, с. 196.
35. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 528.
35-а. Владимир Васильевич Стасов: 1824—1906. М; Л., 1949, с. 91.
36. Голос минувшего, 1916, № 9, с. 121.
37. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1872 год. Спб., 1872, с. 17.
38. Цит. по ст.: Гущин А. С. Политическая карикатура периода Парижской Коммуны.— Искусство, 1934, № 2, с. 153.
39. Маркс, Энгельс. Соч., т. 17, с. 353.
40. Там же, с. 366.
41. Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни. М., 1955, с. 4.
42. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: 1837—1937. М.; Л., 1949, т. 16, с. 14.
42-а. Луначарский А. В. Коммунистический спектакль.— Петрогр. правда, 1918, 5 нояб.
42-б. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1957, т. 6, с. 478.
43. Цит. по кн.: Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972, с. 280, 277.
44. Там же, с. 278.
45. Цит. по ст.: Алексеев М. П. Библиотека Вольтера в России.— В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.; Л., 1961, с. 36.
46. Цит. по кн.: Сиволап И. И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978, с. 255.
47. Пушкин. Цит. соч., т. 7, с. 410.
48. Сов. искусство, 1939, 26 янв.
49. Цветаева М. Письма к Тесковой. Прага, 1969, с. 155, 156.
50. Новый мир, 1976, № 3, с. 179—207.
51. Там же, 1969, № 4, с. 189.
52. Архив А. М. Горького. М., 1960, т. 8, с. 18.
53. Там же, с. 307.
53-а. Телескоп, 1832, № 2, с. 297.
53-б. Плетнев П. А. Соч. и переписка. Спб., 1885, т. 2, с. 233.
54. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 8, с. 214—215.
54-а. Пушкин А. С. Цит. соч., т. 7. с. 154.
54-б. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 3.
55. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 10.
56. Маяковский. Цит. соч., т. 6, с. 106—107.
56-а. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1850 год. Спб., 1851, с. 17—18.
57. Десятилетие имп. Публичной библиотеки (1849—1859). Спб., 1859, с. 23.
58. Голос, 1864, 15 апр.
59. ГПБ, Отдел рукописей и редких книг, ф. 380, ед. хр. 295, л. 24.
60. Бильбасов В. А. История Екатерины Второй. Берлин, т. 12, ч. 1, с. V.
61. Л. Толстой и В. В. Стасов: Переписка. 1879—1906. Л., 1929, с. 296, 301.
62. Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1952, вып. 1, с. 331.

63. В кн.: Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1879. Л., 1980, с. 17.
64. Архив ГПБ, оп. 1, 1813, ед. хр. 5, л. 91.
65. Стасов. Цит. соч., (Пер. А. А. Гольдберга) т. 3, с. 1551.
65-а. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957, т. 10, с. 238—239.
66. Пушкин А. С. Цит. соч., т. 1, с. 313.
67. Чехов А. П. Собр. соч. М., 1948, т. 10, с. 368.
68. Ломоносов. Цит. соч., 1959, т. 8, с. 703.
69. ГПБ, Дом Плеханова, ф. 1094, оп. 1, ед. 9, л. 2 об.
69-а. Там же, ед. хр. 77, л. 2.
70. Там же, ед. 9, л. 4—4 об.; ед. 7, л. 265, 267.
71. Бедный Д. Эп!.. Эп! Стихи про НЭП. М.; Л., 1926, с. 26.
72. Маяковский. Цит. соч., т. 12, с. 153.
73. Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 36.
74. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 158.
75. Там же, т. 45, с. 414.
76. Белинский В. Г. Цит. соч., т. 2, с. 105.
77. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1950, т. 9, с. 42.
78. Комсомольская правда, 1969, 21 июня.
79. Вавилов С. И. Несколько замечаний о книгах.— Сов. книга, 1947, № 1, с. 19.
80. Вавилов С. И. Несколько замечаний о книгах, с. 19.
81. См. подробнее в кн.: Книга и время. М., 1980, с. 30—39.
82. Веспреми М. Библиотека на пороге XXI века.— В кн.: Библиотека будущего: Сб. переводов статей. М., 1970, с. 5.
83. Шагинян М. С. Четыре урока у Ленина. М., 1972, с. 111.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ИЗДАНИЙ

История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963.—435 с.
Афанасьев Ю. С., Мыльников А. С. Публичная библиотека. 150 лет. Л., 1964.—139 с.
Сегал Е. А. Здесь живут книги. М., 1974.—191 с.

Главный Книжный Дом

Очерки истории Ленинграда: В 6-ти т. Л., 1955—1970.
Литературные памятные места Ленинграда. Л., 1976.—544 с.
Пукинский Б. К. 1000 вопросов и ответов о Ленинграде. Л., 1974.—487 с.

Депо манускриптов

Розов Н. Н. Русская рукописная книга: Этюды и характеристики. Л., 1971.—122 с.
Книги. Архивы. Автографы. Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973.—284 с.
Историческая коллекция Эрмитажного собрания. Памятники XI—XVII вв.: Описание /Сост. Д. Н. Альшиц. М., 1968.—158 с.
Воронова Т. П. П. П. Дубровский — первый хранитель Депо манускриптов Публичной библиотеки. — Археографический ежегодник за 1980 г. М., 1981, с. 123—130.
Крачковский И. Ю. Над арабскими рукописями: Избр. соч. М.; Л., 1955, т. 1, с. 21.

В мире первых изданий

Кацпржак Е. И. История книги. М., 1964.—422 с.
Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972.—372 с.
Немировский Е. Л., Горбачевский Б. С. С книгой через века и страны. М., 1964.—377 с.
Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973.—374 с.

«Из искры возгорится пламя»

Нечкина М. В. Декабристы. М., 1976.—183 с.
Декабристы и русская культура. Л., 1976.—355 с.
Литературное наследие декабристов. Л., 1975.—400 с.
Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М.; Л., 1961.
Верные сыны Отечества: Воспоминания участников декабрьского движения в Петербурге. Л., 1982.—470 с.

Книги — борцы за народное счастье

Ленин в печати, 1894—1970: Издания произведений В. И. Ленина, книг и брошюр о нем. 2-е изд. М., 1972.—244 с.
Добровольский Л. М. Запрещенная книга в России, 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962.—254 с.
Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. 2-е доп. и перераб. изд.: В 2-х ч. М., 1981—1982. I ч.—199 с.; II ч.—231 с.

Отсвет пламени Парижской Коммуны

Парижская Коммуна 1871: Время, события, люди. М., 1981.—288 с.
Данилин Ю. И. Поэты Парижской Коммуны. М., 1966.—477 с.
Маневич С. М. Издано Парижской Коммуной. М., 1978.—128 с.

«В союзе звуков, чувств и дум...»

Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о прижизненных изданиях А. С. Пушкина... М., 1962.—631 с.
Вацуро В. Э., Гилельсон М. И. Сквозь «умственные плотины»: Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972.—319 с.
Гордин А. М. Крылов в Петербурге. Л., 1969.—330 с.
Голубева О. Д. Горький-издатель. М., 1968.—128 с.

Галерея мирового искусства

Демосфенова Г., Нурок А., Шантыко Н. Советский политический плакат. М., 1962.—442 с.
Минаев Е. Н., Фортинский С. П. Экслибрис. М., 1970.—240 с.
Русский лубок. Альбом «Крокодила». М.. 1970. Вып. 1.—72 с.

Вторая жизнь библиотеки Вольтера

Библиотека Вольтера: Каталог книг /Отв. ред. М. П. Алексеев и Т. Н. Копреева. М.; Л., 1961.—1171 с.
Люблинский В. С. Библиотека Вольтера: Ист. очерк.— В его кн.: Книга в истории человеческого общества. М., 1972, 265—320 с.

О чем говорят автографы

Берков П. Н. О людях и книгах: Из записок книголюба. М., 1965.—144 с.
Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960.—67 с.
Лидин В. Г. Друзья мои — книги: Рассказы книголюба. М., 1976.—381 с.
Ласунский О. Г. Власть книги: Рассказы о книге и книжниках. Воронеж, 1966.—303 с.

Золотые россыпи альманахов

Смирнов-Сокольский Н. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965.—592 с.
Голубева О. Д. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1900—1911 гг.: Библиогр. указ. Т. 1. М., 1957.—483 с.
Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1912—1917 гг.: Библиогр. указ. Т. 2. М., 1958. То же, 1918—1927 гг. Т. 3, 1960.
Голубева О. Д. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1928—1937 гг. Библиогр. указ. Т. 4. М., 1959.—727 с.

Над страницами газет

Вертинский Н. С. Газета в России и СССР XVII—XX вв. М.; Л., 1931.—168 с.
Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов-на-Дону, 1969.—202 с.
Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981.—132 с.

Окно из Европы

Гольдберг А. Л., Яковлева И. Г. Коллекция «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— История СССР, 1964, № 5, с. 92—192.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII—XVII вв. 2-е изд. Иркутск, 1941.—609 с.

Иностранные известия о восстании С. Разина: Материалы и исслед. /Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975.—192 с.

Всемирный географический атлас

Кодес И. И. История картографических фондов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. (Комплектование, организация, обработка, обслуживание).— Тр. Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1960, т. 8(11), с. 187—231.

В Доме Плеханова

Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977. (Жизнь замечательных людей).—350 с.

Курбатова И. Н. Произведения В. И. Ленина в личной библиотеке Г. В. Плеханова.— В кн.: Лениниана. Поиск. Источниковедение. Археография. Л., 1981, с. 55—70.

Главное событие XX века

Бутник-Сиверский Б. С. Советский плакат эпохи гражданской войны, 1918—1921 гг. М., 1960.

Издательское дело в первые годы Советской власти (1917—1922): Сб. документов и материалов. М., 1972.—240 с.

Листовки первых лет Советской власти (25 окт. (7 ноября) 1917—1925): Каталог коллекции Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: В 2-х т. М., 1967—1970.

Назаров А. И. Октябрь и книга. Создание советских издательств и формирование массового читателя. 1917—1923. М., 1968.—386 с.

Книги-малютки

Немировский Е. Л., Виноградова О. М. Миниатюрные книги. Вчера, сегодня, завтра. М., 1977.—255 с.

Коллекция «Ленинград в Великой Отечественной войне»

Непокоренный Ленинград: Краткий очерк ист. города в период Великой Отечественной войны. 2-е изд. Л., 1974.—502 с.

Оборона Ленинграда, 1941—1944: Воспоминания и дневники участников. Л., 1968.—791 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Главный Книжный Дом
7
Сто семьдесят лет
12
Депо манускриптов
21
В мире первых изданий
66
«Из искры возгорится пламя»
73
Книги — борцы за народное счастье
77
Отсвет пламени Парижской Коммуны
87
В союзе «звуков, чувств и дум...»
93
Галерея мирового искусства
103
Вторая жизнь библиотеки Вольтера
117
О чем говорят автографы?
122
Золотые россыпи альманахов
134
Над страницами газет
143
Окно из Европы
150
Всемирный географический атлас
157
В Доме Плеханова
169
Главное событие XX века
174
Книги-малютки
182
Коллекция «Ленинград в Великой Отечественной войне»
193
Один день
198
Что будет завтра
209
Список использованных в книге источников
216
Список рекомендуемых для чтения изданий
219

Голубева О. Д., Гольдберг А. Л.
Г 62 На полках Публичной библиотеки: Очерки.— 2-е изд., исправ. и доп.— М.: Книга, 1983.—224 с.

Популярные очерки, рассказывающие об истории Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, о редких книгах, хранящихся в ее фондах, о сегодняшнем дне Библиотеки и о перспективах ее развития.
Настоящее издание дополнено новыми главами, переработано.
Для книголюбов, работников массовых библиотек, читателей, интересующихся историей Ленинграда.

Г $\frac{4403040000\text{-}087}{002(01)\text{-}83}$ Без объявл. **ББК 78.33**

ВСЕСОЮЗНОЕ ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Ольга Дмитриевна Голубева,
Александр Львович Гольдберг

НА ПОЛКАХ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
НК

Редактор *И. П. Глазырина*
Художник *Т. Л. Игнатова*
Художественный редактор *Н. Е. Бочарова*
Технический редактор *З. С. Мочалина*
Корректор *А. М. Таранкова*

Сдано в набор 22.04.83. Подписано в печать 26.09.83. А 14032. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 12,08. Уч.-изд. л. 11,64. Тираж 34 000 экз. Заказ 294. Изд. № 3727.
Цена 50 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Тульская типография Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

50 к.

Популярные очерки, рассчитанные на читателя-книголюба, дают представление об основных этапах истории Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, о книжных богатствах, хранящихся в ее фондах, о некоторых замечательных книгах и их необычной судьбе, о том, как сложились фонды Библиотеки, как они пополняются в наши дни, как используются, и о будущем Библиотеки.

